

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2020 – № 4 (9)

Ярославль
2020

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 4 (9). – 159 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Л. Г. Батракова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Т. Н. Гущина, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Д. С. Вахрушев, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Бабкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; В. А. Гордеев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; С. Е. Дубова, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; А. Е. Кальсин, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; П. Л. Карабушенко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; В. А. Кваша, кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, директор Ярославского филиала; Р. В. Колесов, кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора Ярославского филиала; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Плоцк, Польша; Д. М. Мадиярова, доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; В. И. Пефтиев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; А. П. Опальский, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; Н. Х. Розов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва; Д. Г. Сельцер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ирэна Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиньша, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Пашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; Г. А. Шмарловская, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь; В. А. Явнин, доктор психологических наук, профессор института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета, г. Москва.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020
© Авторы статей, 2020

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Социально-политические исследования = Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2020. – № 4 (9). – 159 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical sciences, professor of the department of finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor, head of the department of social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **V. A. Gordeev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical sciences, professor of the department of financial markets and banks of the Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical sciences, professor of the professor of the department of management and entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **V. A. Kvasha**, candidate of economical sciences, associate professor, Financial university under the Government of Russian Federation, director of Yaroslavl branch; **R. V. Kolesov**, candidate of economical sciences, associate professor, Financial university under the Government of the Russian Federation, deputy director of Yaroslavl branch; **Zbigniew Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical sciences, professor of department of economical and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Pefitiev**, doctor of economical sciences, professor of the department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical sciences, professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow; **N. K. Rozov**, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member of RAO, dean of the faculty of pedagogical education of the Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor of the department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2020
© Authors of articles, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

*Политические институты,
процессы и технологии*

Никовская Л. И. Методологические возможности концепта сложно-составного конфликта на постсоветском пространстве __ 5

Якимец В. Н., Никовская Л. И. Оценка деятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики в Сакском муниципальном районе Республики Крым _____ 22

Жданов А. И., Мухаев Р. Т. Эволюция системы политических ценностей в современной России _____ 38

Таланов С. Л. Программа «Безопасный город» как важное направление государственной политики в сфере борьбы с преступностью _____ 52

Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)

Батракова Л. Г. Кадровый потенциал региона как основа устойчивого инновационного развития _____ 78

Коречков Ю. В. Предпринимательская деятельность в региональной экономике: на основе государственно-частного партнерства _____ 95

Россиина Н. С. Производные финансовые инструменты, их риски и возможность использования в региональной экономике _____ 106

Теория, методика и организация социально-культурной деятельности

Немков П. А. Формирование гражданской идентичности учащихся в рамках российского движения школьников _____ 121

Лаврентьева З. И. Методология исследования приемной семьи как педагогического феномена _____ 135

Ясвин В. А. Экологическая политика в сфере формирования культуры: цели и результаты __ 147

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 157

THE CONTENT

*Political institutions,
processes and technologies*

Nikovskaya L. I. Methodological possibilities of the concept of complex-composite conflict in the post-soviet space _____ 6

Yakimets V. N., Nikovskaya L. I. Assessment of the activities of institutions and subjects of municipal public policy in the Saki municipal district of the Republic of Crimea _____ 23

Zhdanov A. I., Muhaev R. T. Evolution of the system of political values in modern Russia__ 39

Talanov S. L. Safe city program as an important area of state policy in the fight against crime __53

Economy and economic management (regional economics)

Batrakova L. G. Human resources potential of the region as a basis for its sustainable innovative development _____ 79

Korechkov Y. V. Entrepreneurial activity in the regional economy: based on public-private partnership _____ 96

Rossiina N. S. Derivative financial instruments, their risks and the possibility of using them in the regional economy _____ 107

Theory, methods and organization of socio-cultural activities

Nemkov P. A. The formation of students' civil identity as part of russian student movement's activity _____ 122

Lavrentyeva Z. I. Methodology for studying the foster family as a pedagogical phenomenon_ 136

Yasvin W. A. Formation of ecological culture of the population: goals and results _____ 148

INFORMATION ABOUT AUTHORS 159

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Л. И. Никовская

УДК 327.8

<https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

**Методологические возможности концепта сложно-составного
конфликта на постсоветском пространстве**

Для цитирования: Никовская Л. И. Методологические возможности концепта сложно-составного конфликта на постсоветском пространстве // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 5-21. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-5-21

На основе методологических возможностей сложно-составного конфликта исследуются особенности сложного и противоречивого процесса формирования, вызревания и развертывания региональной конфликтности на постсоветском пространстве. Показано, что решающей точкой старта, или «ядра», формирования всей цепочки моноконфликтов, составляющих «тело» многомерного образования сложно-составного конфликта, сегодня задается геополитической составляющей, которая выстраивает и организует возможное пространство различных комбинаций сложно-составных конфликтов на постсоветском ареале. Показано, что в нынешних условиях углубления кризиса современного миропорядка ценностный контур противостояния приобретает одно из важнейших значений, заслоняя военный и иные средства воздействия в региональном конфликте. Целенаправленно формируется искусственное противостояние между локальными цивилизациями и методично реализуется сценарий локального цивилизационного конфликта, что делает проблему поиска модели национальной идентичности одним из самых эффективных инструментов мягкой силы. Общий вывод состоит в констатации факта, что в условиях нарастания динамизма общественных изменений недостаточно изучать отдельные социальные рядоположенные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства сложно-составного конфликта, не акцентируя внимания на механизмах и особенностях его развертывания и регулирования. Отечественная конфликтология и политическая социология накопили достаточный задел знания о многих типах и видах конфликтов. Теперь предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных моноконфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественной трансформации и структурной перестройки миросистемных отношений.

Ключевые слова: сложно-составной конфликт, региональный конфликт, моноконфликт, методология анализа, общественная трансформация,

© Никовская Л. И., 2020

геополитический конфликт, политика идентичностей, этно-национальный конфликт, гражданская идентичность.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

L. I. Nikovskaya

Methodological possibilities of the concept of complex-composite conflict in the post-soviet space

Based on the methodological possibilities of a complex-composite conflict, we study the features of a complex and contradictory process of formation, maturation and deployment of regional conflict in the post-soviet space. It is shown that the decisive starting point, or “nucleus”, the formation of the whole chain of monocomplexes, forming the “body” of the multidimensional education composite conflict today is defined geopolitical component, which builds and organizes the possible space of different combinations is difficult-part of conflict in the post-soviet area. It is shown that in the current conditions of the deepening crisis of the modern world order, the value contour of the confrontation becomes one of the most important values, obscuring the military and other means of influence in the regional conflict. An artificial confrontation between local civilizations is purposefully formed and the scenario of a local civilizational conflict is methodically implemented, which makes the problem of finding a model of national identity one of the most effective tools of soft power. The general conclusion consists in stating the fact that in the conditions of increasing dynamism of social changes, it is not enough to study individual social conflicts, leaving out the fact of the emergence of a qualitatively new phenomenon – the space of complex-composite conflict, without focusing on the mechanisms and features of its deployment and regulation. Today it is not enough to study individual social conflicts, leaving out the fact of the emergence of a qualitatively new phenomenon-the space of complex-composite conflict, without focusing on the mechanisms and aspects of its deployment and regulation. Russian conflictology and political sociology have accumulated sufficient knowledge about many types and types of conflicts. Now we have to take the next step: to deepen the study of the phenomenon of complex-composite conflict, to find out the social effects that are formed by the dynamic and active “overlap” of the fields of various mono-conflicts in a certain social space in the conditions of social transformation and structural adjustment of world-system relations.

Key words: complex-composite conflict, regional conflict, mono-conflict, analysis methodology, social transformation, geopolitical conflict, identity politics, ethno-national conflict, civil identity.

Региональные конфликты на постсоветском пространстве имеют сегодня свою особую онтологическую специфику – они являются сложно-составными по своей сути,	являясь производной частью дезинтеграции бывшего СССР, включенного в сложные и динамичные процессы изменения мирового порядка и кризиса модели нелиберальной гло-
---	---

бализации. Специфика каждого из рассматриваемых конфликтов определяется своеобразным сочетанием и присутствием различных составляющих (социально-экономической, этнической, демографической, профессиональной, идеологической, культурно-исторической, внешнеполитической, военно-стратегической, мирохозяйственной и пр.).

Большинство стран постсоветского пространства находятся в состоянии сложного, динамично и противоречиво развивающегося трансформационного процесса. В таких условиях существование моноконфликта (однотипного конфликта) – это, скорее, исключение, нежели правило. В реальности мы имеем проекцию и взаимовлияние, взаимопроникновение одних типов конфликта в другие, когда источники (причины) и особенности одних конфликтов запускают или актуализируют «пробуждение» других. Соединение в цепочку причин разных по типу конфликтов образует один из возможных вариантов сложно-составного конфликта. Например, конфликт между «традиционалистами» и «западниками» (социокультурный конфликт) «запускает» коллизии вокруг различных проектов политического развития и моделей институционализации власти, это, в свою очередь, актуализирует источники этно-национальных конфликтов, связанных, скажем с различным пониманием национально-территориального устройства государства и разделения компетенции, что, в свою очередь, провоцирует

конфликты, связанные с неравномерным распределением социальных благ и условий воспроизводства жизни различных социальных групп, и, наконец, в экономической сфере выливается в противодействие по поводу различных принципов оформления отношений собственности и распределения ресурсов и прибылей.

Таким образом, образовалось пространство возможного варианта сложно-составного конфликта. Причем точка «старта» этой цепочки может находиться в той сфере, которая наиболее актуальна в данный момент времени для общества или ведущей социальной группы. Но таких цепочек различных комбинаций причин разных конфликтов может быть построено достаточно много. Следовательно, вариантов сложно-составных конфликтов, определяющих течение сложных и динамичных процессов трансформации, может быть также много. Но они не возникают беспорядочно. Их сопряжение подчинено содержательным особенностям переживаемого момента. Так, первый «романтический» период развития общественно-политической трансформации в России в качестве доминантных выделил конфликты политические (устройство страны, политическая программа ее развития, модель власти и т. д.), экономические и этно-национальные, которые выстроили за собой все пространство остальных комбинаций сложно-составных конфликтов.

Иными словами, трансформация – сложный, неоднозначный и многомерный процесс. Это подтверждают и результаты современных западных исследований. Так, по мнению немецкого ученого Р. Райсига, трансформацию следует рассматривать как обусловленную множеством факторов, процессуальную, открытую самоорганизующуюся эволюцию, в ходе которой развиваются своеобразные и новые элементы. Ее течение в этой перспективе является не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределенным процессом изменений [Райсиг, 2003].

На этом фоне возможности теории конфликта становятся плодотворными. Надо уметь воспользоваться методологией и инструментарием конфликтологии для системного рассмотрения такого противоречивого, сложного процесса с внутренне заложенными возможными альтернативами.

Представляется, что во множестве региональных конфликтов решающей точкой старта, или «ядра» формирования всей цепочки моноконфликтов, образующих тело более сложного образования сложно-составного конфликта, сегодня задается геополитической составляющей. Региональные конфликты рассматриваются как составная часть глобального политического процесса, обозначенного как «Холодная война-2», цель которой формирование новой конфигурации

миропорядка XXI века. Руководитель Программ Гессенского Фонда исследований проблем мира и конфликтов (Франкфурт) Ханс Йоахим Шпанглер отмечает: «Сейчас не такая ситуация, как в XX веке. Тогда раскол был фундаментальным. Нам необходимо изучить менеджмент нынешнего конфликта. Сейчас ранняя стадия конфронтации. Она самая острая. Впоследствии, думаю, страны найдут варианты, ведущие к ликвидации возникшей конфронтации» [Всероссийская конференция, 2016]. Как показывает современная ситуация состояния международных отношений, обострение кризиса доверия между Россией и США ведет не просто к усилению состояния холодной войны. Ситуация отличается от периода межблокового противостояния отсутствием понятных для всех «правил игры», непредсказуемостью кризиса, а также нарушением баланса интересов.

Мы сегодня имеем мировой контекст более сложного, объемного кризиса, вызванного неспособностью либеральной модели капитализма решить ряд назревших противоречий. Так, вместо того, чтобы своевременно пойти на решительные реформы, связанные с социализацией политической и экономической системы в соответствии с возможностями, которые открыли новые информационные и коммуникационные технологии (то есть двигаться к будущему, социализируя систему демократического

управления и самоуправления и, соответственно, формы собственности, организации и управления производством), либеральный капитализм «испугался» и повернул назад, в прошлое, восстанавливая дух манчестерского капитализма в облики неолиберализма. Таким образом, он углубил существующие противоречия, которые вызревали в его недрах. Но в силу того, что он вышел победителем в Холодной войне, он самонадеянно предложил своим союзникам и новым вассалам из Восточной Европы свои принципы формальной либеральной демократии и неолиберальные монетаристские принципы и подходы к системе экономики.

При этом не надо забывать, что все ведущие международные институты – МВФ (Международный валютный фонд), МБ (Мировой банк), ВТО (Всемирная торговая организация) создавались после Второй мировой войны под эгидой и доминированием США, чей доллар стал ведущей валютой мира. Чтобы покрепче привязать своих союзников по ЕС и новых вассалов из Восточной Европы, США заставили их сначала стать членами НАТО, что неумолимо привело к военной зависимости от одного центра силы. Таким образом, используя все инструменты и механизмы воздействия и контроля, США заставили большую часть мира принять их идеологический инструментарий в виде неолиберализма. А все сопутствующие дей-

ствия этого процесса были просто моментами реализации геополитической стратегии США в направлении полного доминирования над миром, к установлению однополярного мира. Эта геостратегия была озвучена Джорджем Бушем – старшим в начале 1990 гг., непосредственно после краха СССР и конца Холодной войны, но содержательно она подготавливалась всеми предшествующими десятилетиями.

Но именно под воздействием этого многомерного исторического процесса углубились не только накопившиеся за последнюю четверть века глобальные конфликты, но и возникли совершенно новые, угрожая всему человечеству. Не претендуя на полноту упоминания всех коллизий, которые в той или иной степени проявляются на всех уровнях современного человеческого социума, перечислим главные: а) конфликт между богатством и бедностью; б) конфликт между обществом и природой, породивший мировой экологический кризис, точнее, уже катастрофу, и климатические изменения, угрожающие всему человечеству; в) конфликт между ценностями мировых и других религий, породивший столкновение между различными культурами и цивилизациями; г) конфликт между геополитическими устремлениями США и его союзниками, основанный на стремлении к полному доминированию в международных отношениях и

строительство, так называемого, «однополярного мира», и остальными государствами, стремящимися к многополярному миру; д) конфликт между государственным устройством мира и стремлением ТНК и мирового олигархата к иному устройству и структурированию мирового пространства и т. д.

Однако, основанная на одностороннем и безусловном доминировании США при вторичной роли ЕС, «однополярная» модель международных отношений вряд ли может рассматриваться в качестве эффективного механизма достижения внешнеполитического позитива. Украинский кризис на постсоветском пространстве продемонстрировал бесперспективность проектов, основанных на логике «игры с нулевым результатом» как инструменте противодействия интеграционным процессам с участием России. Такого рода проекты, основанные на концепциях «однополярного мира» и «глобального управления», уже исчерпали себя. Система международных отношений изменилась, прежние правила во многом оказались дискредитированы, а глобальная «повестка дня» подвергается существенному пересмотру. По мнению С. Караганова, Запад допустил стратегическую ошибку: он просмотрел подъем других держав и вдруг открыл для себя, что эти «другие», во-первых, хотят жить самостоятельно, а во-вторых – по-своему. Навязываемая им западная демократическая мо-

дель вовсе не является целью для большинства стран мира. Хотя развиваются они тоже в сторону демократии, но – собственного «пошива» [Цит. по: Американцы делают ошибки, 2015].

С началом нового века и нового тысячелетия все более заметнее стало возрождение России и восхождение ее как глобального фактора. Россия начала восстанавливать свой авторитет, место и роль в мировых событиях. За эти годы и Китайская Народная Республика сделала новый мощный рывок в своем неухватимом возрождении и укреплении в системе мирового порядка. Таким образом, на пути нового претендента на роль мирового гегемона США, собиравшегося устроить «однополярный мир» по своим рецептам, оказались сразу два «новых игрока». Когда этот факт был осознан идеологами и стратегами геополитических глобальных проектов США, он вызвал у них сначала замешательство, а потом были задействованы старые испытанные инструменты геополитики США от «старой эпохи» Холодной войны: исламский фундаментализм и экстремизм, которые сыграли свою роль в противостоянии в Афганистане (1979-1989) против советских войск и которые оказались одним из факторов, приведших к истощению экономики Советского Союза и, в конце концов, довели его до краха.

В этом противостоянии главными помощниками США были Сау-

довская Аравия и Турция. Саудовская Аравия не только помогала миллиардами долларов для вооружения, собранных со всего исламского мира моджахедов, организованных в бригаду «055» во главе с саудовским миллиардером Осамой бен Ладеном, но и «играми» на нефтяном рынке. При этом оказывается, что США и в новой эпохе ничему новому не научились, но и ничего старого не забыли. Для приведения в движение «исламского фактора» как геополитического «кинжала» на сей раз была испробована теория Стивэна Манна об «управляемом хаосе» [Mann, 1998]. Таким образом, одним за другим были взорваны авторитарные режимы в Тунисе, Египте, Ливии под лозунгом «арабской весны», которые обещали молодым, образованным, но безработным арабам либеральную демократию по американским образцам. К сожалению, из глубоких слоев арабских обществ всплыли долго сдерживаемые структуры «Мусульманских братьев» и всякие другие структуры *нереформированного фундаменталистского ислама*.

Более того, анализ последних событий, связанный с ростом правого популизма, выходом Великобритании из ЕС, «неожиданной» победой Трампа на выборах в США в 2016 г. позволяет сказать, что мы имеем дело с возрождением вестфальской системы мироотношений, где главными ценностями выступают государственная территория, суверенитет, ба-

ланс сил, более гибкие, ситуативные межгосударственные союзы.

Можно ли выделить какие-то общие и специфические черты современного правого популизма в содержательном смысле? По мнению М. Ремизова, общая черта состоит в том, что он объединяет левую и правую «повестку» под знаком деглобализации, правой версии антиглобализма. Как существовало левое антиглобалистское движение в начале 2000-х годов, так сейчас мы видим преобладание правой версии антиглобалистского движения. Именно сосуществование левых и правых идей и лозунгов является элементом некоторой новизны этого проекта. Достаточно сравнить «Национальный фронт» образца Жан-Мари Ле Пена с «Национальным фронтом» Марин Ле Пен, чтобы зафиксировать эту разницу. Жан-Мари Ле Пен был убежденным рейганистом в экономике, тогда как Марин Ле Пен в экономике скорее голлистка – сторонник активной роли государства, возвращения экономического суверенитета, протекционистской политики в отношении национальной промышленности и т. д. [Цит. по: Интервью Ремизова Политком.ру, 2016].

Второй, не менее важной составляющей сложно-составного конфликта является социокультурный, *ценностно-идеологический* конфликт. И здесь следует остановиться несколько подробнее. В исследовании причин «арабской весны», проведенном экспертами Ин-

ститута социально-политических исследований РАН, автор с удивлением обнаружил их неэкономическую природу. И высказали предположение об опасности политической дестабилизации, в том числе в России, даже при относительном материальном достатке [Садовничий, 2012]. На арену общественного развития начинает выходить, так называемый, «исторический идеализм», в дополнение к «историческому материализму», когда не только бытие определяет сознание, но и сознание начинает существенно определять бытие [Всероссийская конференция, 2016]. И здесь велика роль технологий социокультурного перепрограммирования, формирования цивилизационной идентичности и пр. В этом отношении ценностный контур противостояния приобретает первостепенное значение, заслоняя военный и иные средства воздействия в региональном конфликте. Целенаправленно создается искусственное противостояние между локальными цивилизациями (западной и тюркской, напр.) и методично реализуется сценарий локального цивилизационного конфликта. Не случайно, что главным предметом спора вокруг конфликта на Юго-Востоке Украины, в самом начале его проявления, стал русский язык, литература и культура; затем произошло формирование нового правящего класса на основе прозападной системы ценностей; создание «образа врага», насыщенного откровенно

русофобскими настроениями. Затем идет целенаправленное превращение бывшей постсоветской страны в сателлита США, ЕС, НАТО, что неминуемо влечет смену приоритетов развития [Подберезкин, 2015].

В этом же ряду можно рассматривать проблему поиска модели национальной идентичности. Политика идентичности – один из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы». Появление термина «политика идентичностей» обычно связывается с Э. Гоффманом. Первоначально термин трактовался в либеральном ключе как создание условий для свободной самоидентификации человека, однако все чаще политика идентичности подвергается критике со стороны либерального крыла социогуманитарного знания. Эта политика предстает в качестве инструмента деятельности властных групп по консолидации социума для достижения целей, поставленных этими группами. Однако, независимо от оценок, политика идентичности – важнейший элемент управления. Макросоциальные идентичности в современном мире – это, безусловно, проекты. Разработаны и используются гуманитарные технологии по формированию новых идентичностей, их разрушению и препятствию формирования идентичностей в зависимости от целей управления. Политика идентичности лежала в основе национального строительства в бывшей Югославии, бывшем СССР, многих других, в том

числе вполне устойчивых с этнической точки зрения, странах. В Европе политика идентичности стала наиболее активной в новом тысячелетии. «Вопрос национальной идентичности не был заметным предметом дискуссий в Европе до последнего десятилетия, когда проблема иммиграции, особенно мусульманской, стала важной политической темой. Этот вопрос еще более обострился после терактов в сентябре 2001 г. и других атак и покушений, произошедших в Испании, Британии, Нидерландах и т. д. Все они увеличили вероятность того, что радикальные исламистские группы попытаются подорвать самые основы демократических обществ», – отмечает Ф. Фукуяма [Fukuyama, 2012]. Н. Саркози в бытность президентом Франции даже создал Министерство по делам иммиграции, интеграции, национальной идентичности и соразвития Франции, за что подвергся критике со стороны либеральных политиков.

Думается, в украинской «политике идентичности» были допущены две стратегические ошибки, которые привели к катастрофическим последствиям. Первая – эта идентичность строилась на антироссийской основе, русофобии и ксенофобии. Вторая – в качестве «матрицы» истинного украинца был использован образ западного украинца. Именно этот провал привел к тому, что Украина во втором десятилетии из субъекта международной политики превратилась в объект геополитического соперничества.

Еще одна сторона украинского кризиса, значимая для России, – важность цивилизационного выбора. Украина оказалась раздираема между двумя цивилизационными ареалами и не справилась с этой дилеммой. Поэтому конфликт на Юго-Востоке Украины – это, в сущности своей, борьба за сохранение и утверждение русской идентичности, причем как культурной, так и политической, которая охватывает значительно более широкое пространство, чем нынешняя территория Донецкой и Луганской народных республик, где она вынужденно приобрела вооруженный характер. Вынужденно, потому что никакой другой вид борьбы за русскую идентичность в условиях нынешнего украинского режима был уже невозможен.

Методологические основания анализа сложно-составного конфликта позволяют выявить сложность наслоения полей собственно этнического конфликта и ценностно-идеологического. Нынешнее украинское руководство сделало ставку на «государство-нацию», на этнический национализм: «Мы создали Украину, а теперь будем очищать ее от неукраинцев». Драматичен по своим последствиям отказ от идеи сосуществования двух языков, федерализации государства. По мнению М. Погребинского, интересы украинского этноса стали преобладать над идеей гражданской идентичности. Важнейшую роль в

этом играют прежние воспоминания о притязаниях западной области Украины – Галиции, которые возродились вопреки идеям национального строительства Украины как полиэтничного государства. «Галиция издавна воспринимала себя как Пьемонт, объединивший Италию в 1860-1870-х гг. путем присоединения всех земель к правящей Савойской династии» [Погребинский, 2020, с. 237]. Применительно к современной Украине это означает, что украинцы должны воспринять духовные и культурные традиции и ценности Галиции как истинной Украины. Этнонационализм Галиции получил в ответ этнонационализм Юго-Востока, который был презрительно отвергнут в качестве субъекта построения украинского государства. Кстати, первым, кто предупредил о возможном распаде Украины по контуру одного из этносов, был С. Хантингтон.

К середине второго десятилетия XXI века *политика идентичности* заняла важное место в политическом процессе и в России, о чем можно судить по принятым стратегическим документам, призванным регулировать социокультурную сферу. Однако украинский кризис обострил многие вопросы, считавшиеся ранее вполне очевидными. Ситуацию на Украине российские эксперты чаще всего, и вполне справедливо, объясняют геополитическими реалиями, в том числе глобальными экономико-политическими коллизиями. Но это

объяснение можно считать неполным и односторонним. Украинская катастрофа с новой остротой поставила вопрос о существенных противоречиях в отношениях между Россией и Западом, между Россией и Европой. Этот вопрос, являвшийся стержневым для русской философской мысли в последние несколько столетий, не утратил своего значения в эпоху глобализации (или конца глобализации и деглобализации?).

В настоящее время мы переживаем тот исторический момент, когда становится очевидным, что стратегический курс на сближение с Западом, проводившийся с большей или меньшей степенью настойчивости все постсоветские годы, был вполне оправданно скорректирован. Прозападная ориентация постсоветской России была обусловлена не культурно-цивилизационным родством с западной цивилизацией, а той новой геополитической ситуацией, которая сформировалась после развала Советского Союза и окончания Холодной войны. Показательным является тезис одного из идеологов реформ 1990 годов, писателя и философа И. М. Клямкина, который утверждал, что «Россия может сохраниться, только став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код» [Соловей, 2005]. Этот тезис И. М. Клямкина является одним из наиболее цитируемых в современной российской *цивилизациологии*, чаще всего в порядке критики, однако важно

подчеркнуть, что в первое постсоветское десятилетие в разном терминологическом оформлении он стал одной из господствующих идеологией. Для обывателей, измученных материальными проблемами «поздней перестройки», западная цивилизация ассоциировалась с потребительскими ценностями, которые были быстро восприняты как новой российской элитой, так и «неэлитными» массами. Еще одно важное значение этого тезиса И. М. Клямкина заключается в том, что он достаточно явно обозначил, что Россия не являлась и не является частью Запада, что у нее другой «цивилизационный код». По мнению авторитетного этнополитолога В. А. Авксентьева, ни Запад в широком смысле, ни Европа не воспринимали и не воспринимают Россию в качестве органической составляющей собственного социокультурного пространства [Авксентьев, 2014]. Примечательно, что отношение элитных групп Запада к России определяется не столько их плохой информированностью или устойчивостью шаблонных предубеждений, поверхностно отражающих объективную реальность, сколько их осознанным отрицанием всего связанного с Россией, воспринимаемой как страна, не только чуждая им в культурном и ценностном смысле, но и проводящая политику, ущемляющую интересы Запада [Вайнштейн, 2016]. В таком культурно-коммуникационном контексте трудно найти

возможности для действительно интегративных процессов и нынешний раскол между Россией и Западом имеет глубинное социокультурное основание.

Все выше перечисленные звенья сложно-составного конфликта предопределили набор причин и социально-экономического свойства, приведших к конфликтным коллизиям. Они, прежде всего, связаны с поиском модели экономического развития. Общей причиной роста напряженности во многих постсоветских государствах, безусловно, являются причины экономического порядка. Практически все бывшие республики СССР столкнулись с проблемами деиндустриализации. Социальная напряженность, которая в ряде республик «запускала» социальные протесты, была обусловлена недовольством крайне неэффективной моделью криминально-олигархической экономики, а также засильем коррупции. Так, Украина в кризисе 2008-2009 пострадала больше других постсоветских стран, около 15 % ВВП в 2009 год было потеряно. Этот спор обозначил кризис системы периферийного капитализма в Украине, основанного на контроле олигархов ключевых точек украинской экономики (она базировалась на экспорте сырьевых и полусырьевых продуктов – химической и металлургической отраслей).

Власти решили переложить на средние и бедные слои населения вопрос о покрытии убытков от кри-

зиса, сохраняя прибыли олигархам. Так или иначе, толчком к Майдану послужило сочетание неолиберальных евроиллюзий среднего класса, видевшего в Европе фундаментальное решение украинских проблем, и возрождение национальной самобытной государственности. Настроения народной «революции достоинства» перехватили неолибералы с подключением США, трансформировав протест в буржуазную революцию с навязыванием стране идеологии «Вашингтонского консенсуса». Власть олигархии прекрасно вписалась в эту схему. Это нехитрый набор правил, предписываемый Вашингтоном как главным акционером МВФ для стран, которых желают видеть своими колониями. Он включает тотальную приватизацию всего и вся, полное открытие национальных экономик для экспортеров товаров и услуг, ликвидацию государственной бюджетной и иной поддержки национальных товаропроизводителей, отмену госрегулирования цен и тарифов, фискальную оптимизацию и пр. Под последней понимается полное прекращение финансирования социальных программ, сокращение зарплат бюджетникам и т. п. Если говорить коротко, то это план тотального «голодомора» на Украине.

По данным Укрстата, в январе 2014 г. промышленное производство упало на 21,3 %, а розничные продажи с реальными зарплатами на 22,6 и 17,3 %, соответственно. Одна примечательная деталь. Один из крупнейших инвестиционных

фондов США – Franklin Templeton приобрел на мировом финансовом рынке государственные долговые обязательства Украины на сумму в 5 млрд долларов, то есть 20 % украинского внешнего долга. Данный Фонд имеет все признаки «финансового стервятника» [Катасонов, 2014]. То, что он приобрел пятую часть украинского долга, явный признак того, что страна находилась на грани дефолта. Финансовые стервятники имеют бульдожью хватку. Это хорошо знают руководители многих стран Латинской Америки, которые не раз становились их жертвами. Украину, свою жертву, финансовые стервятники не отпустят ни при каких условиях. Более того, решение нью-йоркского суда по Аргентине в пользу данного рода фондов вдохновило их на новые победы. Их очередной жертвой может стать именно Украина. Если Франклин Темплтон сумеет поставить Украину на колени, то никакой реструктуризации суверенного долга не будет. Украина окончательно превратится в придаток экономической системы Запада.

В этом же контексте лежат причины собственно социального конфликта, связанного, прежде всего, с резко ухудшающимися условиями воспроизводства элементарной человеческой жизни. Проблема выплаты пенсий, пособий и невозможность поддержания системы здравоохранения и образования на достаточном уровне привели к появлению тенденций ретрадиционализации. «За-

мордованность» социальными проблемами стала не менее важной составляющей социального моноконфликта на Украине. Такое понимание истоков Майдана высказал в интервью СМИ Владимир Путин: «...эта революционная ситуация складывалась давно <...> Коррупция достигла таких пределов, которые нам и не снились... Обогащение и расслоение общества <...> возведено в куб. <...> Я понимаю <...> тех людей на Майдане... которые до сих пор требуют не каких-то там ремонтов фасада власти, а требуют кардинальных перемен. <...> Люди справедливо, я хочу подчеркнуть, и в этом я согласен с Майданом, справедливо требуют перемен в политике <...> Ни одно из прошлых правительств не думало как следует о нуждах людей <...> Люди же все это видят, и это вызывает недоверие к власти. <...> Смена власти <...> действительно была нужна Украине...» [Цит. по: Интервью Путина СМИ, 2014]. Но приступив к выполнению рекомендаций МВФ по наведению порядка в украинской экономике (повышение тарифов на коммунальные услуги, газ, электроэнергию и пр.), страна быстро начала движение к глубокому социальному кризису. По разным оценкам «выбор европейского пути» в 2014 году поддерживало около 70–80 % украинцев за пределами сепаратистского Донбасса. Однако, как это типично для широких масс (в особенности, посткоммунистических стран), данный «выбор» на самом деле представляет собой не

более, чем желание приобщиться к европейскому благосостоянию, без ясного осознания того, что за высокий жизненный уровень развитого капитализма европейского образца необходимо дорого заплатить: многолетним затягиванием поясов, высокой структурной безработицей, сокращением многих видов привычной «халявы», резким изменением жизненного уклада. Соответственно, «шоковая терапия» по рецептам МВФ неизбежно породит массовые протесты. Россия прошла этот путь в 1990 г. Подобные социальные волнения и беспорядки всегда резко активизируют центробежные тенденции и ведут страну к угрозе распада (как, в частности, наглядно продемонстрировала Россия в 1990 г.).

Политическая составляющая сложно-составного конфликта многих постсоветских республик также логично вписывается в нынешний контекст непростых геополитических реальностей. Современный англо-саксонский мир политически поощряет трансплантацию модели либеральной демократии, со всеми особенностями, принятыми в зоне действия принципов западной политической культуры. Причем Запад стал поощрять, особенно в географическом пространстве незападных стран, активность масс, которая предстает в непосредственных формах (бунты, стихийные выступления и пр.) и анархической направленности (отрицающих государство). События в Египте и Украине – лучшее этому подтвер-

ждение. Но активность масс не всегда признак демократии. Активистская трактовка демократии в США в 1960-х гг. имела альтернативу в виде концепции баланса неравенств. Демократия в незападных странах не опирается на заимствование готовых моделей. Она решает более актуальные задачи и носит черты культурной специфики. Никто еще не называл Сингапур или Малайзию демократическими странами, но в них осуществлено авторитарными методами важное демократическое преобразование – нахождение баланса неравенств между тремя враждовавшими ранее этническими группами населения – китайцами, индусами и малайцами.

В целом, обобщая вопрос об эвристических возможностях использования методологии сложно-составного конфликта для анализа особенностей современной региональной конфликтности, можно отметить следующее. В современных условиях многофакторности детерминации, нарастания динамики самих процессов общественных изменений в связи с процессами глобализации изменился сам характер проявления модальности детерминирующих факторов: они не предъявляют себя прямолинейно и жестко, а действуют поливариантно и диффузно. В последнее время исследователи в области теории конфликтов обратили пристальное внимание на проблемы создания и функционирования локальных социальных образований,

именуемых полями, аренами или играми. Представители нового институционализма (К. Мейер, А. Скотт и др.) сделали вывод, что сложные и соперничающие отношения между старыми институтами и претендентами, то есть конфликты между группами, занимающими различные позиции на отдельных полях, их переходы на «смежные» поля и, как следствие, изменение позиций, служат основным источником перемен в обществе [Дмитриев, 2002]. «Полевой» теоретический подход (field theoretic approach) к анализу конфликтов впервые был предложен Квинси Райтом и предполагал важность учета многоуровневого характера причинно-следственных отношений в конфликте и предлагал анализировать межгосударственные конфликты в рамках поля отношений «человек-государство-общество».

В изучении внутренних конфликтов также возобладали теории, учитывающие множественность уровней причинно-следственных отношений и объединяющие их на основе различных концепций основания: структурно-функциональной деформации, межгрупповой конкуренции или влияния системных факторов. И все это могло быть спроецировано в плоскость функциональной актуализации конфликта – в социальную, политическую, экономическую, военную сферы.

Таким образом, динамическая модель сложно-составного конфликта очень продуктивна [Никовская,

Якимец, 2005]. Разнотипные конфликты в условиях высоко динамичной трансформации стимулируют и взаимно усиливают друг друга, что порождает дополнительный эффект синергетического свойства. Важно понять какого – *деструктивного или позитивного* – свойства. В силу этого сегодня недостаточно изучать отдельные социальные конфликты, оставляя без внимания факт возникновения качественно нового феномена – пространства сложно-составного конфликта, не акцентируя внимания на механизмах и аспектах его развертывания и регулирования.

К системному анализу взаимовлияний разнотипных конфликтов друг на друга конфликтология только

еще подходит. Анализ конкретных конфликтов в изолированном от других виде – это необходимое условие для выявления системных качеств конфликтности в условиях трансформации. Сейчас, когда отечественная социология накопила знания о многих типах и видах конфликтов, ей предстоит сделать следующий шаг: углубить изучение феномена сложно-составного конфликта, выяснить те социальные эффекты, которые образуются динамично-активным «наложением» полей различных конфликтов в определенном социальном пространстве в условиях общественной трансформации и структурной перестройки миросистемных отношений.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А. Портфель с множеством идентичностей: взаимодополнение, конкуренция, или единство? // Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Справедливость как ценность, идея и общественная практика в современном мире и России». Материалы / Л.И. Никовская (отв. редактор), В. Н. Шевченко., М. Ю. Уланов, В. Н. Якимец. Москва : РАПН-Институт «Справедливый мир». 2014. С. 5-8.
2. Американцы делают феерические ошибки. Политолог Сергей Караганов об отношениях России и Запада. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/09/01/karaganovint/>. (Дата обращения: 02.11.2020).
3. Вайнштейн Г. Рациональное и иррациональное в восприятии России Западом. Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print10945.htm>. (Дата обращения: 02.11.2020).
4. Всероссийская научно-практическая конференция «Проблема устойчивости общественного развития в условиях трансформации миропорядка». Отчет. Режим доступа: <http://www.spravmir.ru/events/309-2016051214conferenceproblema-ustoichivosti-obshchestvennogo-razvitiia.html>. (Дата обращения: 02.11.2020).
5. Гундаров И. А. Парадоксы российских реформ. Москва : Изд-во УРСС, 1997.158 с.
6. Дмитриев А. В. Социальный конфликт: общее и особенное. Москва : Гардарики, 2002. 464 с.

7. Интервью Путина В. В. СМИ от 4 марта 2014 года. Режим доступа: <https://mozgovouy-center.ru/znamenitaya-press-konferenciya-vladim/>. (Дата обращения: 02.11.2020).
8. Катасонов В. Украина: экономика смуты или деньги на крови. Москва : Книжный мир. 2014. 288 с.
9. Никовская Л. И. Сложно-составные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации: типы особенности, динамика, принципы анализа / Л. И. Никовская, В.Н. Якимец // Социологические исследования. СОЦИС. 2005. № 8. С. 77-90.
10. Погребинский М. Б. Формирование поликультурной Украины: исторический очерк и современное состояние / М. Б. Погребинский, А. Н. Попов, А. К. Толпыго // Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Москва: Весь мир. 2020. С. 237-281.
11. Подберезкин А. И. Украина как частный пример ведения сетцентрической войны против России. Режим доступа: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33592>. (Дата обращения: 01.11.2020).
12. Райсиг Р. Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы. // Повороты истории. – Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2-х томах. Т.2. Санкт-Петербург ; Москва : Берлин, 2003. С. 236.
13. Ремизов М. Возникновение и влияние правопопулистских проектов запрограммировано самой современной повесткой дня в политике». Интервью Политком.ру. Режим доступа: <http://politcom.ru/21799.html>. (Дата обращения: 02.11.2020).
14. Садовничий В. А. Моделирование и прогнозирование мировой экономики / В. А. Садовничий, А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Москва : ИСПИ РАН. 2012. 360 с.
15. Соловей В. Д. Русская история: новое прочтение. Москва : АИРО-XXI, 2005. 319 с.
16. Fukuyama F. The Challenges for European Identity // The Global Journal, Jan. 11. 2012. URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469/>
17. Steven R. Mann. The reaction to chaos // Complexity, global politics, and national security. Edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National defense university. Washington, D.C. 1998. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175>

Bibliograficheskij spisok

1. Avksent'ev V. A. Portfel' s mnozhestvom identichnostej: vzaimodopolnenie, konkurencija, ili edinstvo? // Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem «Spravedlivost' kak cennost', ideja i obshhestvennaja praktika v sovremennom mire i Rossii». Materialy / L. I. Nikovskaja (otv. redaktor), V. N. Shevchenko., M. Ju. Ulanov, V. N. Jakimec. Moskva : RAPN-Institut «Spravedlivyj mir». 2014. S. 5-8.
2. Amerikancy delajut feericheskie oshibki. Politolog Sergej Karaganov ob otnoshenijah Rossii i Zapada. Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/articles/2015/09/01/karaganovint/>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).

3. Vajnshtejn G. Racional'noe i irracional'noe v vosprijatii Rossii Zapadom. Rezhim dostupa: <http://www.apn.ru/publications/print10945.htm>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
4. Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Problema ustojchivosti obshhestvennogo razvitiya v uslovijah transformacii miroporjadka». Otchet. Rezhim dostupa: <http://www.spravmir.ru/events/309-2016051214conferenceproblema-ustoichivosti-obshchestvennogo-razvitiia.html>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
5. Gundarov I. A. Paradoksy rossijskih reform. Moskva : Izd-vo URSS, 1997. 158 s.
6. Dmitriev A. V. Social'nyj konflikt: obshhee i osobennoe. Moskva : Gardariki, 2002. 464 s.
7. Interv'ju Putina V. V. SMI ot 4 marta 2014 goda. Rezhim dostupa: <https://mozgovoy-center.ru/znamenitaya-press-konferenciya-vladim/>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
8. Katasonov V. Ukraina: jekonomika smuty ili den'gi na krovi. Moskva : Knizhnyj mir. 2014. 288 s.
9. Nikovskaja L. I. Slozhno-sostavnye konflikty – atribut postsocialisticheskoy transformacii: tipy osobennosti, dinamika, principy analiza / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Sociologicheskie issledovanija. SOCIS. 2005. № 8. S. 77-90.
10. Pogrebinskij M. B. Formirovanie polikul'turnoj Ukrainy: istoricheskij ocherk i sovremennoe sostojanie / M. B. Pogrebinskij, A. N. Popov, A. K. Tolpygo // Krizis multikul'turalizma i problemy nacional'noj politiki. Moskva : Ves' mir. 2020. S. 237-281.
11. Podberezkin A. I. Ukraina kak chastnyj primer vedenija setecentricheskoy vojny protiv Rossii. Rezhim dostupa: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/33592>. (Data obrashhenija: 01.11.2020).
12. Rajsig R. Issledovanija transformacii: dostizhenija, nasushhnye problemy i perspektivy. // Povoroty istorii. – Postsocialisticheskie transformacii glazami nemeckih issledovatelej. V 2-h tomah. T.2. Sankt-Peterburg ; Moskva : Berlin, 2003. S. 236.
13. Remizov M. Vozniknovenie i vlijanie pravopopulistskih proektov zaprogramirovano samoj sovremennoj povestkoj dnja v politike». Interv'ju Politkom.ru. Rezhim dostupa: <http://politcom.ru/21799.html>. (Data obrashhenija: 02.11.2020).
14. Sadovnichij V. A. Modelirovanie i prognozirovanie mirovoj jekonomiki / V. A. Sadovnichij, A. A. Akaev, A. V. Korotaev, S. Ju. Malkov. Moskva : ISPI RAN. 2012. 360 s.
15. Solovej V. D. Russkaja istorija: novoe prochtenie. Moskva : AIRO-XXI, 2005. 319 s.
16. Fukuyama F. The Challenges for European Identity // The Global Journal, Jan. 11. 2012. URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469/>
17. Steven R. Mann. The reaction to chaos // Complexity, global politics, and national security. Edited by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National defense university. Washington, D.C. 1998. URL: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=175>

В. Н. Якимец
Л. И. Никовская

УДК 323.2
<https://orcid.org/0000-0003-4953-2932>
<https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

Оценка деятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики в Сакском муниципальном районе Республики Крым

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31191 «Инструментальное исследование деятельности институтов муниципальной публичной политики и оценки функциональной активности субъектов и акторов публичной сферы для поиска приоритетных направлений развития взаимодействия НКО и власти в решении социально-значимых задач на уровне местных сообществ (на примере Республики Крым и Севастополя)»

Для цитирования: Якимец В. Н., Никовская Л. И. Оценка деятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики в Сакском муниципальном районе Республики Крым // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 22-37. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-22-37

В статье представлена методология и методика исследования особенностей состояния институтов и механизмов муниципальной публичной политики, а также ее субъектный срез в Сакском муниципальном районе Республики Крым на основе индексного подхода. Рассматривается институциональный дизайн данного муниципального образования (далее МО), анализируются его особенности с точки зрения состоятельности институтов. Дается анализ специфики оценки субъектов муниципальной публичной политики (далее МПП), что позволяет оценить качество реализации общественного потенциала всех сторон публичного взаимодействия на уровне муниципального района. Показано, что спецификой данного МО является позитивный и оптимистичный публичный настрой местного бизнеса: он высоко оценивает свои возможности как социально ответственного агента социальной политики, уверенно взаимодействует с «третьим сектором» и населением, а также с органами местной власти. Доминантным субъектом Сакского района МПП выступают органы местной власти, особенно ее исполнительно-распорядительные структуры, которые успешно реализуют полномочия МСУ. Согласно полученной интегральной индексной оценке в районе сложился партнерский тип МПП, когда оценки четырех групп респондентов (представителей власти, НКО, сотрудников МУП и бизнеса) консолидированы и расположились в партнерском квадранте индексного пространства. Это означает, что ожидания всех целевых групп публичного поля МПП близки друг другу, в итоге – они взаимодействуют на основе принципов межсекторного партнерства и взаимоподдержки при принятии социально-значимых решений развития территории района. Потенциал для роста более представлен в группах НКО-сообщества и представителей муниципальных учреждений.

© Якимец В. Н., Никовская Л. И., 2020

Ключевые слова: муниципальная публичная политика, типология публичной политики, институты и субъекты, индекс, мера консолидированности оценок, критерий состоятельности институтов и механизмов.

V. N. Yakimets, L. I. Nikovskaya

Assessment of the activities of institutions and subjects of municipal public policy in the Saki municipal district of the Republic of Crimea

The article presents a methodology for studying the state of institutions and mechanisms of municipal public policy, as well as its subject cross-section in the Saki municipal district of the Republic of Crimea based on the index approach. From these positions, the institutional design of this municipality (MO) is considered, its features are analyzed from the point of view of the solvency of institutions. The analysis of the specifics of evaluating subjects of municipal public policy (MPP) is given, which allows us to assess the quality of the implementation of the public potential of all parties to public interaction at the municipal district level. It is shown that the specifics of this MO is a positive and optimistic public attitude of local business: it highly evaluates its capabilities as a socially responsible agent of social policy, confidently interacts with the “third sector” and the population itself, as well as with local authorities. The dominant subject of the Saki district of the MPP is local authorities, especially its executive and administrative structures, which successfully implement the powers of the local self-government bodies. According to the obtained integral index assessment of the state of the MPP, a partner type of public policy has developed in the district, when the assessments of four groups of respondents (government representatives, NGOs, employees of the MUP and business) consolidated and located in the partner quadrant of the index space. This means that the expectations of all target groups, WFP public fields are not detached from each other, in the end, they interact based on the principles of multi-sectoral partnerships and mutual support in the adoption of socially important decisions in the development of the district. The potential for growth is more represented in the groups of NGOs-the community and representatives of municipal institutions.

Key words: municipal public policy, typology of public policy, institutions and subjects, index, measure of consolidation of assessments, criterion of viability of institutions and mechanisms.

Вызовы, стоящие перед системой муниципального управления в России, особенно в условиях пандемического кризиса, требуют эффективного использования инструментов обратной связи в публичной сфере. Ключевым направлением становится вовлечение активных резидентов муниципальных образований в вы-

явление и решение острых проблем, возникающих в жизни местного сообщества, в отстаивание общественных интересов, а также в производство общественных благ для развития местных территорий [Рощина, 2019; Воронина, 2020; Опальский, 2020; Батракова, 2020а; Батракова 2020б]. Местное самоуправле-

ние относят к важнейшим институтам гражданского общества, занимающим пограничное положение между органами государственной власти и общественной самостоятельности. Сочетание в работе органов местного самоуправления властных полномочий и общественной инициативы – явление богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия граждан и власти, публичного и политического.

В ходе реализации проекта было проведено исследование особенностей муниципальной публичной политики (*далее МПП*) как фактора выстраивания баланса интересов четырех секторов местного сообщества (бизнеса, НКО-сектора, муниципальной власти и муниципальных предприятий) при решении социально-значимых задач устойчивого развития муниципальных образований Республики Крым (*далее РК*). Качество публичной политики на местном уровне является важным фактором, определяющим социальное равновесие и стабильность. Ядром трактовки публичной политики для нас являлась следующая дефиниция: ПП – это программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества – бизнеса и некоммерческих организаций через их представителей [Никовская, 2011]. Главный ак-

цент при изучении ПП делается на гражданское и деловое участие во взаимодействии с властью при решении социально-значимых проблем общества. На основе разработанного оригинального индекса МПП была выявлена типологизация муниципальной публичной политики, а также особенности состояния диалога ведущих сторон публичного взаимодействия на местном уровне, произведены замеры *состоятельность институтов и механизмов муниципальной публичной политики, а также степень функциональности деятельности субъектов и акторов МПП, рассчитанных на основе массива собранных оценок респондентов от всех целевых групп по специально разработанной анкете.*

Как и во многих других МО страны, в РК муниципальная публичная политика выступает интегрирующим фактором; она может способствовать предотвращению социальных, экономических, этнических, религиозных конфликтов; является неплохим полигоном для инновационных социальных проектов, содействует поддержанию местного сообщества в стабильном состоянии. В РК отмечают разно-векторные социально-экономические и политические процессы [Чигрин, 2020]. Базовые параметры жизнедеятельности и политические составляющие системы удерживаются в стабильном формате. Но в условиях кризиса и «санкционной» политики нередко

возникают ситуации социальной напряженности, требующие их конструктивного снятия.

В статье излагаются результаты социологического исследования, выполненного в Сакском муниципальном районе в 2020 г., который является вторым по площади в РК. В его состав включены 24 муниципальных образования – сельские поселения, в которых на 1 января 2019 года проживало 76 426 человек [Оценка численности ... , 2019]. В ходе опросов респонденты оценивали качество работы институтов и механизмов МПП, а также деятельность субъектов и акторов МПП.

Методологически исследование строилось на базе индексного подхода, основанного на участии разных групп местных экспертов и специалистов в процессе оценивания функционирования институтов и механизмов, а также деятельности субъектов и акторов МПП. Впервые подход был применен в отношении изучения состояния региональной публичной политики, а также в публикациях, содержащих изложение итогов прикладных исследований, реализованных в десятке регионов и муниципальных образований России [Никовская, 2019; Никовская, 2020; Якимец, 2008]. Индексный подход был дополнен использованием ряда критериев [Якимец, 2010].

Анкета, по которой проходил опрос, содержит набор показателей, характеризующих функциональные

свойства субъектов и акторов МПП, а также степень развитости институтов и механизмов публичной сферы в муниципальных образованиях. Описание деятельности каждого субъекта и института МПП формулировалось в максимально возможном позитивном виде. Респондентам из разных групп предлагалось оценить, сколь близко соответствует их восприятие деятельности субъектов и институтов такой формулировке, давая оценки по *5-балльной шкале*. При этом респонденты из четырех целевых групп¹ – бизнеса, сотрудников

¹ Использовались методы экспертного опроса на основе малой целевой выборки. Малая целевая выборка – выборочная совокупность, которая позволяет отобрать респондентов, исходя не столько из количественных, сколько из качественных задач исследования: получения компетентной и продуманной оценки сложного комплекса отношений, каким выступает МПП. Всего в Сакском муниципальном районе было опрошено 153 респондента, представляющих активных и компетентных представителей *четырёх сегментов* местных сообществ: муниципальной власти (46 респондентов), представителей муниципальных учреждений (МУПов) – 46 респондентов, малого и среднего бизнеса (36 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (25 респондентов). Опрос проводился под руководством научного руководителя Крымского филиала ИС ФНИСЦ РАН д.соц.н. В. А. Чигрина.

МУП, НКО-сектора и муниципальной власти – могли выставить «1» как самую низкую оценку соответствия; «5» – как самую высокую (промежуточные располагаются в интервале между ними).

В свое время на основе проведенных масштабных социологических исследований были выявлены типологические особенности состояния публичной политики на региональном уровне, которые носят устойчивый характер и воспроизводятся в каждом из обследуемых регионов со своей спецификой. Выявленные пять типов ПП в регионах выглядели следующим образом: регионы с консолидированными низкими оценками ПП – респонденты из разных секторов одинаково низко оценивают состояние ПП; регионы с центрированным типом ПП – дана консолидированная средняя оценка; регионы с партнерскими отношениями между секторами – респонденты дают консолидированные высокие оценки состоянию ПП; регионы с неконсолидированными оценками ПП – оценки респондентов одного из

секторов явно отличаются от оценок других; регионы с разрывами неконсолидированных оценок ПП – оценки ПП респондентами из ряда секторов не консолидированы и характеризуется значимым разрывом [Якимец, 2010]. Согласно полученной интегральной индексной оценке состояния МПП в Сакском районе мы имеем дело с партнерским типом публичной политики (см. рис. 1), когда оценки четырех групп респондентов (представителей власти, НКО, сотрудников МУП и бизнеса) консолидированы (попали в заштрихованный прямоугольник, отвечающий метрике Чебышева) и расположились в верхнем – партнерском квадранте индексного пространства [Никовская, 2011; Якимец, 2010]. Это означает, что ожидания всех целевых групп публичного поля МПП близки друг другу, они взаимодействуют на основе принципов межсекторного партнерства и взаимоподдержки при принятии социально-значимых решений развития территории района.

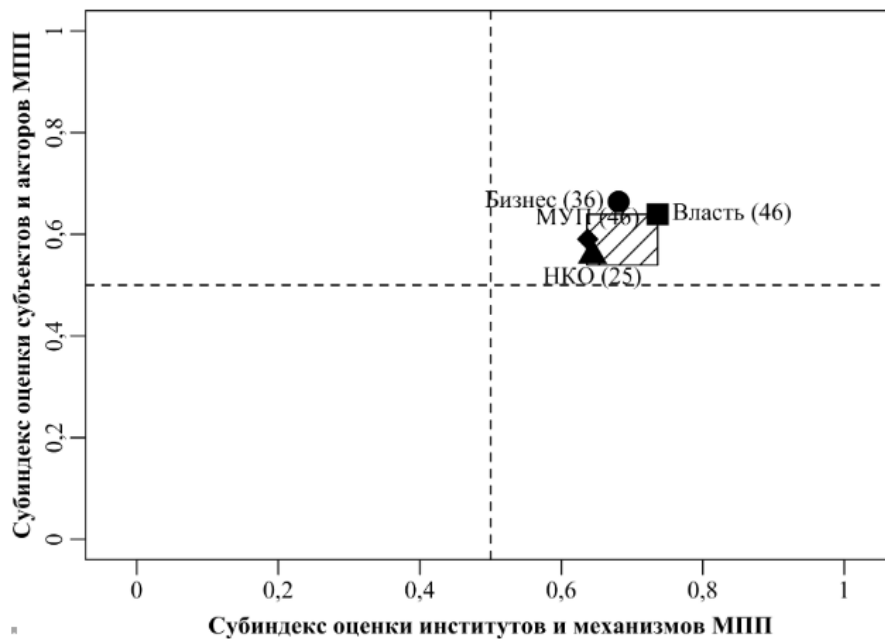

Рис. 1 Индекс оценки МПП, Сакский муниципальный район РК. Сент.2020

Если судить по среднегрупповым балльным оценкам институтов и механизмов МПП, то они отличаются эффектом «вложенности» (см. рис. 2) – самые высокие оценки дали представители муниципальной власти, внутри их оценочного контура расположились оценки представителей НКО-сообщества, муниципальных учреждений и малого бизнеса, мало чем отличаясь

друг от друга. Как видно, самые высокие оценки отданы качеству функционирования механизма национального согласия и терпимости к вероисповеданиям и конфессиям, деятельности институтов муниципальных выборов и образования. А самая низкая оценка дана учреждениям здравоохранения и освещению мнений жителей на муниципальных сайтах.

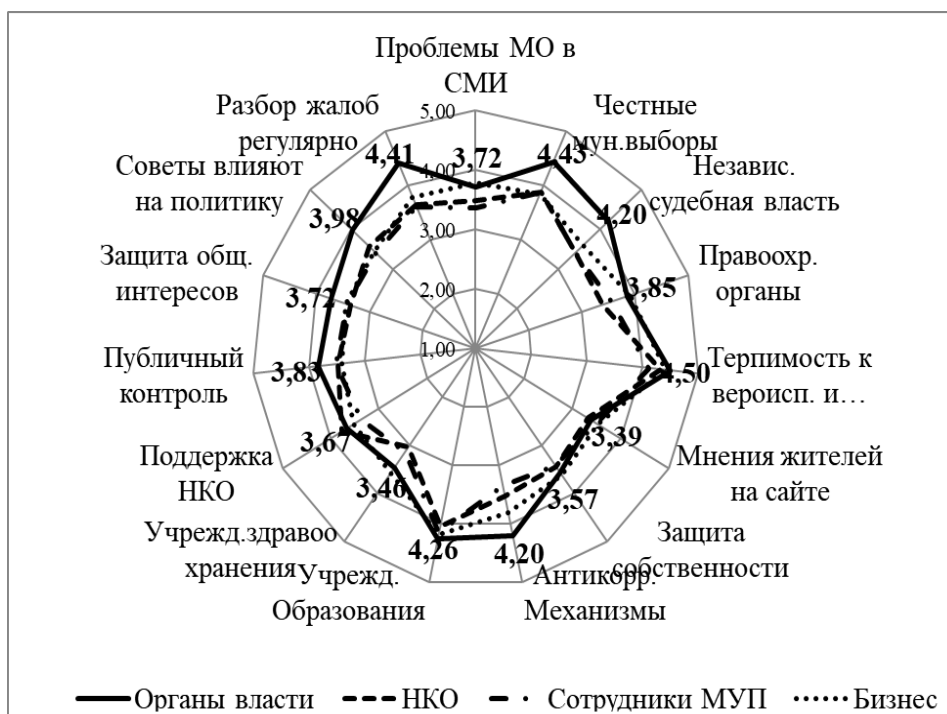

Рис. 2. Оценка работы институтов и механизмов МПП, баллы, Сакский муниципальный район, 2020

Но нам важно было оценить не просто работу институтов или механизмов МПП, но и их состоятельность (см. рис. 3). Этот показатель был рассчитан согласно **критерию состоятельности институтов (механизмов) МПП**, суть которого – в выявлении доли респондентов из всех групп, поставивших тому или иному институту наивысшие оценки в 4 или 5 баллов. В результате все оцененные институты (механизмы) МПП разбивались на 3 группы: **состоятельные институты (механизмы) МПП**, когда более 50 % респондентов дали высокие оценки

работе институтов; **среднесостоятельные**, если от 33 до 50 % респондентов от всех четырех групп оценили высоко работу институтов; **несостоятельные**, если менее трети респондентов от четырех групп оценили работу институтов высоко. Видно, что из 15 институтов МПП 14 попали в зону состоятельных институтов. Это в целом хороший показатель! И лишь один институт – система муниципального здравоохранения – была оценена как среднесостоятельная (средняя оценка (0,46) от всех 4 групп (попала между пунктирной и сплошной вертикальными линиями).

Рис. 3. Состоятельность институтов и механизмов МПП, оценки 4 групп респондентов, Сакский муниципальный район, 2020

Наблюдается внутренне дифференцированная специфика по оценке качества функционирования Общественных советов и сходов граждан, влияющих на муници-

пальную политику, работы сайтов по сбору и анализу предложений граждан территории Сакского района: более сдержанные оценки даны представителями НКО-

сообщества, малого и среднего бизнеса и МУПов, хотя все они располагаются в зоне среднесостоятельных институтов, что свидетельствует о неплохом функционировании институционального дизайна МПП

в муниципальном районе в целом. Результаты социологических исследований наших крымских коллег на базе домохозяйств содержат близкую интерпретацию [Чигрин, 2019].

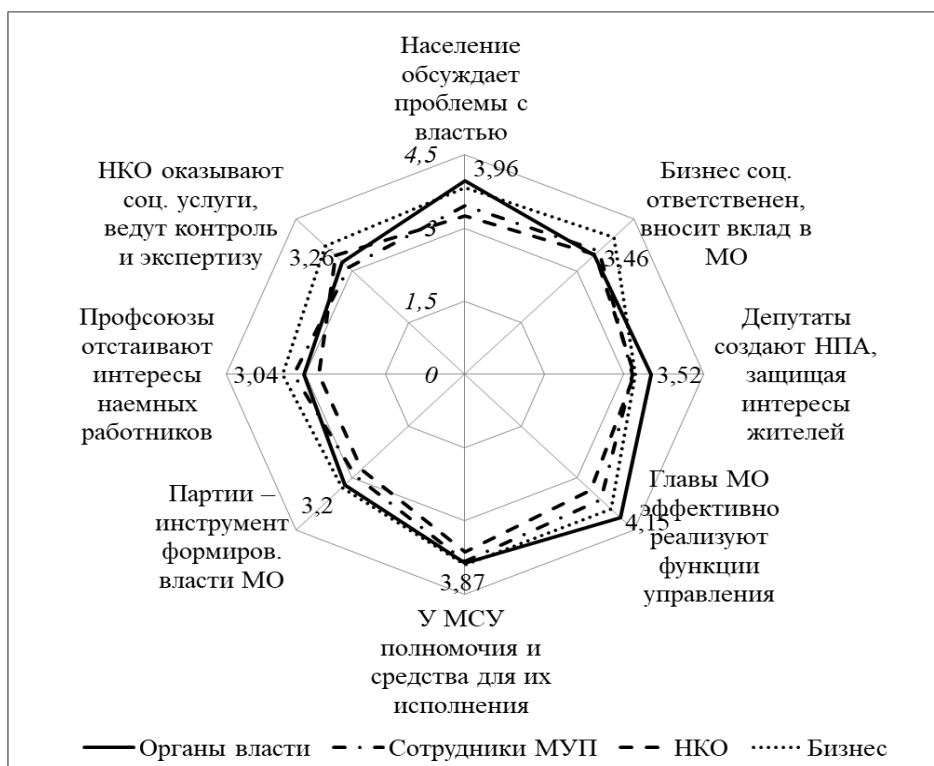

Рис. 4. Оценка работы субъектов и акторов МПП, баллы, Сакский муниципальный район, сентябрь 2020

С точки зрения субъектного среза МПП в Сакском районе более активная позиция выражена, что естественно, у представителей самой муниципальной власти и малого и среднего бизнеса (см. рис. 4). Критичные оценки своего субъектного потенциала дали эксперты от

НКО-сообщества и муниципальных учреждений. Своеобразной «местной спецификой» МПП стала крайне низкая оценка активностного потенциала профсоюзов, а также отделений федеральных политических партий (все 4 группы единодушно оценили их невысокую роль

в МПП). Самый сдержанный в своих оценках НКО-сектор более всего сотрудничают с депутатским корпусом района, а также с исполнительными органами МСУ и бизнесом. Видимо, спецификой данного района можно также считать позитивный и оптимистичный публичный настрой местного бизнеса: он высоко оценивает свои возможности как социально ответственного агента социальной политики, уверенно взаимодействует с «третьим сектором» и самими населением, а также с органами местной власти. На позитивный настрой бизнеса, по мнению экспертов, оказал успешный рекреационный сезон в муниципальном районе, поскольку еще в мае-июне из-за пандемии коронавируса в РК ожидался срыв туристического сезона. А экономика прибрежных районов, тесно связанная с курортно-туристическим направлением, очень зависит от фактора сезонности. Но в итоге, по мнению главы Крыма С. Аксенова, курортно-туристическая сфера Крыма выдержала все экономические встряски и заканчивает сезон с успешными показателями – в 6,5 млн туристов за период июль-сентябрь, что сравнимо только с советскими показателями [Аксенов, 2020]. Доминантным субъектом Сакского района в публичном поле выступают органы местной власти, особенно ее исполнительно-распорядительные структуры, которые по единодушной оценке всех

респондентов успешно реализуют полномочия МСУ.

Нами также была получена информация по наиболее проблемным аспектам функционирования муниципального района как хозяйствующего субъекта и публичного пространства, позволяющего реализовывать наиболее важные общественные потребности жителей. Так, отвечая на вопрос «*Какие проблемы жизнедеятельности муниципального образования, где Вы проживаете, являются наиболее острыми*», респонденты выделили следующие проблемы:

1. сезонность в деятельности субъектов хозяйствования, нехватка рабочих мест, низкий уровень заработных плат;
2. проблемы медицинского обслуживания. В данный момент больницу закрывают (единственную) и открывают обсерватор;
3. плохие дороги и никто не хочет на них тратить средства;
4. сложная и длительная система закупок товаров и услуг;
5. слабое пополнение бюджета (нет градообразующих предприятий), нехватка средств на развитие, в том числе, на благоустройство;
6. недостаток спортивных объектов – детская спортивная инфраструктура недостаточна (например, нет велотрека), мало парковых зон для отдыха с детьми.

Видно, что на данный момент муниципальный уровень в восприятии его граждан испытывает недостаток ресурсов и финансов для обеспече-

ния устойчивой деятельности муниципальной экономики, некоторую степень ее забюрократченности, неудовлетворительное состояние ее инфраструктуры – дороги и пр., и обеспеченность важными общественными благами – услугами здравоохранения, спортивного и досугового отдыха, что характерно для многих муниципальных образований глубинки России.

Ответы жителей и экспертов на вопрос *«Что, по Вашему мнению, нужно сделать для решения проблем благоустройства»* показательны в том отношении, что они рассматривают себя в качестве важного ресурса формирования «повестки дня» развития территории, организации содержательной «обратной связи», что позволило бы муниципальной власти лучше реализовывать гражданские компетенции своего управления. В этом отношении показательна их реакция на обращение *«Решив заняться улучшением положения дел в МО, что бы Вы сделали первым делом?»*. Вопрос был открытым и требовалось самостоятельно сформулировать ответ. Из 153 респондентов не стали отвечать около 40 человек. Зато более 110 респондентов дали развернутые варианты ответов, что свидетельствует о потенциально высоком уровне заинтересованности принять участие в обустройстве жизни в муниципальном районе и в совершенствовании управления. Систематизация ответов позволила сгруппировать их в 6 групп:

1. улучшить работу учреждений здравоохранения;
2. заняться обустройством дорог;
3. начать решать вопросы благоустройства;
4. решение проблем молодежной политики;
5. повышение эффективности и прогрессивности деятельности администрации и муниципальных служащих;
6. регулярные опросы жителей и экспертов.

Приведем систематизированное общественное мнение представителей всех 4-х групп по каждой из 6 групп ответов:

1) улучшить работу учреждений здравоохранения: изменили бы систему работы здравоохранения; навели бы порядок в больнице и поликлиниках; изменили бы порядок в поликлиниках, так как у врачей много бумажной волокиты и из-за этого большие очереди, наладили бы работу во взрослой поликлинике, сделали все возможное, что бы в городе функционировала больница (восстановить здания инфекционного и родильного отделений), отменить открытие обсерватора и т. п.);

2) заняться обустройством дорог: доделал бы брошенные дороги; доделали бы дамбу на Химпоселок; систематически вести ремонт дорог, замену труб; занялись бы дорогами, светофорами, общественным транспортом, уличным освещением, дорожной разметкой, улучшением транспортного сообщения в

сельской местности (села и окраины Сак), в частности, обеспечение контроля за техническим состоянием автобусов, засыпали бы дорогу по адресу ул. Спортивная, привела бы в порядок улицы в старом городе, где живут в основном пенсионеры и инвалиды...

3) начать решать вопросы благоустройства: благоустройство территории, больше детских площадок, больше зеленых зон, внесение изменений в осуществляемые проекты благоустройства, сделать более доступным город для инвалидов, возродить центральный парк; закончили бы начатые стройки, освещение во дворах и вдоль дорог, открыли бы общественные туалеты; прекратить застройку парков и зеленых зон; решить вопрос создания парковочных мест; ремонт кровли в многоквартирных домах; ремонт районного дворца культуры; организация досуговой занятости населения; строительство новых детских садов и школ, или же новых корпусов к уже существующим, в связи с нехваткой мест для детей: реконструкция курортного парка и т. п.;

4) решение проблем молодежной политики: организация центров досуга молодежи от 14 до 18 лет, привлечение квалифицированных молодых специалистов в МО, создание секций и кружков для культурного и физического развития молодежи, вовлечение молодежи в работу районного дворца

культуры, создание кадрового резерва из молодежи района, и т. п.;

5) повышение эффективности деятельности администрации и муниципальных служащих. Если структурировать проективные предложения респондентов по этому вопросу, то можно выделить несколько важных и актуальных для местных активистов направлений публичной деятельности муниципальной власти: во-первых, эксперты настаивают на повышении качества кадрового состава муниципальной службы и оптимизации ее функционирования, включая создание условий ее деятельности – навели бы порядок в администрации города, изменили кадровый состав администрации, обеспечив специалистов МО жильем, увеличив фонд оплаты труда специалистов, обновили бы кадровую политику, обратились бы к опыту других МО с более эффективной деятельностью, повысили бы подготовку кадров в сфере управления МО, подобрали бы профессиональную команду, привлекая специалистов высокого уровня; во-вторых, представители местного сообщества крайне заинтересованы в усилении эффективности обратной связи с жителями района, а также повышении контрольных функций граждан – плотнее сотрудничать органам власти с местным населением, организация встреч с жителями МО, выслушали бы жителей; доступность контроля гражданами, проанализировали бы бюджет

МО, провели бы проверку соответствия обещаний и реальных дел депутатов и чиновников всех уровней, провели бы мероприятия с ИП по взаимодействию с органами власти, провели бы проверку эффективности освоения средств, выделяемых на реализацию программ по благоустройству, привлекли бы к ответственности лиц, отвечающих за реализацию программ в случае несоответствия целям и задачам (деньги освоены, а результата нет, работы проведены, но некачественно и т.д.), провели бы проверку использования бюджетных средств, проверили бы планы местных глав администраций и то, как они их реализуют, проверили бы, как тратятся деньги для улучшения жизнеобеспечения населения; в-третьих, гражданские активисты заинтересованы более активно влиять на формирование стратегической «повестки дня» развития муниципального района и более эффективного использования бюджетных средств – актуализация и приоритетное выстраивание наиболее важных и острых вопросов с перспективой возможной реализации год-два; публично обсудили бы стратегию действий, организовали бы проверку эффективности освоения бюджета; разогнали бы всех депутатов, распустили бы нынешнюю администрацию, расширили бы штатное расписание сотрудников самых значимых структурных подразделений, направленных на решение

социально значимых проблем в МО, а именно: проблемы связанные с ЖКХ, дорогами, транспортом, благоустройством, образованием и т. п.);

б) регулярные опросы жителей и экспертов: собранные исследователями предложения по данному пункту вскрывают важную гражданскую составляющую в работе органов местного самоуправления и реализации задач муниципальной публичной политике по выявлению общественных запросов и потребностей местного сообщества: запросили бы результаты анкетирования подобного рода за определенный период, а также результаты анкетирования местного уровня и проанализировали мнения граждан, обсудили бы стратегию действий на этой основе; провели бы опрос жителей по проблемным вопросам, чтобы узнать видение населения по их решению; создали бы механизм взаимодействия власти и граждан посредством быстрого выявления потребностей общества в различных сферах их проявления (через опросы и интервью), активнее привлекали бы депутатов мажоритарщиков к работе в своих округах. Администрацию, в свою очередь, призвали бы проводить совместную работу с депутатским корпусом по вопросам планирования и разработки проектов, привлекли бы депутатский корпус к надзору и контролю и т. п.).

Представленная классификация предложений по улучшению рабо-

ты местного сообщества с органами власти муниципального района, особенно в части 5 и 6 пунктов, которые в большей степени касаются качества осуществления муниципальной публичной политики, показывают наличие определенного критического настроения, но с позитивным акцентом, демонстрирующим, что у местного сообщества имеется ресурс для совершенствования публичного управления территорией и предлагаются инициативные предложения, многие из которых могут сработать.

Интегральный Индекс МПП в Сакском муниципальном районе РК показывает, что оценки всех

4-х целевых групп практически консолидированы и расположились в благоприятном – *партнерском* квадранте. Это значит, что в своих ожиданиях они близки друг другу и готовы слышать взаимные предложения и сотрудничать. Небольшой критический настрой представлен в группах НКО-сообщества и представителей муниципальных учреждений (МУПов). Важно с учетом полученных результатов особенностей функционирования МПП в районе выработать конструктивные предложения по улучшению институтов и механизмов публичного взаимодействия и улучшения диалога в публичном пространстве.

Библиографический список

1. Аксенов заявил, что Крым заканчивает курортный сезон с успешными показателями. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9560999?from=special>. (Дата обращения: 06.11.2020).
2. Батракова Л. Г. Инновационное развитие регионов России по модели «тройной спирали» // Социально-политические исследования. 2020а. №3. С. 67-80.
3. Батракова Л. Г. Развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России // Социально-политические исследования. 2020б. №2. С. 48-65.
4. Воронина Е. А. Формирование инновационной среды региональной экономической системы // Социально-политические исследования. 2020. №1. С. 36-42.
5. Никовская Л. И. Особенности муниципальной публичной политики в Ярославской области (по результатам социологического исследования) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, Е. Ю. Дан-Чин-Ю // Социальные и гуманитарные знания. № 4. 2019. С. 312-326.
6. Никовская Л. И. О состоятельности институтов и механизмов муниципальной публичной политики (на примере Республики Татарстан) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Вестник Воронежского государственного ун-та: Серия История. Политология. Социология. № 2. 2020. Апрель-Июнь. С. 26-37.
7. Никовская Л. И. Типология публичной политики в российских регионах / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // СОЦИС. Социологические исследования. 2011. №3 (323). С. 56-65.
8. Опальский А. П. Деятельность органов государственного управления региона в вопросах повышения информированности населения // Социально-политические исследования. 2020. №2. С. 20-31.

9. Оценка численности постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Крым по состоянию на 01.01.2019 года. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm. (Дата обращения: 30.10. 2020).
10. Рощина Н. В. Влияние структуры региональной экономики на степень ее социальной ориентации / Н. В. Рощина, Г. О. Рощина // Социально-политические исследования. 2019. №1. С. 65-70.
11. Чигрин В. А. Общество и власть: социально-политическое пространство Крыма / В. А. Чигрин, А. И. Лучинкина, В. В. Узунов, Е. Г. Городецкая. Симферополь : Крымский филиал ФНИСЦ РАН, КИПУ, 2020. 250 с.
12. Чигрин В. А. Анализ результатов исследования проблем районов республики Крым (по состоянию на июль 2019 года, часть 1 – города) / В. А. Чигрин, Е. Г. Городецкая, А. И. Лучинкина. Симферополь : Крымский филиал ФНИСЦ РАН, КФУ им. В.И. Вернадского, КИПУ, 2019. 54 с.
13. Якимец В. Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия. Москва : РАПН, РОССПЭН. 2008. С. 107-121.
14. Якимец В. Н. Критерии для описания типов региональной публичной политики и индикаторы для разброса оценок // Оценка состояния и развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика. Труды ИСА РАН. Том 57. 2010 / под. ред. В. Н. Якимца. Москва : Изд. «КРАСАНД», 2010. С. 38-46.

Bibliograficheskij spisok

1. Aksenov zajavil, chto Krym zakanchivaet kurortnyj sezon s uspehnymi pokazateljami. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9560999?from=special>. (Data obrashhenija: 06.11. 2020).
2. Batrakova L. G. Innovacionnoe razvitie regionov Rossii po modeli «trojnoj spirali» // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020a. №3. S. 67-80.
3. Batrakova L. G. Razvitie malogo i srednego predprinimatel'stva v regionah Rossii // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020b. №2. S. 48-65.
4. Voronina E. A. Formirovanie innovacionnoj sredy regional'noj jekonomicheskoj sistemy // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020. №1. S. 36-42.
5. Nikovskaja L. I. Osobennosti municipal'noj publichnoj politiki v Jaroslavskoj oblasti (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija) / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec, E. Ju. Dan-Chin-Ju // Social'nye i gumanitarnye znaniya. № 4. 2019. S. 312-326.
6. Nikovskaja L. I. O sostojatel'nosti institutov i mehanizmov municipal'noj publichnoj politiki (na primere Respubliki Tatarstan) / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo un-ta: Serija Istorija. Politologija. Sociologija. № 2. 2020. Aprel'-Ijun'. S. 26-37.
7. Nikovskaja L. I. Tipologija publichnoj politiki v rossijskih regionah / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // SOCIS. Sociologicheskie issledovanija. 2011. №3 (323). S. 56-65.
8. Opal'skij A. P. Dejatel'nost' organov gosudarstvennogo upravlenija regiona v voprosah povyshenija informirovannosti naselenija // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020. №2. S. 20-31.

9. Ocenka chislennosti postojannogo naselenija po gorodskim okrugam i municipal'nym rajonom Respubliki Krym po sostojaniju na 01.01.2019 goda. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm. (Data obrashhenija: 30.10. 2020).
10. Roshhina N. V. Vlijanie struktury regional'noj jekonomiki na stepen' ee social'noj orientacii / N. V. Roshhina, G. O. Roshhina // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. №1. S. 65-70.
11. Chigrin V. A. Obshhestvo i vlast': social'no-politicheskoe prostranstvo Kryma / V. A. Chigrin, A. I. Luchinkina, V. V. Uzunov, E. G. Gorodeckaja. Simferopol' : Krymskij filial FNISC RAN, KIPU, 2020. 250 s.
12. Chigrin V. A. Analiz rezul'tatov issledovanija problem rajonov respubliki Krym (po sostojaniju na ijul' 2019 goda, chast' 1 – goroda) / V. A. Chigrin, E. G. Gorodeckaja, A. I. Luchinkina. Simferopol' : Krymskij filial FNISC RAN, KFU im. V. I. Vernadskogo, KIPU, 2019. 54 s.
13. Jakimec V. N. Indeks dlja ocenki i monitoringa publichnoj politiki // Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshhestvo i vlast': opyt razvitija i vzaimodejstvija. Moskva : RAPN, ROSSPJeN. 2008. S. 107-121.
14. Jakimec V. N. Kriterii dlja opisanija tipov regional'noj publichnoj politiki i indikatorov dlja razbrosa ocenok // Ocenka sostojanija i razvitija grazhdanskogo obshhestva Rossii: problemy, instrumenty i regional'naja specifika. Trudy ISA RAN. Tom 57. 2010 / pod.red. V. N. Jakimca. Moskva : Izd. «KRASAND», 2010. S. 38-46.

А. И. Жданов
Р. Т. Мухаев

УДК 32
<https://orcid.org/0000-0002-4492-7903>
<https://orcid.org/0000-0001-5686-8544>

Эволюция системы политических ценностей в современной России

Для цитирования: Жданов А. И., Мухаев Р. Т. Эволюция системы политических ценностей в современной России // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 38-51. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-38-51

Данная статья посвящена изучению эволюции системы политических ценностей в современной России. В рамках проведенной работы рассматриваются результаты социологических исследований политических ориентаций граждан Российской Федерации, проведенных ведущими мировыми и российскими социологическими агентствами за последние 30 лет. Рассматриваются различные аспекты динамики ценностных ориентаций жителей России и особенности восприятия гражданами России различных составляющих политической культуры. Авторы при помощи социологических методов анализируют политическую культуру Российской Федерации через призму отношений ее жителей к разнообразным элементам системы политических ценностей: демократии, политическому участию как таковому, равенству, свободе, склонности к участию в протестных акциях и т. д. Также авторы рассматривают насколько изменилось в политическом сознании граждан России положение таких ценностей как этатизм, национализм, правые, левые и центристские идеологические ориентации.

Исследование выстроено вокруг кросс-темпорального анализа динамики политических ценностей. Основной исследовательской проблемой является распространение качественно новых для России практик политического поведения начиная с 2017-2018 г. Центральной темой исследования является выявление связи между сменой вектора направленности политического поведения граждан Российской Федерации, из-за чего многими исследователями постулируется тезис о возникновении качественно «новой» политической реальности, и более структурными процессами эволюции политических ценностей в современной России. На основе данных социологических опросов World Values Survey, European Values Study, «Всероссийского центра изучения общественного мнения», Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) авторы рассматривают основные тренды изменений политических ценностей граждан России и определяют траектории их дальнейшего развития.

Ключевые слова: политическая культура, политические ценности, динамика политических ценностей, эволюция системы политических ценностей, система политических ценностей в России.

A. I. Zhdanov, R. T. Muhaev

Evolution of the system of political values in modern Russia

This article is devoted to the study of the evolution of the system of political values in modern Russia. Within the framework of the study, the results of sociological studies of the political orientations of citizens of the Russian Federation, conducted by the leading world and Russian sociological agencies over the past 30 years, are considered. Various aspects of the dynamics of value orientations of the inhabitants of Russia and the peculiarities of the perception by the citizens of Russia of various components of political culture are shown. The author, using sociological methods, analyzes the political culture of the Russian Federation through the prism of the attitude of its inhabitants to various elements of the system of political values: democracy, political participation as such, equality, freedom, propensity to participate in protest actions, etc. The author also examines how much the position of such values as statism, nationalism, right, left and centrist ideological orientations has changed in the political consciousness of Russian citizens.

The research design is built around a cross-temporal analysis of the dynamics of political values. The main research problem is the dissemination of qualitatively new practices of political behavior for Russia, starting from 2017-2018. The central topic of the study is to identify the connection between the change in the vector of political behavior of citizens of the Russian Federation, which is why many researchers postulate the thesis of the emergence of a qualitatively “new” political reality, and more structural processes of the evolution of political values in modern Russia. Based on the data of opinion polls World Values Survey, European Values Study, the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, the Federal Agency for Youth Affairs (Rosmolodezh), the author examines the main trends in changes in the political values of Russian citizens and determines the trajectories of their further development.

Key words: political culture, political values, dynamics of political values, evolution of the system of political values, system of political values in Russia.

Введение

В последние годы политические события в России приобретают качественно новый характер, выходя за рамки традиционного для Российской Федерации политического процесса. Начиная с 2017 г. фиксируется рост недовольства сложившейся в России политической системой, которое выражается в локальных волнениях в регионах России (Протесты в Шиесе, Ингуше-

тии, Хабаровском крае), протестном голосовании на выборах различного уровня (выборы глав субъектов федерации в 2018 г.), политических кампаниях, проводимых в столице (выборы в Мосгордуму VII созыва). Под влиянием изменений в политическом поведении граждан многие политологи заявляют о «новой политической реальности», возникшей в России: росте антиэлитных настроений, появлении новых электоральных ниш,

росте антисистемных сил, появлении запроса на перемены и т. д. [Минченко консалтинг, 2018]

Основной проблемой при изучении новой политической реальности в России является ответ на вопрос – подобного рода события носят спорадический характер или они детерминированы эволюцией системы политических ценностей граждан Российской Федерации?

Методологическая рамка исследования обусловлена концепцией Карла Поппера, который в своей работе «Открытое общество и его враги» писал, что функционирование политических институтов (в том числе и политической системы в целом) зависит от занятых в них людей: «Институты – как крепости: их надо хорошо спроектировать и заселить» [Поппер, 1992, с. 166-168].

Тем самым, в своем исследовании авторы будут опираться на социологический подход к изучению политических ценностей жителей России, а также использовать дескриптивный и кросс-темпоральный методы.

Операционализировать динамику политических ценностей авторы предлагают при помощи данных опросов Ассоциации World values survey, European values survey и ВЦИОМ. Данные опросы WVS являются валидным инструментом

изучения политической культуры, массовых убеждений и изменений ценностей и рекомендуемы множеством именитых политологов [Харпфер, 2015].

Эволюция политических ценностей граждан России

При изучении политических ценностей различных обществ особое внимание классиками политологической мысли уделялось дихотомии авторитарные/ демократические ценности. Так, Г. Алмонд и С. Верба в своем труде «Гражданская культура» выделили три типа политических культур, которые основаны на разных видах ценностей: демократических (участнических), традиционных (парохиальных) и подданических [Алмонд, 2014].

Если рассматривать эволюцию политических ценностей в России через призму отношения жителей РФ к демократии, то можно отметить, что, начиная с эпохи «Перестройки» фиксируется уверенное укоренение демократических ценностей в умах граждан России. Если не считать «провал» второй половины 1990 гг., вызванный экономическими трудностями, конфликтами на периферии и коррупцией среди элит, поддержка демократических ценностей в России неуклонно повышалась (см. рис. 1).

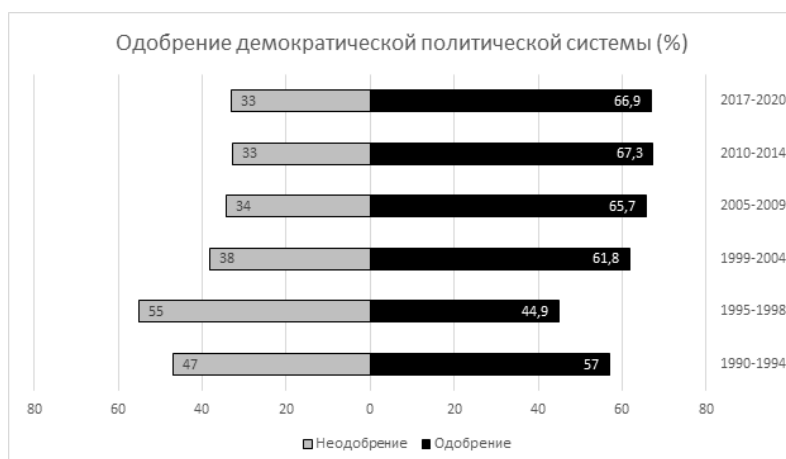

Рис. 1. Эволюция ценностей демократии
[World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Следующей социально-политической ценностью, анализируемой авторами, станет политика сама по себе. Значимость проявления интереса к политике, который является фактором политической социализации,

способствует формированию «гражданской компетентности» и представляет собой составную часть гражданской культуры, описывали Г. Алмонд и С. Верба [Алмонд, 2014].

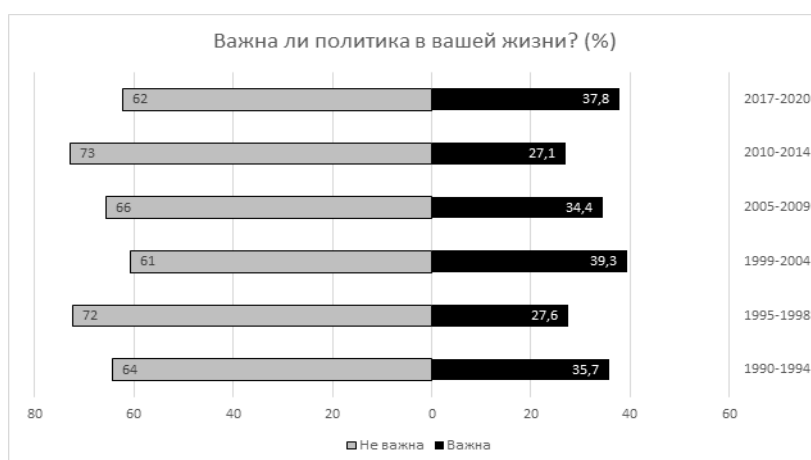

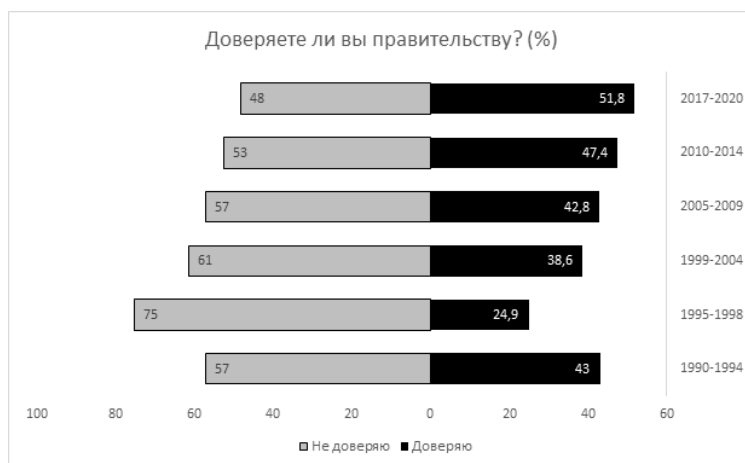
Рис. 2. Эволюция ценности политики как таковой
[World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Изучая представленную диаграмму (см. рис. 2), авторы отмечают низкую значимость политики в жизни жителей России в конце 1990 г. и первой половине 2010. Согласно отчету ВЦИОМ, низкий интерес к политике в 1990 г. объясняется накопившейся усталостью населения, разочарованием в политических лидерах, партиях и движениях, которые оказались неспособны провести эффективные рыночные и демократические реформы, а также ощущение постоянного предательства и обмана со стороны правящих кругов [ВЦИОМ(а), 2017].

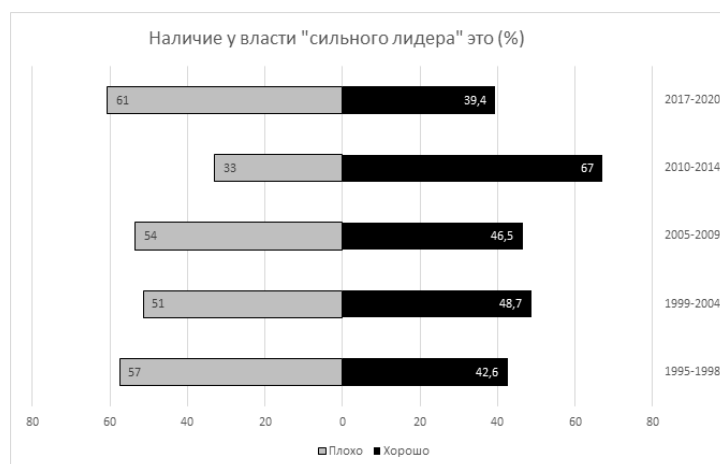
Снижение интереса к политике в 2014 г. авторы связывают с глобальным противостоянием России и Запада, консолидацией населения вокруг правящих элит и президента В. В. Путина, что привело к формированию так называемого «крымского консенсуса». В свою очередь, начиная с 2017 г., на 10 % увеличилось число граждан России, для которых ценность политики имеет высокое значение. Тем не менее, несмотря на всплеск «политизации» в последние годы среди более чем половины российского общества широкое распространение получил абсентеизм и, следовательно, отказ от гражданского участия, как политическая ценность.

Следующей немаловажной для изучения политической ценностью является этатизм, как степень доверия государственным и политическим институтам. Согласно кон-

цепции Габриэля Алмонда и Сиднея Верба, изложенной в их труде «Гражданская культура», для нормального функционирования демократической системы парадоксальным образом поведение граждан должно быть одновременно и активистским, и подданническим. Гарри Экстайн называл это «сбалансированными несоответствиями». С одной стороны, демократические власти и правительство должны править – обладать могуществом и лидерством, а также принимать решения, пользуясь поддержкой общества. С другой стороны, они должны быть под постоянным контролем политически-активных граждан, так как бесконтрольный интервенционализм ведет к усилению государственной власти, росту бюрократии и, как следствие, потере гражданских свобод [Поппер, 1992]. В противном случае, государство или полностью утратит связь с «входом», если пользоваться терминологией Д. Истона (то есть гражданским обществом), или скатится в анархию и падет под натиском центробежных сил. Таким образом, демократического гражданина Г. Алмонд и С. Верба призывают преследовать противоречащие одна другой цели: «он должен быть активным, но вместе с тем и пассивным, вовлеченным, но вместе с тем вовлекаться не слишком сильно. Влияющим, но вместе с тем почтительным» [Алмонд, Верба, 2014, с. 449].

(1)

(2)

Рис. 3. Этатизм как политическая ценность в России [World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Анализируя представленные диаграммы (см. рис. 3 (1,2), авторы отмечают уверенный рост этатистских настроений, начиная с нулевых годов XXI в. Как мы можем видеть из представленной диаграммы, наименьшим доверием среди граждан российское государ-

ство пользовалось в 1990 г. (соответственно этатизм, как политическая ценность был наименее распространен), в период наибольшей политической, социальной и экономической турбулентности, однако с наступлением 2000 г. в отношениях между властью и обществом уста-

новился неформальный договор о лояльности к государственной власти и принятию установленных норм и правил в обмен на обеспечение благосостояния и социальной поддержки, что обусловило некоторый рост этатистских настроений. Однако, в целом, на протяжении практических всех 20 лет более половины россиян не доверяли государственным органам.

Для придания большей валидности изучению склонности к этатизму, полезно сравнить, как менялась ценность «сильной руки» в представлении граждан РФ. Как следует из данных, представленных на рисунке 3, ценность «твердой руки» увеличивалась в 2000 г. и достигла своего пика к 2014 г. Однако с 2018 г. в России главной политической ценностью относительно власти стала не «твердость» и «способность навести порядок», а «заботливость» и «справедливость» [Forbes, 2018].

Парадоксальным образом, низкое доверие к государству среди граждан России до 2017 года соче-

талось с высокой ценностью «стабильности» и ее приматом над стремлением к переменам. Так, подавляющее большинство жителей РФ среди главных ценностей долгое время указывали стабильность и порядок [ВЦИОМ(б), 2017]. Однако начиная со второй половины 2017-го года стабильность, как доминирующая в российском обществе ценность, «отошла на периферию» и сменилась запросом на перемены, как заявил глава ВЦИОМ Валерий Фёдоров [Росмолодежь, 2017]. Количественно данную перемену можно измерить относительно динамики протестного потенциала граждан России.

Анализируя представленную диаграмму (см. рис. 4), мы можем отметить, что стабильность ценилась российским обществом выше стремления к переменам до конца 2017 – начала 2018 года, когда обозначился противоположный тренд, что находит свое отражение в политических действиях, как в столице России, так и на периферии.

Рис. 4. Динамика ценностей стабильности/перемен [ВЦИОМ (в), 2017]

Помимо глобальных политических ценностей большое значение играют узкоспецифичные политические ориентации, которые являются неотъемлемой составной частью системы политических ценностей. Главным водоразделом любого общества, если рассматривать его через призму политических ценностей,

является дихотомия свобода/равенство. В зависимости от предпочтений относительно свободной конкуренции, частной собственности, предпринимательства или равенства и справедливости политически активные граждане подразделяются на более правых или более левых [Мухаев, 2020].

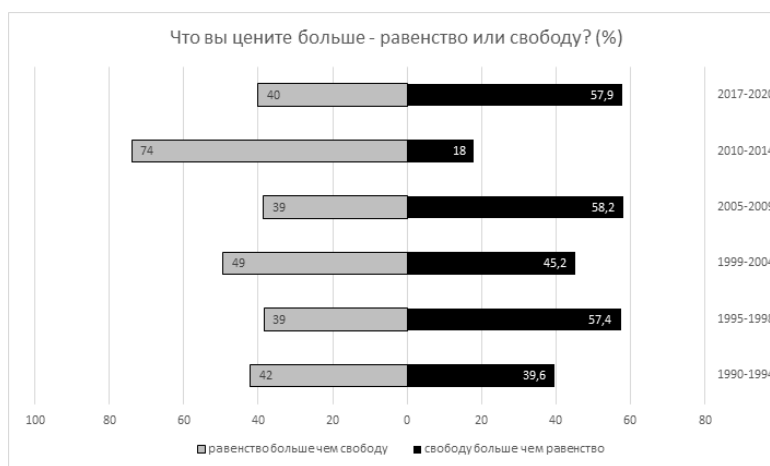

Рис. 5. Динамика политических ценностей относительно дихотомии равенство/свобода [World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Оценивая показатели предложенной диаграммы (см. рис. 5), авторы заключают, что эволюция политических ценностей граждан России относительно дихотомии «равенство-свобода» происходила по своеобразной «спирали». От примата рыночных и иных свобод над равенством в 1990 и начале 2000 г. жители Российской Федерации на фоне все увеличивающегося разрыва между бедными и богатыми перешли к ценностям социальной справедливости в 2010, а к 2020 г. «праволиберальные» ценности вновь возобладали в российском обществе. На фоне подобной динамики необходимо также изучить эволюцию политических ценностей через призму дихотомии «правые-левые». Согласно Мартину Липсету, в любой период и в любом месте есть возможность локализовать положение тех или иных представителей общества на континууме от левых до правых, вследствие чего изучение политических ценностей на основе матрицы «левый-правый-центрист» является важнейшим аспектом анализа эволюции политических ценностей, так как данные политические ориентации яв-

ляются как структурным фактором, определяющим выбор тех или иных партий или политических движений, так и аспектом существующей системы стратификации, то есть данная политическая ценность является одной из важнейших социально-политических переменных в политическом анализе [Липсет, 2016].

Как мы можем судить из данных, представленных на рисунке 6, политические ценности жителей России в данном аспекте также претерпели значительные изменения. От главенствующих в 1990 и первой половине 2000 г. «левоцентристских» ценностей, российское общество, начиная с 2010 г., перешло на более «правые» позиции. Авторы связывают данные изменения с появлением у большинства россиян относительного достатка и надежного дохода (по сравнению с 1990 г.), личного капитала (автомобилей, недвижимости) и возможностей индивидуальной мобильности (например, выезд за границу), а также общим курсом государства на укрепление «традиционных ценностей».

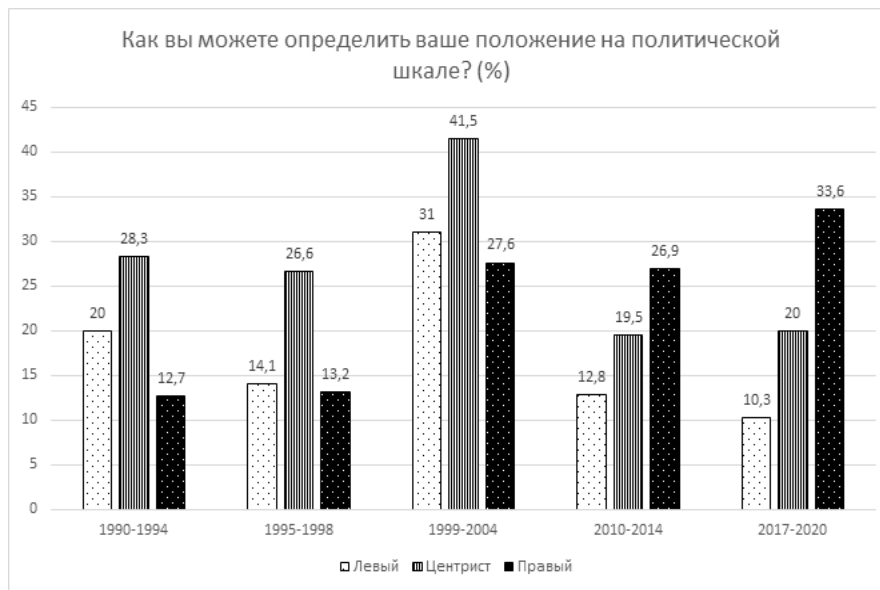

Рис. 6. Эволюция политических ценностей относительно дихотомии левый/правый [World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Г. Алмонд и С. Верба в своем сочинении «Гражданская культура» среди политических ценностей, помимо прочих, поместили доверие граждан по отношению друг к другу. Согласно их концепции, социальное взаимодействие напрямую определяет возможность для выживания демократии, так как оно отражает чувство безопасности и уверенности людей в своих со-

гражданах. Тем самым, в тех странах, где фиксируется наличие ценностей «доверия» и «ориентации на взаимодействие» среди граждан, также наблюдается встречаемость кооперации в политическом контексте, то есть, по Г. Алмонду и С. Верба, доверие граждан по отношению друг к другу является политической ценностью [Алмонд, Верба, 2014].

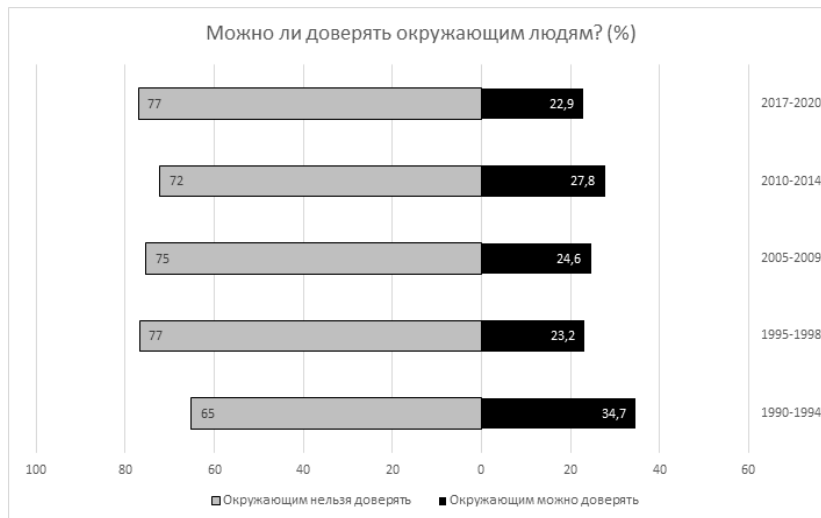

Рис. 7. Эволюция ценностей доверия граждан по отношению друг к другу [World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Анализируя данные, представленные на рисунке 7, авторы отмечают, что после распада СССР у жителей России по инерции оставались ориентации на кооперацию и сотрудничество, воспитанные советской трудовой и социальной этикой, однако с течением времени число граждан Российской Федерации, демонстрировавших приверженность данным ценностям последовательно уменьшалось – на данный момент доверие граждан друг другу, как политическая ценность, распространена среди наименьшего числа жителей России, чем было за последние 30 лет.

Согласно концепции, Г. Алмонда и С. Верба немаловажной для изуче-

ния политической ценностью является национализм. Национальная гордость, по их словам, является системной эмоцией, во многом определяющей политическое поведение [Алмонд, 2014].

Изучая данные опросов WWS и EWS, представленные на рисунке 8, авторы отмечают, что, несмотря на незначительный «провал» в 2010-2014 гг., национализм как политическая ценность все больше укоренился в умах граждан России, так на 2020 более 88% опрошенных заявили, что гордятся своей национальностью.

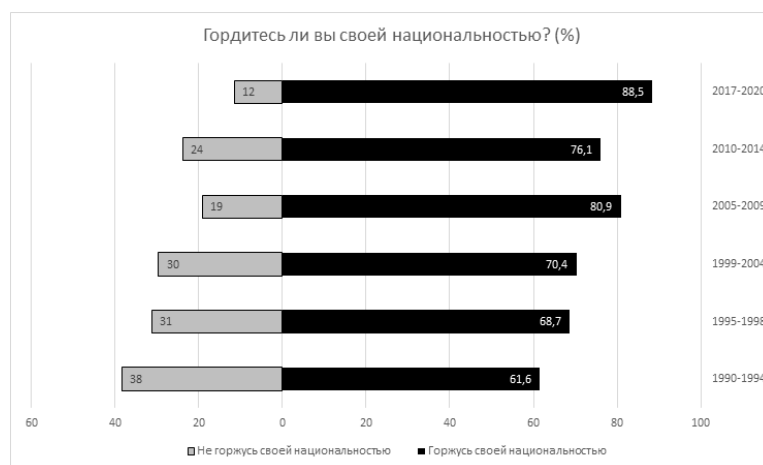

Рис. 8. Эволюция национализма как политической ценности
[World Values Survey, 2020; European Values Study, 2020]

Выводы

Таким образом, система политических ценностей в России претерпела значительную эволюцию. Период «Перестройки» и 1990 г. представлял собой время надежд и коренных перемен в российском обществе и был сопряжен с укоренением ценностей демократии, политического участия, либеральных свобод, оставшейся со времен Советского Союза ориентации на кооперацию. Также данный этап динамики политических ценностей характеризуется доминированием левоцентристской парадигмы и сравнительно низкого (по сравнению с последующим периодом) распространения национализма как политической ценности. Однако на рубеже XX-XXI вв. в сознании граждан России произошел коренной перелом. Вследствие разочарования в демократических реформах

и тяжелого экономического положения, широкое распространение получили прямо противоположные ценности – этатизм, «твердая рука», политический абсентеизм и подданные ориентации, данный период построения «вертикали власти» также совпал с ростом запроса на «стабильность» (а не на перемены, как в 1990), национализма и «правых» настроений в целом. Тем не менее, на данный момент граждане России переживают очередную «смену парадигмы» – вновь как политические ценности укрепились демократия, политическое участие, стремление к переменам, личные свободы и запрос на «справедливую», а не «твердую» власть, вследствие чего, можно отметить, что эволюция политических ценностей в России за последние 20 лет происходила по своеобразной «спирали».

Библиографический список

1. Алмонд Г. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. Москва : Мысль, 2014. 500 с.
2. ВЦИОМ (в): сайт. Москва, 1987. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/. (Дата обращения: 26.07.2020).
3. ВЦИОМ (г): сайт. Москва, 1987. Режим доступа: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2008/2008-07-16-polit-cennosti.pdf (Дата обращения: 08.09.2020).
4. ВЦИОМ(а): сайт. Москва, 1987. Режим доступа: <http://pressmia.ru/pressclub/20170306/951439361.html>. (Дата обращения: 26.07.2020).
5. ВЦИОМ(б): сайт. Москва, 1987. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815>. (Дата обращения: 26.07.2020).
6. Липсет М. Политический человек: социальные основания политики. Москва : Мысль, 2016. 612 с.
7. Минченко консалтинг: сайт. Москва, 2009. Режим доступа: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/AntiEliteMC_27.10.pdf. (Дата обращения: 25.07.2020).
8. Мухаев Р. Т. Политология в 2 ч. Часть 2. Москва : Юрайт, 2020. 326 с.
9. Поппер Карл Раймунд Открытое общество и его враги. В 3 томах. Т. 1: Чары Платона. / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. Москва : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
10. Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // Южно-российский журнал социальных наук. 2014. №2. С. 6-18.
11. Степанищенко О. В. Понятие и природа политических ценностей // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2011. №2. С. 284-292.
12. Трегуб В. А. Политические ценности в политической системе постсоветской России / В. А. Трегуб, С. В. Решетников // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. 2009. №1. С. 150-153.
13. Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь): официальный сайт. Москва. Режим доступа: https://fadm.gov.ru/news/36981?is_important=true. (Дата обращения: 26.07.2020).
14. Харпфер К. В. Демократизация: учеб. пособие / К. В. Харпфер, П. Б. Бернхаген, Р. Ф. Инглхарт, К. Вельцель. Москва : ИД «Высшей школы экономики», 2015. 708 с.
15. Шестопап Е. Б. Политические ценности современного российского общества: проблемы и перспективы изучения // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. №2. С. 92-121.
16. European Values Study: сайт. Мангейм, 1999. Режим доступа: <https://zacad.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacad.gesis.org/obj/fStudy/ZA3802>. (Дата обращения: 26.07.2020).
17. Forbes: сайт. Москва, 2004. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-agenda/ogf-2018/370281-ekaterina-shulman-zapros-obshchestva-na-silnuyu-rukuteryuet>. (Дата обращения: 27.07.2020).
18. World Values Survey: сайт. Вена, 1981. Режим доступа: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. (Дата обращения: 26.07.2020).

Bibliograficheskij spisok

1. Almond G. Grazhdanskaja kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratija v pjati stranah / G. Almond, S. Verba. Moskva : Mysl', 2014. 500 s.
2. VCIOM (v): sajt. Moskva, 1987. Rezhim dostupa: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/. (Data obrashhenija: 26.07.2020).
3. VCIOM (g): sajt. Moskva, 1987. Rezhim dostupa: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2008/2008-07-16-polit-cennosti.pdf (Data obrashhenija: 08.09.2020).
4. VCIOM(a): sajt. Moskva, 1987. Rezhim dostupa: <http://pressmia.ru/pressclub/20170306/951439361.html>. (Data obrashhenija: 26.07.2020).
5. VCIOM(b): sajt. Moskva, 1987. Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115815>. (Data obrashhenija: 26.07.2020).
6. Lipset M. Politicheskij chelovek: social'nye osnovanija politiki. Moskva : Mysl', 2016. 612 s.
7. Minchenko konsalting: sajt. Moskva, 2009. Rezhim dostupa: https://minchenko.ru/netcat_files/userfiles/AntiEliteMC_27.10.pdf. (Data obrashhenija: 25.07.2020).
8. Muhaev R. T. Politologija v 2 ch. Chast' 2. Moskva : Jurajt, 2020. 326 s.
9. Popper Karl Rajmund Otkrytoe obshhestvo i ego vrugi. V 3 tomah. T. 1: Chary Platona. / Per. s angl. pod red. V. N. Sadovskogo. Moskva : Feniks, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaja iniciativa», 1992. 448 s.
10. Selezneva A. V. Politicheskie cennosti v sovremennom rossijskom massovom soznanii: psihologicheskij analiz // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2014. №2. S. 6-18.
11. Stepanishhenko O. V. Ponjatie i priroda politicheskikh cennostej // Vestnik SPbGU. Serija 12. Sociologija. 2011. №2. S. 284-292.
12. Tregub V. A. Politicheskie cennosti v politicheskoi sisteme postsovetskoj Rossii / V. A. Tregub, S. V. Reshetnikov // Vesnik MDPU imja I. P. Shamjakina. 2009. №1. S. 150-153.
13. Federal'noe agentstvo po delam molodezhi (Rosmolodezh'): oficial'nyj sajt. Moskva. Rezhim dostupa: https://fadm.gov.ru/news/36981?is_important=true. (Data obrashhenija: 26.07.2020).
14. Harpfer K. V. Demokratizacija: ucheb. posobie / K. V. Harpfer, P. B. Bernhagen, R. F. Inghart, K. Vel'cel'. Moskva : ID «Vysshej shkoly jekonomiki», 2015. 708 s.
15. Shestopal E. B. Politicheskie cennosti sovremennogo rossijskogo obshhestva: problemy i perspektivy izuchenija // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki. 2014. №2. S. 92-121.
16. European Values Study: sajt. Mangejm, 1999. Rezhim dostupa: <https://zacad.gesis.org/webview/index.jsp?object=http://zacad.gesis.org/obj/fStudy/ZA3802>. (Data obrashhenija: 26.07.2020).
17. Forbes: sajt. Moskva, 2004. Rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/forbes-agenda/ogf-2018/370281-ekaterina-shulman-zapros-obshchestva-na-silnuyu-ruku-teryacet>. (Data obrashhenija: 27.07.2020).
18. World Values Survey: sajt. Vena, 1981. Rezhim dostupa: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. (Data obrashhenija: 26.07.2020).

С. Л. Таланов

УДК 321

<https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Программа «Безопасный город» как важное направление государственной политики в сфере борьбы с преступностью

Для цитирования: Таланов С. Л. Программа «Безопасный город» как важное направление государственной политики в сфере борьбы с преступностью // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 52-77. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-52-77

В статье анализируется уровень преступности в РФ, в том числе и Ярославской области. Автором проведено социологическое исследование, в рамках которого сделан выборочный анализ реализации программы «Безопасный город» в городах в РФ. Кроме того, осуществлен опрос студентов в 2018–2019 гг. и проведена серия глубинных интервью с позиционными экспертами. Подготовлена серия глубинных интервью со студентами: юридического факультета ЯрГУ, факультета социально-политических наук из ЯрГУ, педагогических специальностей из ЯГПУ. В статье делается вывод, что противостояние преступности будет более эффективным в сравнении с имеющейся практикой при соблюдении следующих условий: целенаправленное повышение степени защищенности граждан и инфраструктуры городов и сельских территорий; полномасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий с целью контроля закрытых (рынки, музеи и т. п.) и открытых (скверы, парки и т. п.) территорий; разработка базовых информационных систем и ресурсов, сформированность технических и организационных основ для дальнейшей цифровой трансформации городов и сельских территорий; активное участие граждан в жизни общества и в принятии решений по цифровизации городского пространства. Проведенный автором выборочный анализ реализации программы «Безопасный город» в городах в РФ показал, что программа призвана сократить число совершаемых правонарушений и особо опасных преступлений. Кроме того, эта программа предусматривает решение вопросов, связанных с миграционным аспектом, с необходимостью снижения рисков, вызванных техногенными и природными катастрофами и направлена на выявление потенциальной опасности оставленных в общественных местах предметов. В рамках исследования проведен также контент-анализ блогосферы, осуществлен вторичный анализ публикаций результатов исследований, осуществленных учеными ФНИСЦ РАН (г. Москва), ВЦИОМ. По результатам проведенного исследования предлагаются мероприятия по снижению преступности в городах.

Ключевые слова: профилактика преступлений, программа «Безопасный город», пресечение преступлений, видеонаблюдение.

S. L. Talanov

Safe city program as an important area of state policy in the fight against crime

The article analyzes the crime rate in the Russian Federation, including the Yaroslavl region. The author carried out a sociological study, within the framework of which a selective analysis of the implementation of the Safe city program in cities in the Russian Federation was carried out. In addition, a survey of students was carried out in 2018–2019 and a series of in-depth interviews with positional experts were conducted. A series of in-depth interviews with students were carried out: the faculty of law of Yaroslavl state university, the faculty of social and political sciences from Yaroslavl state university, pedagogical specialties from Yaroslavl state pedagogical university. It is concluded that the fight against crime will be more effective in comparison with the existing practice if the following conditions are met: purposeful increase in the degree of protection of citizens and infrastructure of cities and rural areas; full-scale implementation of information and communication technologies to control closed (markets, museums, etc.) and open (squares, parks, etc.) territories; development of basic information systems and resources, formation of technical and organizational foundations for further digital transformation of cities and rural areas; active participation of citizens in the life of society and in decision-making on the digitalization of urban space. The author's selective analysis of the implementation of the Safe city program in cities in the Russian Federation showed that the program is designed to reduce the number of offenses and especially dangerous crimes. In addition, this program provides for the solution of issues related to the migration aspect, with the need to reduce the risks caused by man-made and natural disasters and is aimed at identifying the potential danger of objects left in public places. As part of the study, a content analysis of the blogosphere was also carried out, a secondary analysis of publications of research results carried out by scientists from the Federal research center of the Russian academy of sciences (Moscow), was carried out. Based on the results of the study, measures are proposed to reduce crime in cities.

Key words: crime prevention, Safe city program, crime prevention, video surveillance.

Актуальность исследования

По данным Генеральной прокуратуры в России уровень преступности в стране в целом и в субъектах Федерации, в частности, периодически волнообразно изменяется, то растет, то незначительно снижается (см. табл. 1-4). Такая же ситуация по видам преступности. Мы можем видеть на протяжении нескольких лет снижение количества

зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, женщинами, мужчинами, затем рост этих и других видов преступности. Это связано с тем, что на рост преступности оказывают влияние социально-экономические, культурно-исторические, демографические и иные факторы [Таланов, 2008].

Таблица 1.

Выявлено лиц, совершивших преступления на территории ЦФО
[Данные Генеральной ...]

№ п/п	Субъект Федерации	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1	Белгородская область	7 485	6 686	6 198	6 438	6 456
2	Брянская область	9 534	8 284	7 600	7 266	7 048
3	Владимирская область	10 361	9 523	9 050	8 338	7 120
4	Воронежская область	12 701	12 564	13 049	12 491	11 427
5	Ивановская область	6 998	5 984	5 675	5 617	5 292
6	Калужская область	7 400	6 363	6 436	6 172	5 577
7	Костромская область	4 954	4 817	4 612	4 454	4 097
8	Курская область	8 093	7 254	6 900	6 618	6 303
9	Липецкая область	7 691	7 068	7 316	6 560	6 225
10	Город Москва	40 219	36 767	33 333	32 098	29 309
11	Московская область	41 981	40 044	39 426	3 9595	38 527
12	Орловская область	5 198	4 250	4 107	3 775	3 622
13	Рязанская область	5 930	5 674	5 434	5 121	5 322
14	Смоленская область	7 685	6 791	6 646	6 423	6 499
15	Тамбовская область	7 447	7 085	6 494	6 641	6 672
16	Тверская область	9 934	8 913	8 143	8 034	7 721
17	Тульская область	6 906	6 182	6 495	6 601	6 283
18	Ярославская область	8 217	7 539	7 357	6 377	6 179

Таблица 2.

Всего нераскрытых преступлений на территории ЦФО
[Данные Генеральной ...]

№ п/п	Субъект Федерации	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1	Белгородская область	6 388	5 674	5 360	5 360	5 842
2	Брянская область	6 268	6 609	6 019	5 805	5 453
3	Владимирская область	7 499	7 546	7 198	6 872	7 246
4	Воронежская область	23 141	21 075	18 483	15 739	17 410
5	Ивановская область	6 044	6 783	6 965	5 830	9 341
6	Калужская область	8 369	8 042	6 859	6 738	6 610
7	Костромская область	2 973	3 134	3 117	2 895	3 180
8	Курская область	3 720	3 585	3 446	3 661	5 016
9	Липецкая область	4 771	4 231	4 086	4 674	4 657
10	Город Москва	137 430	129 086	95 113	92 620	95 750
11	Московская область	36 285	38 741	36 163	33 309	29 819
12	Орловская область	5 625	5 037	4 016	4 641	4 478
13	Рязанская область	2 981	2 795	3 379	3 418	3 686
14	Смоленская область	4 247	5 623	5 395	4 847	6 116

№ п/п	Субъект Федерации	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
15	Тамбовская область	4 161	4 150	4 110	3 909	3 878
16	Тверская область	10 860	11 875	10 178	10 639	11 679
17	Тульская область	4 426	4 513	4 922	5 200	5 207
18	Ярославская область	10 058	9 694	8 684	8 882	9 351

Таблица 3.

**Выявлено лиц, совершивших преступления в Ярославской области
[Данные Генеральной ...]**

	Года						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Выявлено лиц	6 604	7 225	8 217	7 539	7 357	6 377	6 179

Таблица 4.

**Выявлено лиц, ранее совершавших преступления
в Ярославской области [Данные Генеральной ...]**

	Года						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Выявлено лиц	3 435	4 100	4 771	4 486	4 491	3 842	3 820

Правительство РФ целенаправленно и систематически разрабатывает федеральные программы, направленные на обеспечение общественного порядка и противодействие преступности. Наиболее эффективным инструментом по пресечению, предупреждению и раскрытию преступлений является внедрение видеонаблюдения. Например, в Москве с помощью систем видеонаблюдения в 2019 г. было раскрыто 4 240 преступлений (в 2018 году – 3 384). На данный момент в мегаполисе функционирует более 175 000 видеокамер.

Задачей государства является повышение качества и уровня жизни, а это, в свою очередь, невозможно без создания комфортной и безопасной

среды существования. В условиях интенсивного развития технологий цифровизация является ключевым фактором, способным обеспечить личную безопасность, безопасность объектов, мероприятий и т. п. Видеонаблюдение позволяет оперативно реагировать на происшествия и правонарушения, снижает преступность, повышает раскрываемость, снижает расходы на содержание охраны, помогает предотвращать возможные теракты и акты насилия.

Учитывая вышеизложенное, нами было проведено исследование, направленное на изучение программы «Безопасный город», а также насколько студенты (будущие юристы, политологи, педагоги) чувствую-

ют себя комфортно и безопасно в городской среде.

Постановка проблемы

Рост преступности стал наблюдаться после распада СССР. Проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при противостоянии преступности систематически освещаются в научной периодике [Ростокинский, 2014; Гилинский, 2019].

В условиях ярко выраженной аномии в обществе наблюдается рост агрессии, изнасилований, вандализма, особенно со стороны несовершеннолетних. Российские ученые из института социологии РАН целенаправленно анализируют девиантное поведение среди подрастающего поколения и пытаются выработать мероприятия, направленные на снижение уровня преступности среди несовершеннолетних [Позднякова, 2018, Брюно, 2019].

Актуальные проблемы борьбы с преступностью активно обсуждаются в интернет-сообществах, социальных сетях заинтересованными участниками, что подтверждает ее актуальность. Многие блогеры отмечают, что большинство городов РФ не адаптированы для комфортной жизни людей, а также не обеспечивают в полном объеме личную безопасность населения. В частности, блогеры и участники сетевых дискуссий отмечают, что под видеонаблюдением, как правило, находятся парковки и площади, скверы и парки, городские рынки, строительные площадки, места проведения

концертно-праздничных мероприятий, дворы школ и детских садов, музеи и историко-архитектурные ансамбли, городские рынки, строительные площадки, где и так подразумевается специальное охранение. Те пространства, которые требуют пристального внимания со стороны правоохранительных органов (безлюдные места, дворы на окраинах, заброшенные стройки и т. п.), как правило, не оборудованы видеонаблюдением.

Социологические опросы демонстрируют, что граждане боятся стать жертвами грабежей, разбоев и хулиганских действий. Девушки в большей степени, чем юноши боятся стать жертвой сексуального насилия.

Многочисленные исследования, проводимые мировым научным сообществом, демонстрируют, что сексуальному насилию девушки подвергаются гораздо чаще, чем юноши и после насилия чаще испытывают стресс, депрессию и суицидальные наклонности [Bongardt D., Deković R., Yu M., Meeus W.H. 2015: 497; Siverman J.G., Raj A., Mucci L.A. 2001: 572].

Ученые отмечают, что девушки к обеспечению своей безопасности подходят более основательно, чем юноши. При выборе маршрута перемещения по городу, области, или по стране придают особое значение таким факторам как наличие видеонаблюдения на остановках, вокзалах, поезде, автобусе и т. п.

Социологи, философы, криминологи целенаправленно анализи-

руют эффективность цифровых технологий в сфере предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений и правонарушений [Журавлева, 2018; Антошин, Третьякова, 2018; Степущенко, Муравьева, Халикова, Сибгатулина, 2017].

Последние годы большое внимание уделяется функционированию аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [Десятова, 2018; Качанов, 2019; Савчук, 2018; Еремина, 2016; Гречаный, 2016].

Проведенный нами анализ программ «Безопасный город» показал, что программа призвана сократить число совершаемых правонарушений и особо опасных преступлений. Кроме того, эта программа предусматривает решение вопросов, связанных с миграционным аспектом, с необходимостью снижения рисков, вызванных техногенными и природными катастрофами и направлена на выявление потенциальной опасности оставленных в общественных местах предметов.

Цель статьи – проанализировать как программа «Безопасный город» помогает повышать эффективность государственной политики в сфере борьбы с преступностью. При решении указанной задачи мы опирались на научные труды Д. Т. Березина, Т. Г. Доссэ, О. А. Коряковцевой [Березин, 2019; Доссэ, 2015; Коряковцева, 2009].

Эмпирическая база исследования

Осуществлен опрос в 2018–2019 гг.:

– студентов юридического факультета Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (ЯрГУ), n=400. Студенты данного факультета были выбраны для участия в опросе, так как значительная часть из них после окончания вуза будет работать в полиции, следственном комитете, судах, прокуратуре, адвокатуре и т. п.;

– студентов факультета социально-политических наук Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (ЯрГУ), n=400. Студенты данного факультета в большей своей массе имеют представление о процедуре принятия и реализации политических решений, а также имеют представление о механизмах становления гражданского общества в России;

– студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ), n=400. Значительная часть выпускников планирует работать учителями, то есть они будут не только формировать определенные знания, умения и навыки обучающихся, но и мировоззрение.

Выборка квотная, выборочная совокупность n=1 200, переменные квотирования: пол, возраст, вуз, направления обучения.

Осуществлена серия глубинных интервью позиционных экспертов, n=10.

Осуществлена серия глубинных интервью со студентами: юридического факультета ЯрГУ, n=10; факультета социально-политических наук из ЯрГУ, n=10; педагогических специальностей из ЯГПУ, n=10.

Проведен выборочный анализ реализации программы «Безопасный город» в городах в РФ, проведен контент-анализ блогосферы, осуществлен вторичный анализ публикаций результатов исследований, осуществленных учеными ФНИСЦ РАН (г. Москва), ВЦИОМ.

Авторские гипотезы

Противостояние преступности будет более эффективным в сравнении с имеющейся практикой при соблюдении следующих условий:

1. целенаправленное повышение степени защищенности граждан и инфраструктуры городов и сельских территорий;

2. полномасштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий с целью контроля закрытых (рынки, музеи и т. п.) и открытых (скверы, парки и т. п.) территорий;

3. разработка базовых информационных систем и ресурсов, сформированность технических и организационных основ для дальнейшей цифровой трансформации городов и сельских территории;

4. активное участие граждан в жизни общества и в принятии решений по цифровизации городского пространства.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, какие социальные проблемы, по мнению наших респондентов, являются наиболее актуальными? (см. табл. 5)

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Назовите три основные проблемы, решением которых городская власть должна заняться в первую очередь?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Здравоохранение	87	90	84	91	86	89
Обеспечение безопасности граждан	64	63	41	63	43	61
Состояние дорог	62	50	57	52	59	49
Совершенствовать городскую систему видеонаблюдения	61	80	74	77	63	79
Транспортное обслуживание	49	46	51	44	53	48
Благоустройство города	45	41	46	44	48	46

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Переселение из ветхого и аварийного жилья	39	50	38	51	37	52
Сфера физической культуры и спорта	38	42	36	41	39	40
Жилищно-коммунальное хозяйство	34	41	30	34	31	35
Сфера культуры	29	35	27	39	25	37
Другое	5	6	5	5	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, наибольшую озабоченность респондентов вызывают проблемы, связанные с системой здравоохранения, обеспечения безопасности граждан и качеством дорожного полотна. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы, для этого в анкете были предусмотрены открытые вопросы. Так, значительная часть опрошенных, независимо от гендерных особенностей и направле-

ния обучения, указали, что система здравоохранения вызывает множество нареканий. Кроме того, больше половины опрошенных девушек отметили, что вечером страшно ходить по улицам, нет должного освещения и очень мало в городе патрульных машин полиции и росгвардии.

Далее мы изучали, знают ли респонденты о реализации в их городе программы «Безопасный город»? (см. табл. 6)

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Слышали ли Вы о программе «Безопасный город»? (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	80	72	80	74	79	70
Нет	15	23	14	21	16	24
Затрудняюсь	5	5	6	5	5	6

Как видно из ответов, значительная часть студентов знают о программе «Безопасный город».

Далее мы анализировали, знают ли респонденты основные положения программы «Безопасный город»? (см. табл. 7)

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Что включает в себя программа «Безопасный город»?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Оперативный круглосуточный контроль ситуации на улицах и объектах города в режиме реального времени	100	89	100	90	100	92
Ведение видео- и аудиоархива	42	31	44	30	41	28
Автоматическое оповещение о возникновении чрезвычайных ситуаций соответствующих служб и организаций	45	27	47	26	48	25
Восстановление хода событий на основе записанных видеоматериалов	76	45	77	46	73	42
Интеграция видеoinформации с информацией других автоматизированных систем городской инфраструктуры	12	8	13	9	11	10
Интеллектуальная транспортная система, контроль работы светофоров и оптимизация маршрутов	9	12	8	14	10	12
Единая информационная система в здравоохранении	8	5	7	6	5	6
Датчики шума и загрязнения воздуха, своевременное реагирование на экологические проблемы	6	7	6	8	5	7
Другое	5	5	5	5	6	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, значительная часть студентов независимо от гендерных особенностей, возраста и направления обучения, смогли правильно описать основные положения программы «Безопасный город». Незначительная

часть респондентов путает положения программы «Безопасный город» с содержанием программы «Умный город».

Далее мы изучали, чувствуют ли студенты себя в безопасности (см. табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Чувствуете ли Вы себя в безопасности?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
В своей квартире	100	100	89	95	90	93
В подъезде своего дома	84	81	82	79	83	78
Чувствую себя в безопасности благодаря городской системе видеонаблюдения	55	36	59	37	57	39
В районе проживания	54	37	58	39	55	47
В общественном транспорте	47	66	47	65	48	64
В других районах	39	36	36	37	38	35
Затрудняюсь ответить	5	6	5	5	6	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, значительная часть опрошенных безопасно себя чувствует в основном своей квартире (доме). Чуть более половины юношей и чуть более одной трети девушек пояснили, что чувствуют себя в безопасности благодаря городской системе видеонаблюдения. Респонденты могли по-

яснить свои ответы. Так, около одной трети юношей и около половины опрошенных девушек указали, что количество видеокамер в городе недостаточно для обеспечения безопасности.

Далее мы изучали, как за последний год изменился уровень преступности в городе (см. табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «За последний год изменился уровень преступности в городе?» (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Снизился	24	14	21	18	23	22
Увеличился	45	64	41	63	43	61
Не изменился	26	16	33	14	28	12
Затрудняюсь ответить	5	6	5	5	6	5

По ощущениям большей части студентов за последний год уровень преступности в городе увеличился.

Далее мы изучали, жертвой, каких преступлений (правонарушений) они опасаются стать (см. табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Жертвой, каких преступлений (правонарушений) Вы опасаетесь стать?» (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Ограбление и разбой	46	63	42	61	45	53
Какое-либо преступление вообще	44	52	43	51	41	53
Физическое насилие	41	55	40	54	43	59
Оскорбление на улице	37	68	38	70	36	71
Мошенничество	24	39	26	42	28	44
Кража из дома, квартиры	8	11	9	13	11	14
Изнасилование	–	58	–	56	–	60
Затрудняюсь ответить	5	5	6	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, девушки в большей степени, чем юноши опасаются стать жертвой оскорбления на улице, а также боятся грабежей и разбоев. Настораживает

тот факт, что больше половины опрошенных девушек боятся стать жертвами сексуального насилия.

В рамках исследования мы предприняли попытку выяснить,

как обеспечивают свою безопасность юноши и девушки? Какие меры принимают респонденты ежедневно, чтобы избежать физического, психологического и сексуального насилия (см. табл. 11)?

Таблица 11.

Ответы респондентов на вопрос: «Какие меры вы принимаете ежедневно, чтобы избежать физического, психологического и сексуального насилия?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты, n=1200					
	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	юноши	дев.	юноши	дев.	юноши	дев.
Я хожу там, где есть видеонаблюдение	21	92	23	86	25	89
Я не хожу одна (один) в гости к мужчинам	–	90	–	61	–	63
Я не захожу в лифт с мужчиной или группой мужчин.	–	87	–	82	–	81
Не прохожу рядом с пьяными мужчинами	–	83	–	79	–	82
Езжу на такси, а не в общественном транспорте в темное время суток	–	81	–	80	–	78
Я всем незнакомым мужчинам рассказываю, что у меня есть брат боксер или отец в правоохранительных органах	–	80	–	77	–	82
Я не оставляю свой напиток без присмотра и слежу за тем, как его наливают	–	73	–	72	–	81
Я стараюсь не напиваться	–	71	–	69	–	84
Всегда стараюсь быть на связи с родителями или подругами	–	70	–	47	–	48
Я агрессивно смотрю в глаза мужчинам на улице	–	61	–	61	–	34
Я слежу за тем, как я одета	–	60	–	56	–	60
Слежу за тем, чтобы не разрядился мобильный телефон	–	59	–	15	–	19
Не меняю свой маршрут от дома до места учебы	–	58	–	50	–	54
Стараюсь одна (один) поздно ночью не гулять	–	54	–	61	–	67
Прошу, чтобы меня кто-нибудь проводил	–	51	–	60	–	71
Ношу с собой газовый баллончик	–	35	–	45	–	38

Ответы респондентов	Студенты, n=1200					
	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	юноши	дев.	юноши	дев.	юноши	дев.
Я не смотрю в глаза мужчинам на улице	–	22	–	13	–	39
Я гуляю только с друзьями	–	16	–	16	–	20
Когда я иду на пробежку, я не слушаю музыку	–	15	–	–	–	14
Я не гуляю в парках даже днем	–	12	–	15	–	17
Ношу с собой нож	–	11	–	52	–	44
Другое	5	5	5	5	5	6

**Примечание. Вопрос множественный*

Ответы убеждают, что фактически для 100 % юношей такой проблемы не существует, но почти всем девушкам приходится прикладывать много усилий для обеспечения своей безопасности.

Далее мы изучали, считают ли студенты видеонаблюдение эффективным способом пресечения (профилактики и раскрытия) преступлений (см. табл. 12).

Таблица 12.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, видеонаблюдение способно обеспечить вашу личную безопасность?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	55	36	59	37	57	49
Нет	40	58	36	57	38	46
Затрудняюсь	5	6	5	6	5	5

Как видно из ответов респондентов, независимо от их возраста, пола, направления обучения, значительная часть уверена, что видеонаблюдение позволяет осуществлять автоматическую регистрацию событий на охраняемых участках, а в малолюдных местах помогает предотвращать возможные теракты

и акты насилия. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы, для этого в анкете были предусмотрены открытые вопросы. Так, значительная часть девушек отметила, что они чувствуют себя уверенно, когда знают, что на территории, на которой они находятся, ведется видеонаблюдение.

Далее мы изучали, где и когда в первую очередь должно вестись

видеонаблюдение (см. табл. 13).

Таблица 13.

Распределение ответов на вопрос: «Где и когда в первую очередь должно вестись видеонаблюдение?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Во время праздников и массовых гуляний	100	100	100	100	100	100
У банкоматов, АЗС, терминалов	100	100	100	100	100	100
На основных перекрестках и автострадах	84	80	86	79	82	81
В детских садах, школах	51	90	52	91	54	88
В общественных местах	46	63	42	61	45	53
На парковках и площадях	44	62	47	65	45	63
В транспорте	39	44	37	48	35	47
Во дворах и подъездах	31	71	33	74	34	72
Другое	5	6	5	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Абсолютно все опрошенные согласны, что видеонаблюдение должно вестись во время массовых мероприятий, у банкоматов, на АЗС, на оживленных перекрестках и автострадах. Девушки в большей степени, чем юноши уверены, что видеонаблюдение должно быть в обязательном порядке в детских садах, школах на парковках и площадях. Студенты имели возможность пояснить свои ответы. Так, значительная часть респондентов

указала, что правоохранительным органам необходимо уделять особое внимание дворам, заброшенным стройкам, где могут случайно оказаться несовершеннолетние и стать жертвами каких-либо преступлений, а не территориям музеев и городских рынков, где и так есть серьезная охрана.

Далее мы изучали, какие ситуации вызывают у студентов опасения (см. табл. 14).

Таблица 14.

Распределение ответов на вопрос: «Что вызывает у Вас опасение?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Заброшенные здания пустыри, любые малолюдные не освещенные места	57	60	55	62	58	63
Отсутствие развитой системы видеонаблюдения	55	36	59	37	57	49
Неосвещенные участки улицы, двора	50	39	49	43	52	42
Встреча с агрессивными молодежными компаниями	46	63	42	61	45	53
Случайная встреча с наркоманом	44	52	43	51	41	53
Шумные соседи или компании под окнами	43	61	40	60	44	51
Встреча с пьяным или с группой людей распивающими спиртные напитки	42	56	41	55	44	60
Шум из кафе, ресторана, клуба рядом с домом	42	60	39	59	43	50
Когда рядом оказался бомж или попрошайка	32	44	30	45	29	44
Когда рядом бродячие собаки	19	24	18	25	17	26
Другое	5	6	5	5	6	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Наибольшее опасение у респондентов независимо от гендерных особенностей и направления обучения вызывают заброшенные здания пустыри, любые малолюдные не освещенные места. Кроме того, как видно из ответов опрошенных,

девушки в большей степени, чем юноши боятся встречи с агрессивными молодежными компаниями.

Далее мы изучали, как студенты оценивают усилия властей по обеспечению безопасности граждан в городе (см. табл. 15).

Таблица 15.

Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что Власти вашего города прикладывают все необходимые усилия для обеспечения безопасности граждан?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	54	37	58	39	55	47
Нет	41	57	37	55	39	48
Затрудняюсь	5	6	5	6	6	5

Как видно из ответов опрошенных, больше половины опрошенных юношей считают, что власти города прикладывают все необходимые усилия для обеспечения безопасности граждан. Около половины девушек полагают, что власти не прикладывают необходимых уси-

лий для создания комфортных и безопасных условий жизнедеятельности.

Далее мы изучали, удовлетворены ли респонденты в целом работой правоохранительных органов города Ярославля (см. табл. 16).

Таблица 16.

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы в целом работой правоохранительных органов города Ярославля?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Полностью удовлетворен	29	19	32	23	31	24
Скорее удовлетворен	25	18	26	16	24	23
Скорее не удовлетворен	21	31	20	28	21	27
Полностью не удовлетворен	20	26	17	27	18	21
Затрудняюсь ответить	5	6	5	6	6	5

Как видно из ответов опрошенных, больше половины юношей и больше одной трети девушек удовлетворены в целом работой право-

охранительных органов города Ярославля.

Далее мы изучали, если ли среди близких родственников студентов

или среди их друзей работники правоохранительных органов и как они к этому относятся (см. табл. 17).

Таблица 17.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к сотрудникам правоохранительных органов?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Хорошо	89	95	89	88	93	94
Отношусь отрицательно	5	–	6	7	–	–
Нейтрально	6	5	5	5	7	6

Как видно из ответов, значительная часть респондентов независимо от гендерных особенностей, возраста и направления обучения

хорошо относятся к сотрудникам правоохранительных органов.

Далее мы изучали, знают ли студенты своего участкового уполномоченного полиции? (см. табл. 18)

Таблица 18.

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли вы Вашего участкового уполномоченного полиции?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	12	5	6	6	5	6
Нет	83	90	88	89	90	88
Затрудняюсь	5	5	6	5	5	6

Как видно из ответов, значительная часть опрошенных не знают своего участкового уполномоченного полиции.

Далее мы изучали, знают ли студенты адрес участкового пункта полиции в микрорайоне своего проживания (см. табл. 19).

Таблица 19.

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли вы адрес участкового пункта полиции в вашем микрорайоне?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	80	83	90	90	86	84

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Нет	20	12	10	5	14	11
Затрудняюсь	–	5	–	5	–	5

Как видно из ответов, несмотря на то, что значительная часть студентов не знает своего участкового уполномоченного полиции, практически все принявшие в опросе зна-

ют адрес участкового пункта полиции в своем микрорайоне.

Далее мы изучали, знают ли студенты месторасположение районного отдела полиции в микрорайоне своего проживания (см. табл. 20).

Таблица 20.

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли вы месторасположение районного отдела полиции в вашем районе?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	100	100	100	100	100	100
Нет	–	–	–	–	–	–
Затрудняюсь	–	–	–	–	–	–

Как видно из ответов, абсолютно все респонденты знают месторасположение районного отдела полиции в своем районе. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, значительная часть студентов указала, что в микрорайоне, где рас-

положено УМВД или опорный пункт полиции, всегда чувствуют себя в полной безопасности.

Далее мы изучали, контактировали ли студенты с полицией (по различным причинам) в течение последних 12 месяцев (см. табл. 21).

Таблица 21.

Распределение ответов на вопрос: «Контактировали ли вы с полицией по различным причинам в течение последних 12 месяцев?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Вы и Ваши родственники стали жертвой преступления или правонарушения	46	63	42	61	45	53

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Необходимость оформить различные документы	31	29	34	27	33	29
Вы стали свидетелем какого-либо происшествия	27	41	28	45	29	42
Полиция остановила вас на улице с любой целью	17	12	9	12	17	21
Сообщение о ДТП	13	8	26	28	16	21
Вы хотели оказать помощь или дать информацию	6	13	19	25	13	17
Вас остановили работники ГИБДД	5	–	5	6	6	–
Сообщение о необходимости оказания медпомощи	–	12	8	16	–	7
Вы хотели пожаловаться на шум или громкую музыку	–	7	16	31	21	26
Другое	5	5	6	5	5	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов опрошенных, большая часть опрошенных указали, что они лично или их родственники были жертвой какого-либо преступления или правонарушения.

Далее мы изучали, возникала ли в течение последнего года ситуация, в которой работники полиции нарушали права студентов, либо права их близких (см. табл. 22).

Таблица 22.

Распределение ответов на вопрос: «Возникла ли в течение последнего года ситуация, в которой работники полиции нарушали ваши права, права Ваших близких?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Да	5	–	8	16	6	–
Нет	90	93	86	78	87	95
Затрудняюсь	5	7	6	6	7	5

Как видно из ответов, у определенной части респондентов работники полиции нарушали их права, или права их близких. Это обстоятельство не может не вызывать озабоченность. Опрошенные могли пояснить свои ответы. Так, абсолютно все респонденты, которые указали, что были нарушены их права, отметили, что если бы была

видеофиксация ситуации в которой они оказались, то либо их права бы не нарушились, либо можно было бы легко доказать их невиновность.

В рамках исследования мы предложили респондентам перечислить мероприятия, необходимые для снижения уровня преступности в г. Ярославле и в стране в целом (см. табл. 23).

Таблица 23.

Мнение респондентов о путях снижения уровня преступности в Ярославской области* (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, педагоги		ЯрГУ, юристы		ЯрГУ, политологи	
	Юноши n=140	Девушки n=260	Юноши n=168	Девушки n=232	Юноши n=168	Девушки n=232
Улучшение воспитания молодежи	93	89	68	72	64	70
Повышение уровня и качества жизни населения	91	89	76	78	80	75
Организация полноценного досуга молодежи	87	82	47	45	48	49
Повышение уровня образованности населения	86	82	67	63	72	71
Пропаганда здорового образа жизни	73	70	75	77	72	72
Осуществление мониторинга во дворах многоквартирных домов, в подъездах, лифтах и на чердаках.	72	70	94	90	91	90
Снижение уровня безработицы	71	51	46	53	44	52
Ужесточение уголовной ответственности за преступления	64	47	89	69	90	65
Улучшение работы правоохранительных органов	62	53	100	73	89	71
Другое	5	5	6	5	5	6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Как видно из ответов, студенты – будущие педагоги, считают, что существенно снизить уровень преступности позволит совершенствование методов и форм воспитания. Студенты – юристы и студенты – политологи полагают, что сократить уровень преступности позволит совершенствование деятельности правоохранительных органов и осуществление мониторинга во дворах многоквартирных домов, в подъездах, лифтах и на чердаках, а также ужесточение уголовной ответственности за совершенное преступление.

В рамках исследования нами проведена серия глубинных интервью студентов (юристов, политологов, педагогов) n=30.

Далее мы приводим наиболее типичные высказывания из интервью.

Анна, 22 года.

«Для повышения безопасности жителей города в общественных местах, в транспорте, дворах и подъездах необходимо вести постоянное видеонаблюдение. Я обратила внимание, что когда у нас у каждого подъезда закрепили видеокамеры, то на лавочках у подъезда перестали собираться шумные компании. Стало безопасно перемещаться по двору в вечернее время. В подъездах также стало безопасно и чисто».

Артем, 22 года.

«Когда я бываю в Москве, то, несмотря на то, что там очень много мигрантов я чувствую себя в безопасности. Я знаю, что в столице огромное количество видеока-

мер, все мало-мальски значимые объекты охраняются сотрудниками полиции или охранниками из частных охранных агентств. По статистике около одной трети преступлений совершается мигрантами, которые не могут себя реализовать в России. В Ярославской области около 96 % проживающих – это граждане РФ, то есть мигрантов очень мало. Уровень жизни в регионе достаточно высок и по идее уровень преступности должен быть незначительным. Но я лично себя в городе не всегда чувствую в безопасности, особенно в вечернее и ночное время. Есть микрорайоны в которые поздно вечером лучше не заходить. Если бы видеонаблюдение велось повсеместно и целенаправленно осуществлялось патрулирование сотрудниками российской гвардии или полиции, многие преступления никогда бы не совершились».

Елизавета, 21 год.

«Я люблю посещать большие торговые центры и ночные клубы. Стараюсь перемещаться по городу в такси и в сопровождении друзей или подруг. Когда еду на своей автомашине, то всегда стараюсь парковаться на освещенных участках или парковках при торговых центрах. Я знаю, что там есть видеонаблюдение, которое ведется не для галочки. Мало того, что ведется видеофиксация, но и создается видеоархив, то есть всегда можно обратиться к охраннику и узнать не находили ли вещь, которую,

например, я потеряла. Если я вижу, что есть видеонаблюдение, я уверена, что здесь безопасно и если даже и может что-то вдруг произойти (пьяный, например, пристаёт), то всегда придут на помощь».

Здесь мы видим, что студенты уверены, что видеонаблюдение способно существенно снизить уровень преступности и обеспечить личную безопасность гражданам и приезжим.

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью с позиционными экспертами (сотрудники ФСБ, полиции и т. п.), n=10.

Далее мы приводим наиболее типичные высказывания экспертов.

Эксперт 1

«Для обеспечения безопасности граждан необходимо, в первую очередь, совершенствовать систему видеонаблюдения (безопасный город). Кроме того, у людей должна быть активная гражданская позиция и обостренное чувство социальной справедливости. К сожалению, часто телефоны доверия молчат, граждане если даже стали случайными свидетелями правонарушения или преступления, то не спешат информировать правоохранительные органы. И здесь как раз, система видеонаблюдения способна прийти на помощь. Ежегодно множество преступлений в Ярославле удается раскрыть благодаря системе видеонаблюдения. Самое главное, не только раскрыть, но и пресечь преступления и правонарушения».

Эксперт 2

«Программа «Безопасный город» способствует профилактике, пресечению, раскрытию преступлений. Я лично анализировал опыт реализации аналогичной программы в Москве. И могу сказать с полной уверенностью, что после ее внедрения в столице существенно стало безопаснее, повысилась раскрываемость преступлений. К сожалению, в области не такие сильные финансовые ресурсы как в Москве, но я уверен, что, если целенаправленно финансировать программу «Безопасный город», в нашем регионе уменьшится уровень преступности».

Здесь мы видим, что позиционные эксперты едины во мнении, что программа «Безопасный город» является эффективным механизмом в противостоянии преступности и правонарушениям.

Заключение

В рамках исследования найдено подтверждение основной гипотезы.

Для снижения уровня преступности в городе необходимо:

- систематически проводить рейды по профилактике и предупреждению правонарушений в жилом секторе;
- выделять финансы на закупку видеостен и центров мониторинга на тысячи видеоканалов, так как видеонаблюдение снижает преступность, повышает раскрываемость, снижает расходы на содержание охраны;
- увеличить долю территорий в городе, на которых обеспечено

функционирование городской системы видеонаблюдения;

– размещать камеры видеонаблюдения не только на самых оживленных перекрестках и пло-

щадях города, но и в безлюдных местах;

– стимулировать привлечение внебюджетных источников финансирования для развития цифровой среды города.

Библиографический список

1. Антошин В. А. Практическая реализация государственной политики в сфере обеспечения безопасности в рамках построения и развития систем аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на территории Свердловской области / В. А. Антошин, Е. С. Третьякова // Вопросы управления. 2018. № 6. С. 27-38.
2. Березин Д. Т. Анализ влияния социальных факторов на экономическую безопасность региона (на примере Ярославской области) // Институциональные основы экономики опережающего развития: материалы международной научно-практической конференции / под науч. ред. Л. Г. Батраковой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 131-135.
3. Брюно В. В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России. Часть 2. // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 1 (25). С. 113-126.
4. Гишинский Я. И. Современный терроризм: кто «виноват» и что делать? // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Монография. Серия: «Актуальные монографии». Москва : Юрайт, 2019. С. 9-14.
5. Гречаний С. А. Особенности построения аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» // Охрана, безопасность, связь. 2016 № 1. С. 59-61.
6. Данные Генеральной Прокуратуры РФ. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_table. (Дата обращения: 01.09.20).
7. Данные Генеральной прокуратуры РФ. Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total. (Дата обращения: 01.09.20).
8. Данные Генеральной прокуратуры РФ. Режим доступа: http://crimestat.ru/regions_chart_total. (Дата обращения: 20.10.2020).
9. Десятова О. В. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» на страже правопорядка (На примере Тюменской области) // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2018. № 3 (13). С. 13-16.
10. Доссэ Т. Г. Тьюторское сопровождение взрослых обучающихся: возможности и перспективы / Т. Г. Доссэ, О. А. Коряковцева, И. Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 100-103.
11. Еремина Т. Ю. Некоторые аспекты создания аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» и «Безопасный субъект РФ» / Т. Ю. Еремина, А. А. Назаров // Пожарная безопасность. 2016. № 1. С. 138-144.
12. Журавлева И. А. Программа «Безопасный город» в современном муниципальном управлении // Урбанистика. 2018. № 4. С. 55-62.

13. Качанов С. А. О месте аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в концепции «Умный город» / С. А. Качанов, А. П. Попов // Технологии гражданской безопасности. 2019. Т. 16. № 3 (61). С. 4-9.
14. Коряковцева О. А. Развитие общественно-политической активности молодежи в условиях модернизации общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2 (11). С. 117-122.
15. Позднякова М. Е. К проблеме формирования делинквентного поведения подростков // Феноменология и профилактика девиантного поведения. Материалы XI Международной научно-практической конференции. Краснодар : Изд-во ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2018. С. 207-212.
16. Ростокский А. В. Стратегия борьбы с преступностью в Российской Федерации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 5-9.
17. Савчук А. А. Построение и развитие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» на территории Московской области / А. А. Савчук, О. В. Наместникова, Н. Г. Топольский, В. В. Симаков // Технологии техносферной безопасности. 2018. № 5 (81). С. 28-37.
18. Степущенко О. А. Аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» как фактор снижения риска возникновения ЧС / О. А. Степущенко, Е. В. Муравьева, Е. И. Халикова, Д. Ш. Сибгатуллина // Безопасность жизнедеятельности. 2017. № 5 (197). С. 47-52.
19. Таланов С. Л. Проблемы высшего образования и преступность в центральном федеральном округе // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2015. № 1. С. 40-44.
20. Bongardt D., Deković R., Yu M., Meeus W.H. Romantic relationships and sexuality in adolescence and young adulthood: The role of parents, peers, and partners // European journal of developmental psychology. 2015. Vol. 12. P. 497-515.
21. Siverman J.G., Raj A., Mucci L.A. Dating violence against adolescent girls and associated substance use, unhealthy weight control, sexual risk behavior, pregnancy, and suicidality // JAMA. 2001. Vol. 286. P. 572-579.

Bibliograficheskij spisok

1. Antoshin V. A. Prakticheskaja realizacija gosudarstvennoj politiki v sfere obespechenija bezopasnosti v ramkah postroenija i razvitija sistem apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyj gorod» na territorii Sverdlovskoj oblasti / V. A. Antoshin, E. S. Tret'jakova // Voprosy upravlenija. 2018. № 6. S. 27-38.
2. Berezin D. T. Analiz vlijanija social'nyh faktorov na jekonomicheskiju bezopasnost' regiona (na primere Jaroslavskoj oblasti) // Institucional'nye osnovy jekonomiki operezhajushhego razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Pod nauch. red. L. G. Batrakovoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. S. 131-135.

3. Brjuno V. V. Riskovannoe seksual'noe povedenie sovremennyh podrostkov v Rossii. Chast' 2. // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2019. T. 7. № 1 (25). S. 113-126.
4. Gilinskij Ja. I. Sovremennij terrorism: kto «vinovat» i chto delat'? // Psihologija i psihopatologija terrorizma. Gumanitarnye strategii antiterrora. Monografija. Serija: «Aktual'nye monografii». Moskva : Jurajt, 2019. S. 9-14.
5. Grechanyj S. A. Osobennosti postroenija apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyj gorod» // Ohrana, bezopasnost', svjaz'. 2016 № 1. S. 59-61.
6. Dannye General'noj Prokuratury RF. Rezhim dostupa: http://crimestat.ru/offenses_table. (Data obrashhenija: 01.09.20).
7. Dannye General'noj prokuratury RF. Rezhim dostupa: http://crimestat.ru/regions_chart_total. (Data obrashhenija: 01.09.20).
8. Dannye General'noj prokuratury RF. Rezhim dostupa: http://crimestat.ru/regions_chart_total. (Data obrashhenija: 20.10.2020).
9. Desjatova O. V. Apparatno-programmnyj kompleks «Bezopasnyj gorod» na strazhe pravoporjadka (Na primere Tjumenskoj oblasti) // Vestnik Ural'skogo finansovo-juridicheskogo instituta. 2018. № 3 (13). S. 13-16.
10. Dossje T. G. T'jutorskoe soprovozhdenie vzroslyh obuchajushhihsja: vozmozhnosti i perspektivy / T. G. Dossje, O. A. Korjakovceva, I. Ju. Tarhanova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 5. S. 100-103.
11. Eremina T. Ju. Nekotorye aspekty sozdaniya apparatno-programmnyh kompleksov «Bezopasnyj gorod» i «Bezopasnyj sub#ekt RF» / T. Ju. Eremina, A. A. Nazarov // Pozharnaja bezopasnost'. 2016. № 1. S. 138-144.
12. Zhuravleva I. A. Programma «Bezopasnyj gorod» v sovremennom munitsipal'nom upravlenii // Urbanistika. 2018. № 4. S. 55-62.
13. Kachanov S. A. O meste apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyj gorod» v koncepcii «Umnyj gorod» / S. A. Kachanov, A. P. Popov // Tehnologii grazhdanskoj bezopasnosti. 2019. T. 16. № 3 (61). S. 4-9.
14. Korjakovceva O. A. Razvitie obshhestvenno-politicheskoy aktivnosti molodezhi v uslovijah modernizacii obshhestva // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2009. № 2 (11). S. 117-122.
15. Pozdnjakova M. E. K probleme formirovanija delinkventnogo povedenija podrostkov // Fenomenologija i profilaktika deviantnogo povedenija. Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar : Izd-vo FGKOU VPO «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii», 2018. S. 207-212.
16. Rostokinskij A. V. Strategija bor'by s prestupnost'ju v Rossijskoj Federacii // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo univ'er-siteta jekonomiki i prava. 2014. № 2. S. 5-9.
17. Savchuk A. A. Postroenie i razvitie apparatno-programmnogo kompleksa «Bezopasnyj gorod» na territorii Moskovskoj oblasti / A. A. Savchuk, O. V. Namestnikova, N. G. Topol'skij, V. V. Simakov // Tehnologii tehnosfernoj bezopasnosti. 2018. № 5 (81). S. 28-37.

18. Stepushhenko O. A. Apparatno-programmnyj kompleks «Bezopasnyj gorod» kak faktor snizhenija riska vznikovenija ChS / O. A. Stepushhenko, E. V. Murav'eva, E. I. Halikova, D. Sh. Sibgatullina // Bezopasnost' zhiznedejatel'nosti. 2017. № 5 (197). S. 47-52.
19. Talanov S. L. Problemy vysshego obrazovaniya i prestupnost' v central'nom federal'nom okruge // Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly). 2015. № 1. S. 40-44.
20. Bongardt D., Deković R., Yu M., Meeus W.H. Romantic relationships and sexuality in adolescence and young adulthood: The role of parents, peers, and partners // European journal of developmental psychology. 2015. Vol. 12. P. 497-515.
21. Siverman J.G., Raj A., Mucci L.A. Dating violence against adolescent girls and associated substance use, unhealthy weight control, sexual risk behavior, pregnancy, and suicidality // JAMA. 2001. Vol. 286. P. 572-579.

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ
(РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА)**

Л. Г. Батракова

УДК 331.52
<https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

**Кадровый потенциал региона как основа устойчивого
инновационного развития**

Для цитирования: Батракова Л. Г. Кадровый потенциал региона как основа устойчивого инновационного развития // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 78-94. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-78-94

Современный этап развития региональной экономики связан с новым взглядом на кадровый потенциал как важнейший фактор экономического роста. В связи с этим рациональное использование трудовых ресурсов является актуальным направлением социально-экономического развития.

Инновационное развитие региона представляет собой экономический процесс, направленный на формирование в нем инновационной системы. Актуальным является решение вопроса о путях активизации региональной инновационной деятельности. Не маловажная роль в этом процессе отводится на кадровую составляющую.

Анализ научной литературы последних лет показал, что в экономике, социологии, статистике, управленческих науках существуют различные понятия, связанные с трудовой деятельностью человека. Среди всех особое место занимает «кадровый потенциал», единой трактовки которого до настоящего времени не создано. Отмечено, что в основе экономической категории «кадровый потенциал» заложено понятие эффективности. В статье рассмотрены теоретические основы анализа кадрового потенциала региона и проблемы его формирования, сформирована система показателей для его оценки. Исходные данные для расчетов взяты из информационной базы данных официальной статистики Росстата.

В современных условиях формирование, развитие и эффективное управление кадровым потенциалом должны выступать как важнейшие факторы инновационного развития региона, как основа повышения его конкурентоспособности. Всесторонний анализ регионального кадрового потенциала, а также исследование проблем его развития может повысить конкурентные преимущества региона.

Анализ и оценка состояния кадрового потенциала, выявление факторов, влияющих на его развитие, определение сильных и слабых сторон в условиях модернизации экономики необходимы для устойчивого роста региональной экономической системы. Положительной тенденцией можно считать увеличение числа исследователей наиболее продуктивного возраста. Важным является

исследование уровня занятости выпускников, а также соответствие их работы и полученной специальности.

Ключевые слова: регион, рабочая сила, кадры, кадровый потенциал, исследователи, молодые специалисты, трудоустройство, инновационное развитие.

ECONOMY AND ECONOMIC MANAGEMENT (REGIONAL ECONOMICS)

L. G. Batrakova

Human resources potential of the region as a basis for its sustainable innovative development

The current stage of development of the regional economy is associated with a new view of human resources as the most important factor of economic growth. In this regard, the rational use of labor resources is an urgent direction of socio-economic development.

Innovative development of a region is an economic process aimed at forming an innovation system in it. It is important to address the issue of ways to activate regional innovation activities. A significant role in this process is assigned to the personnel component.

Analysis of the scientific literature of recent years has shown that in economics, sociology, statistics, and management sciences there are various concepts related to human labor activity. Among all of them, a special place is occupied by “human potential”, which has not yet been unified in its interpretation. It is noted that the economic category “human potential” is based on the concept of efficiency. The article considers the theoretical foundations of the analysis of the region's human resources potential and the problems of its formation, and forms a system of indicators for its assessment. The initial data for calculations are taken from the information database of official statistics of Rosstat.

In modern conditions, the formation, development and effective management of human resources should act as the most important factors of innovative development of the region, as the basis for increasing its competitiveness. A comprehensive analysis of the regional human resources potential, as well as a study of its development problems, can increase the competitive advantages of the region.

Analysis and assessment of the state of human resources, identification of factors affecting its development, identification of strengths and weaknesses in the context of economic modernization are necessary for the sustainable growth of the regional economic system. An increase in the number of researchers of the most productive age can be considered a positive trend. It is important to study the level of employment of graduates, as well as the correspondence of their work and the received specialty.

Key words: region, labor force, personnel, human resources potential, researchers, young specialists, employment, innovative development.

Введение

Инновационная активность является основой устойчивого социально-экономического развития региона, которое зависит от ресурсного потенциала, формирующегося на данной территории и использующегося в процессе общественного производства. В состав экономических ресурсов региона включается и трудовой потенциал, который представляет собой совокупность рабочей силы и совокупную способность населения региона к труду. Поэтому одним из направлений социально-экономического развития региона является рациональное использование трудовых ресурсов.

1. Рейтинг России по глобальному инновационному индексу

В докладе «Глобальный инновационный индекс» (ГИИ, Global Innovation Index) (Нью-Дели, 24 июля 2019 г.) содержатся результаты сравнительного анализа и рейтинг по уровню инновационного развития 129 стран. Россия занимает 46-е место. Одной из причин недостаточно высокого положения является состояние трудовых ресурсов и имеющийся уровень трудового потенциала, который не в полной мере соответствуют инновационной экономике.

По данным Международного института развития менеджмента по развитию инновационного кадрового потенциала в 2010 г. Россия была на 51 месте из 58 возможных, что во многом было определено отставанием по непрерывному повышению квалификации кадров. За период 2013–2019 гг. Россия, повысив свой инновационный потенциал, заняла 46-е место. Главным конкурентным преимуществом страны была занятость женщин с высшим образованием. Однако нельзя не отметить, что происходит замедление темпов роста показателей инновационной деятельности [Глобальный инновационный ..., 2019].

По данным ГИИ в 2019 г. Россия улучшила позиции по следующим направлениям: человеческий капитал и наука (23 место); уровень развития бизнеса (35 место); развитие технологий и экономики знаний (47 место). Низкие значения имеют: институты (74 место) и инфраструктура (62 место).

Цели социально-экономического развития страны указывают на необходимость создания нового инновационного потенциала [ФЗ «О науке ...» от 23.08.1996; Постановление Правительства РФ от 15.04.2014; Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011].

С позиций кадровой составляющей проанализируем инновационный потенциал России (см. табл. 1).

Таблица 1.

Оценка кадровой составляющей инновационного потенциала России [Материалы сайта Федеральной ..., 2019]

Показатель	Годы					Сравнение 2019 с 2000, %
	2000	2014	2017	2018	2019	
Численность персонала, занятого инновационными работами, чел., в т.ч.:	887729	722291	707887	682580	682882	- 23,1
численность исследователей, чел.	425954	370379	359793	347854	348418	- 18,2
численность техников, чел.	75184	60441	59690	57722	58740	- 21,9
вспомогательный персонал, чел.	240506	171915	170347	160591	160931	- 33,1
прочий персонал, чел.	146085	119556	118057	116413	114793	- 21,4

По данным таблицы 1, можно сделать вывод о том, что по сравнению с 2000 г. происходит уменьшение численности исследователей, что указывает на снижение престижности научного труда. Однако отметим, что в 2019 г. доля иссле-

дователей в возрасте до 39 лет увеличилась до 44,2 % (для сравнения в 2000 г. – 26,2, а в 2014 г. – 41,3 %) (см. табл. 2). Средний возраст исследователей в период 2014–2018 гг. составил 46 лет [Емельянова, Канищева, 2019].

Таблица 2.

Динамика численности исследователей России по возрастным группам [Материалы сайта Федеральной ..., 2019]

	2014			2019		
	Исследователи	в том числе		Исследователи	в том числе	
		доктора наук	кандидаты наук		доктора наук	кандидаты наук
Всего, в том числе в возрасте (полных лет)	373 905	27 969	81 629	348 418	24 847	75 139
До 29 (вкл.)	75 715	13	4 660	58 561	12	2 127
30-39	78 756	718	19 839	95 576	515	20 574
40-49	49 373	2 558	13 608	55 957	2 475	16 550
50-59	72 992	6 537	16 259	52 030	4 315	12 003
60-69	63 866	9 041	16 238	54 961	8 400	13 765
70 и старше	33 203	9 102	11 025	31 333	9 130	10 120

Таким образом, в результате принятых мер в научно-технической сфере наметился положительный тренд на омоложение научных кадров. С 2017 года реализуется Президентская программа исследовательских проектов, предусматривающая поддержку молодых ученых до 33 лет. К 2024 году доля молодых исследователей, которые уже имеют степень, должна составлять более 25 % от общего числа. Однако считаем, что снижение доли исследователей в возрасте от 40 до 59 лет, обладающих большим опытом и знаниями, можно считать негативной тенденцией.

2. Понятие «кадрового потенциала» региона и проблемы его формирования

Понятие «кадровый потенциал» используется сравнительно недавно для отражения ресурсного аспекта социально-экономического развития. В этимологическом значении термин «потенциал» обозначает

силу, мощь, скрытые возможности. Смысловое содержание характеризует «потенциал» как источник возможностей, средств, запаса, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи или достижения определенной цели [Потенциал (средства) ... ; Александрова, 2016].

В настоящий момент общепринятого определения термина «кадровый потенциал» нет, а это, в свою очередь, ограничивает область его применения. Для того чтобы анализировать кадровый потенциал, сначала нужно рассмотреть его как экономическую категорию и сравнить его содержание с другими схожими понятиями. Это необходимо потому, что часто авторы, применяя схожие категории, рассматривают их как синонимы, связанные с трудовой деятельностью человека (см. табл. 3).

Таблица 3.

Понятия, характеризующие трудовую деятельность человека

Категория	Определение	Примечания
Рабочая сила (англ. Labor power, нем. Arbeitskraft)	В политэкономии «под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» [Маркс, 2001, с. 179]. В статистике под рабочей силой понимают количество людей, готовых работать по найму. Расчет данного показателя в разных странах производится по-разному. С 2016 г. в России в соответствии с обновленными международными стандартами в области статистики труда	Сформулировал Карл Маркс в работе «Капитал». Используется с начала XIX в.

Категория	Определение	Примечания
	термин «рабочая сила» используется вместо термина «экономически активное население»	
Трудовые ресурсы (в зарубежной литературе «людские ресурсы»)	Это трудоспособная часть населения, обладающая физическим развитием и интеллектуальными способностями, необходимыми для трудовой деятельности. В трудовые ресурсы входят как занятые, так и мобильный резерв (вступающие в трудоспособный возраст; военнослужащие, увольняющиеся из ВС; переселенцы и др.) [Батракова, 2013]	Сформулировал академик С. Г. Струмилин в 1922 г.
Человеческие ресурсы (фактор, капитал)	Это совокупность трудовых, интеллектуальных, предпринимательских способностей и нравственных качеств работников, полная реализация которых осуществляется в трудовом процессе [Батракова, 2011]	Используется с 80-х гг. XX в.
Трудовой потенциал	Это обобщенная характеристика меры и качества совокупной способности трудовых ресурсов к труду. Характеризует возможности участия населения в производстве и обмене благ	Используется с конца 70-х – начала 80-х гг. XX в. В 90-х гг. термин стал использоваться в правительственных документах. Единой трактовки понятия нет
Кадры (от франц. Cadres – личный состав)	Это совокупность всех работников, занятых на предприятии и входящих в его основной (штатный) состав, вне зависимости от их профессионально-квалификационных групп	Заимствовано из французского языка в 20-е г. XX в.
Кадровый потенциал	В экономике под кадровым потенциалом понимают совокупную способность занятого населения, включенного в систему трудовых отношений. Под кадровым потенциалом организации понимают численный состав постоянных работников, обладающих необходимой профессиональной подготовкой и квалификацией, а также личностными особенностями для участия в производственном процессе	Активно используется в настоящее время. Единой трактовки понятия нет

Труд – это качественная характеристика производственного процесса, от которого зависит спрос на продукцию. Рабочая сила является специфическим товаром, который необходим для производства това-

ров и услуг. По данным выборочных обследований проанализируем динамику численности рабочей силы по субъектам Российской Федерации (см. табл. 4).

Таблица 4.

Динамика численности рабочей силы в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации [Материалы сайта Федеральной ..., 2019]

	2017	2018	май – июль 2019
	тыс. человек		
Российская Федерация	76 285,4	76190,1	75281,7
Центральный федеральный округ в том числе:	21 332,8	21389,3	21309,1
г. Москва	7 195,0	7267,8	7 276,9
Ярославская область	671,3	665,1	657,3
Северо-Западный федеральный округ	7 574,2	7 517,2	7 475,2
Южный федеральный округ	8 198,0	8 221,1	8 138,0
Северо-Кавказский федеральный округ	4 577,1	4 664,9	4 622,0
Приволжский федеральный округ	15 217,4	15 069,7	14 739,8
Уральский федеральный округ	6 392,9	6 366,4	6 300,5
Сибирский федеральный округ	8 666,6	8 642,2	8 500,3
Дальневосточный федеральный округ	4 326,4	4 319,3	4 196,7

По данным таблицы 4 можно сделать вывод о снижении численности рабочей силы по всем субъектам Российской Федерации.

Количественной характеристикой рабочей силы является уровень

занятости и безработицы. По данным выборочного обследования проведем анализ распределения выпускников по их участию в составе рабочей силы (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение выпускников, окончивших образовательные организации в 2015-2017 гг., по участию в составе рабочей силы [Материалы сайта Федеральной ..., 2019]

	Уровень участия в рабочей силе, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
Всего имеют уровень образования:			
высшее	90,2	84,0	6,9
среднее профессиональное по программе подготовки:			
- специалистов среднего звена,	87,3	78,0	10,6
- квалифицированных рабочих (служащих), включая начальное профессиональное образование	87,2	76,6	12,1

По приведенным данным можно сделать вывод о высоком уровне занятости выпускников с высшим образованием, однако нельзя не отметить и проблемы, связанные с молодежной безработицей [Батракова, 2016].

Согласно прогнозам, в ближайшие годы в результате демографического спада экономическое развитие страны столкнется с дефицитом трудовых ресурсов. В июне 2017 года Центробанк впервые включил нехватку рабочей силы в перечень инфляционных рисков.

В августе 2018 года глава Минтруда М. Топилин связал нехватку трудовых ресурсов с низкой рождаемостью 1990 г. Фонд интернет-инициатив (ФРИИ) предсказал, что из-за демографических показателей в России к 2027 году доля наиболее активного населения в возрасте 20-29 лет снизится на 29 % и составит 7,8 млн чел. Это указывает на то, что найти нужное количество кадров с определенной квалификацией для инновационной экономики будет сложно. Для развития цифровой экономики в России доля ИТ-специалистов от занятого населения должна быть примерно такой же, как и в других странах. Например, доля ИТ-специалистов от занятого населения в США составляет 4,2 %, в России – только 2,44 % [Кадровые ресурсы в эпоху ... , 2019].

Проанализировав различные определения кадрового потенциала региона, можно сделать вывод о том, что с теоретической точки зре-

ния исследование этой категории недостаточно полное. Есть авторы, которые рассматривают кадровый потенциал как экономическую категорию, в то время как другие используют количественные показатели [Акперов, 2014; Тараканова, 2010]. В. Ф. Потуданская, Н. В. Боровских и Е. А. Кипервар считают, что «кадровый потенциал следует рассматривать как часть трудовых ресурсов, обладающих определенными знаниями, навыками, умениями, компетенциями, приобретенными и накопленными в результате общего и специального образования, а также профессионального опыта, повышения квалификации и осуществления переподготовки» [Потуданская, 2018, с. 736].

Понятие «кадровый потенциал» для отражения ресурсной характеристики рабочей силы включает в свое содержание «трудовой потенциал» и «трудовые ресурсы», а также понятие кадры. Отметим, что отождествлять понятия «трудовой потенциал» и «трудовые ресурсы» неправомерно, так как в состав трудовых ресурсов входит и недоиспользованное трудоспособное население. Кадровый потенциал меньше трудового потенциала на величину потенциальных возможностей работников.

Разницу между понятиями «кадры» и «кадровый потенциал» исследовали многие ученые. Для примера В. С. Кабаков, В. Ф. Богачев и А. П. Осипов указывали на то, что если «кадры» – это совокупность сотрудников разных профессий и

специальностей, а также уровня подготовки и образования, то «кадровый потенциал» включает в себя не только собственно кадры, но и определенный круг их возможностей в осуществлении целенаправленной деятельности [Кабаков, 1982; Кибанов, 2015].

В управленческой литературе В. Я. Афанасьев и И. К. Корнев рассматривают кадровый потенциал «как совокупность способностей всех людей сотрудников компании, которые в ней заняты и решают определенные задачи. Кадровый потенциал заложен в тех функциях, которые он исполняет как профессионал и в силу своих способностей, знаний опыта» [Афанасьев, 1998, с. 48].

Можно согласиться с определениями кадрового потенциала вышеуказанных авторов, но добавим, что кадровый потенциал представляет собой обобщенную характеристику совокупных способностей, возможностей и трудовых навыков постоянных сотрудников организации, которые способствуют улучшению конкурентоспособности предприятия. Поэтому можно утверждать, что в основе экономической категории «кадровый потенциал» заложено понятие эффективности.

Определим кадровый потенциал для инновационной экономики региона как совокупность количественных и качественных характеристик трудоспособного населения, а также их профессиональную готовность осуществлять инновационную дея-

тельность на территории определенного субъекта. В каждом регионе имеются незанятые трудовые ресурсы (безработные и экономически неактивные), которые необходимо вовлечь и подготовить в соответствии с современными требованиями. Эта категория населения нуждается в адаптации к трудовому процессу. Многие ученые считают, что эффективное формирование кадрового потенциала региона является одним из условий, влияющих на модернизацию экономики.

Кадровый потенциал каждого региона разный, поэтому и влияние его на результативность инновационной деятельности различно. Выделим проблемы региональной экономики, связанные с формированием кадрового потенциала:

- сложность составления прогноза развития региона на долгосрочную и среднесрочную перспективу в результате изменений в экономике и социальной сфере, связанных с развитием новых технологий;
- низкая инновационная активность работников в результате старения кадров;
- модернизация ряда профессий, а также возникновение новых профессий. Наиболее высокой вероятностью сокращения обладают профессии, связанные с низкоквалифицированным трудом: бухгалтера, банковские клерки, аналитики и др. В цифровой экономике работники должны менять профессии и повышать квалификацию;

– доучивание кадров на производстве. Происходящие преобразования в инновационном развитии экономики требуют обновления профессиональных навыков, переподготовки и повышения квалификации кадров. Внедрение цифровых технологий вызывает необходимость массового обучения кадров ИКТ-навыкам.

3. Подходы к оценке кадрового потенциала региона

На сегодняшний день нет единых подходов к оценке и анализу кадрового потенциала региона. Данная проблема практически не рассматривается в современной научной литературе.

Кадровый потенциал региона необходимо начинать анализировать с выявления факторов, оказывающих влияние на его формирование, т.к. именно они являются важнейшими элементами в системе управления. Существуют различные классификации факторов. Например, Л. Н. Юдина приводит двухуровневую группировку факторов кадрового потенциала с выделение следующих групп: научно-технические, социально-экономические, культурные и для каждой группы указывает уровни воздействия: государство, регион,

отрасль, предприятие [Юдина, 2006]. Она выделила две группы факторов: экстенсивные, характеризующие трудовую активность населения, и интенсивные, которые в свою очередь были классифицированы на социально-экономические, технико-экономические и организационные.

Г. А. Резник, А. И. Маскаева и М. И. Маскаев выделили уровни управления: государство, регион, организация, а также факторы внешней среды, к которым отнесли: глобализацию, миграцию кадров, а также экономические, политические и демографические факторы [Заславская, 2005]. В. Ф. Потуданская, Н. В. Боровских, Е. А. Кипервар, определяя факторы и проблемы, связанные с формированием кадрового потенциала региона, указали, что анализ кадрового потенциала следует проводить с учетом научно-технического, инновационного и производственного потенциала региона [Потуданская, 2018].

На наш взгляд, оценивая кадровый потенциал необходимо использовать систему количественных и качественных показателей, схематично представленную на рисунке 1.

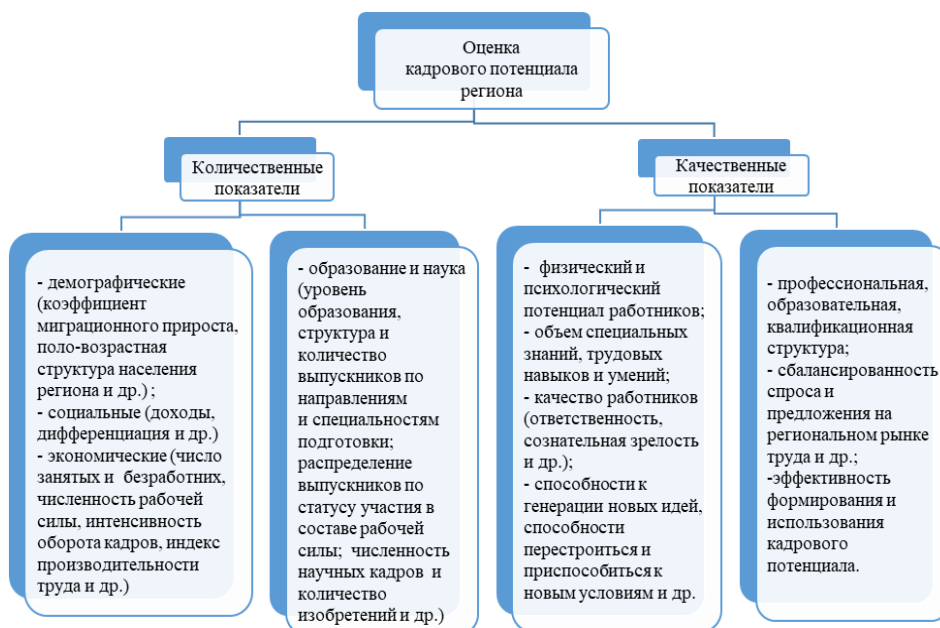

Рис. 1. Система показателей оценки кадрового потенциала региона

В настоящее время учет персонала, занятого инновационной деятельностью, не ведется, поэтому для оценки кадрового потенциала инноваций используют статистические показатели по науке.

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года установлены приоритеты социально-экономического развития России и регионов страны [Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008]. В кадровом обеспечении, в том числе молодыми специалистами, поставлены задачи согласованности рынков труда и образования. В документе говорится о сбалансированном территориальном развитии Российской Феде-

рации, включающем достижение условий, которые позволяют каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для повышения конкурентоспособности. Указывается, что одним из направлений развития региона должно быть обеспечение нужным количеством квалифицированных работников.

Одним из важных показателей формирования кадров для инновационного развития региона является уровень образования и финансовая грамотность населения. В связи с этим развитие системы непрерывного профессионального образования в регионе становится актуальной задачей [Андреев, 2013]. Кроме того, важным является и прогнозирование потребности в кадрах, качественной

подготовки кадров, профориентации и трудоустройства выпускников. При этом комплексная оценка социально-экономического развития региона позволяет выявить проблемы, связанные с диспропорцией в системе подготовки и обеспечения кадрами и реальными потребностями рынка труда.

Вопросам кадрового обеспечения экономики молодыми специалистами Курганской, Сахалинской, Мурманской и др. областей посвящена работа Г. В. Карповой. Ею сделаны выводы о том, что в анализируемых регионах:

- не сбалансирован спрос и предложение рабочей силы;
- рынки труда и образовательных услуг слабо связаны между собой;
- отсутствует четкая система профессиональной ориентации молодежи;
- имеется избыточное количество специалистов невостребованных профессий;

– существует несоответствие между профессиональной подготовкой выпускников и требованиями работодателей [Карпова, 2015].

По нашему мнению, аналогичные выводы можно сделать и по другим регионам. Главной целью кадрового обеспечения экономики региона мы видим в удовлетворении потребности рынка труда в оптимально сбалансированных по количеству и качеству кадрах, способных обеспечить дальнейшее развитие региона. Этого можно достичь при взаимодействии рынков труда и образовательных услуг в области подготовки молодых специалистов.

По данным выборочного обследования рабочей силы в 2018 году проанализируем уровень занятости выпускников (см. табл. 6) и соответствие работы и полученной специальности (см. табл. 7).

Таблица 6.

Доля трудоустроенных выпускников 2015–2017 гг. в общей численности выпускников образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования (уровень занятости), % [Материалы сайта Федеральной ... , 2019]

	Выпускники 2015 г.	Выпускники 2016 г.	Выпускники 2017 г.
Всего имеют уровень образования:			
высшее	88,4	84,7	76,4
среднее профессиональное по программе подготовки:			
- специалистов среднего звена, - квалифицированных рабочих (служащих), включая начальное профессиональное образование	83,5 81,7	77,5 75,2	71,6 70,4

Таблица 7.

Соответствие работы трудоустроенных выпускников 2015-2017 гг. выпуска специальности, полученной в образовательной организации высшего образования [Материалы сайта Федеральной ... , 2019]

	Численность трудоустроенных выпускников 2015-2017 гг. – всего, тыс. человек	В том числе по соответствию специальности, %	
		соответствует	не соответствует
Всего, в том числе	2 447,0	71	29
Компьютерные и информационные науки	8,3	74	27
Информатика и вычислительная техника	120,0	82	18
Физико-технические науки и технологии	2,9	60	40
Клиническая медицина	101,5	97	3
Психологические науки	38,8	64	36
Экономика и управление	703,5	66	34
Юриспруденция	289,1	72	28
Политические науки и регионоведение	7,1	39	61
Образование и педагогические науки	232,9	81	19
Языкознание и литературоведение	38,8	71	29
Физическая культура и спорт	27,5	75	25

Цифры наглядно демонстрируют соответствие получаемой специальности по таким направлениям подготовки как клиническая медицина, информатика и вычислительная техника, образование и педагогические науки и др., в то же время есть большое несоответствие по политическим наукам и регионоведению, физико-техническим наукам и технологиям и др. (с полным перечнем специальностей можно ознакомиться на сайте Росстата).

Очевидно, что в конкуренции за квалифицированную рабочую силу преимущество будут иметь секторы экономики и территории, в которых более высокий уровень заработной платы и достойные условия труда. В ближайшие годы ожидается усиление дефицита рабочей силы средней квалификации, особенно в машиностроении, строительстве, сельском хозяйстве и ЖКХ.

Обозначим возможные направления для эффективного развития кадрового потенциала региона:

– развитие системы высшего профессионального и послевузовского образования (Life-long learning);

– включение в учебные программы таких дисциплин, которые связаны с инновационной деятельностью;

– учет требования работодателей в подготовке выпускников;

– осуществление баланса спроса и предложения рабочей силы с учетом подготовки молодых специалистов;

– организация тренингов кадров по управлению экономикой региона, по развитию креативности кадров и др.

Выводы

В заключении отметим, что в сложившейся ситуации необходимо создать действенную систему государственного регулирования подготовки кадров с государственным заказом на подготовку специалистов в соответствии с требованиями регионального рынка.

Библиографический список

1. Акперов И. Г. Целевое управление формированием кадрового ландшафта территории и развитием ее кадрового потенциала / И. Г. Акперов, Н. В. Брюханова // Современные проблемы науки и образования. Пенза : ИД «Академия Естествознания», 2014. 380 с.
2. Александрова М. В. Терминологический анализ понятия «кадровый потенциал» и его адаптация к современным условиям функционирования промышленных предприятий // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 461-465.
3. Андреев В. Н. Система непрерывного образования как ключевая составляющая обеспечения инновационного развития региона // Псковский регионологический журнал. 2013. № 15. С. 167–172.
4. Афанасьев В. Я. Введение в государственное управление / В. Я. Афанасьев, И. К. Корнев. Москва : Финстатинформ, 1998. 173 с.
5. Батракова Л. Г. Эволюция научных взглядов на понятие «человеческие ресурсы» и его современная специфика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 6. № 2. С. 46-68.
6. Батракова Л. Г. Демографические условия формирования трудовых ресурсов // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 1. С. 68-71.
7. Батракова Л. Г. Молодежная безработица как одна из проблем современной мировой экономики / Л. Г. Батракова, Е. А. Медведева // Экономический потенциал студенчества в региональной экономике : материалы X межвузовской научно-практической конференции, 2016. С. 3-12.
8. Глобальный инновационный индекс – 2019 // Наука, технологии, инновации. Дата выпуска 24.07.2019. Режим доступа: https://issek.hse.ru/data/2019/07/24/1481491446/NTI_N_137_24072019.pdf. (Дата обращения: 12.09.2020).
9. Емельянова О. В. Современное состояние инновационной деятельности российских предприятий / О. В. Емельянова, Е. М. Канищева // Вестник алтайской академии экономики и права. 2019. №11. С. 72-77.

10. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. №3. С. 5-16.
11. Кабаков В. С. Кадры хозяйственных руководителей. Подбор. Расстановка. Обучение / В. С. Кабаков, В. Ф. Богачев, А. П. Осипов. Ленинград : Лениздат, 1982. 181 с.
12. Кадры в эпоху цифровой экономики / РИА Новости. 30.12.2019. Режим доступа: <https://ria.ru/20191230/1562653998.html>. (Дата обращения: 28.10.2020).
13. Карпова Г. В. Анализ реализации региональных программ в области кадрового обеспечения экономики молодыми специалистами / Г. В. Карпова, Ю. Н. Никулина // *Российское предпринимательство*. 2015. Т. 16. № 16. С. 2663-2679.
14. Кибанов А. Я. Экономика управления персоналом : учебник / А. Я. Кибанов, Е. А. Митрофанова, И. А. Эсаулова. Москва : Инфра-М, 2015. 474 с.
15. Маркс К. Капитал. Москва : АСТ, 2001. I том, гл. 4, 5. 900 с.
16. Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Режим доступа: www.gosstat.gov.ru. (Дата обращения: 28.10.2020).
17. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 N 301 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие науки и технологий” на 2013 – 2020 годы» (ред. от 29.03.2018). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162175. (Дата обращения: 28.10.2020).
18. Потенциал (средства) // Большая советская энциклопедия. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/123052/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB>. (Дата обращения: 22.07.2020).
19. Потуданская В. Ф. Кадровый потенциал региона: сущность, факторы, проблемы формирования / В. Ф. Потуданская, Н. В. Боровских, Е. А. Кипервар // *Экономика труда*, 2018. Т. 5. № 3. С. 735-744.
20. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 18.10.2018). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444. (Дата обращения: 22.07.2020).
21. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 28.09.2018). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/. (Дата обращения: 22.07.2020).
22. Тараканова Н. Л. Формирование кадрового потенциала и управление им на региональном уровне // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2010. № 2 (10). С. 52–57.
23. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 25.05.2020). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507. (Дата обращения: 22.07.2020).

24. Юдина Л. Н. Формирование и разработка системы оценки трудового потенциала // Сибирская финансовая школа. 2006. № 4. С. 59-62.

Bibliograficheskij spisok

1. Akperov I. G. Celevoe upravlenie formirovaniem kadrovogo landshafta territorii i razvitiem ee kadrovogo potenciala / I. G. Akperov, N. V. Brjuhanova // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. Penza : ID «Akademija Estestvoznaniya», 2014. 380 s.
2. Aleksandrova M. V. Terminologicheskij analiz ponjatija «kadrovij potencial» i ego adaptacija k sovremennym uslovijam funkcionirovanija promyshlennyh predpriyatij // *Molodoj uchenyj*. 2016. № 9 (113). S. 461-465.
3. Andreev V. N. Sistema nepreryvnogo obrazovanija kak ključevaja sostavljajushhaja obespečenija innovacionnogo razvitija regiona // *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*. 2013. № 15. S. 167–172.
4. Afanas'ev V. Ja. Vvedenie v gosudarstvennoe upravlenie / V. Ja. Afanas'ev, I. K. Kornev. Moskva : Finstatinform, 1998. 173 s.
5. Batrakova L. G. Jevoljucija nauchnyh vzgljadov na ponjatie «chelovecheskie resursy» i ego sovremennaja specifika // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2011. T. 6. № 2. S. 46-68.
6. Batrakova L. G. Demograficheskie uslovija formirovanija trudovyh resursov // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2013. T. 1. № 1. S. 68-71.
7. Batrakova L.G. Molodezhnaja bezrabotica kak odna iz problem sovremennoj mirovoj jekonomiki / L. G. Batrakova, E. A. Medvedeva // *Jekonomicheskij potencial studenčestva v regional'noj jekonomike : materialy X mezhvuzovskoj nauchno-praktičeskoj konferencii*, 2016. S. 3-12.
8. Global'nyj innovacionnyj indeks – 2019 // *Nauka, tehnologii, innovacii*. Data vypuska 24.07.2019. Rezhim dostupa: https://issek.hse.ru/data/2019/07/24/1481491446/NTI_N_137_24072019.pdf. (Data obrashhenija 12.09.2020).
9. Emel'janova O. V. Sovremennoe sostojanie innovacionnoj dejatel'nosti rossijskijh predpriyatij / O. V. Emel'janova, E. M. Kanishheva // *Vestnik altajskoj akademii jekonomiki i prava*. 2019. №11. S. 72-77.
10. Zaslavskaja T. I. Chelovecheskij potencial v sovremennom transformacionnom processe // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 2005. №3. S. 5-16.
11. Kabakov V. S. Kadry hozjajstvennyh rukovoditelej. Podbor. Rasstanovka. Obuchenie / V. S. Kabakov, V. F. Bogachev, A. P. Osipov. Leningrad : Lenizdat, 1982. 181 s.
12. Kadry v jepohu cifrovoj jekonomiki / RIA Novosti. 30.12.2019. Rezhim dostupa: <https://ria.ru/20191230/1562653998.html>. (Data obrashhenija: 28.10.2020).
13. Karpova G. V. Analiz realizacii regional'nyh programm v oblasti kadrovogo obespečenija jekonomiki molodymi specialistami / G. V. Karpova, Ju. N. Nikulina // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. 2015. T. 16. № 16. S. 2663-2679.
14. Kibanov A. Ja. Jekonomika upravlenija personalom : uchebnik / A. Ja. Kibanov, E. A. Mitrofanova, I. A. Jesaulova. Moskva : Infra-M, 2015. 474 s.
15. Marks K. Kapital. Moskva : AST, 2001. I tom, gl. 4, 5. 900 s.

16. Materialy sajta Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki (Rosstat). Rezhim dostupa: www.rosstat.gov.ru. (Data obrashhenija: 28.10.2020).

17. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 N 301 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii “Razvitie nauki i tehnologij” na 2013 – 2020 gody» (red. ot 29.03.2018). Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162175. (Data obrashhenija: 28.10.2020).

18. Potencial (sredstva) // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija. Rezhim dostupa: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/123052/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB>. (Data obrashhenija: 22.07.2020).

19. Potudanskaja V. F. Kadrovij potencial regiona: sushhnost', faktory, problemy formirovanija / V. F. Potudanskaja, N. V. Borovskih, E. A. Kipervar // Jekonomika truda, 2018. T. 5. № 3. S. 735-744.

20. Rasporyzhenie Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 N 2227-r «Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» (red. ot 18.10.2018). Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444. (Data obrashhenija: 22.07.2020).

21. Rasporyzhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 N 1662-r «O Konceptcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda» (red. ot 28.09.2018). Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/. (Data obrashhenija: 22.07.2020).

22. Tarakanova N. L. Formirovanie kadrovogo potenciala i upravlenie im na regional'nom urovne // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika. 2010. № 2 (10). S. 52–57.

23. Federal'nyj zakon «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoj politike» ot 23.08.1996 N 127-FZ (red. ot 25.05.2020). Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507. (Data obrashhenija: 22.07.2020).

24. Judina L. N. Formirovanie i razrabotka sistemy ocenki trudovogo potenciala // Sibirskaja finansovaja shkola. 2006. № 4. S. 59-62.

Ю.В. Коречков

УДК 334.7

<https://orcid.org/0000-0002-4462-3539>

**Предпринимательская деятельность в региональной экономике:
на основе государственно-частного партнерства**

Для цитирования: Коречков Ю. В. Предпринимательская деятельность в региональной экономике. на основе государственно-частного партнерства // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 95-105. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-95-105

В статье исследованы теоретические аспекты развития предпринимательской деятельности на основе государственно-частного партнерства (далее ГЧП) в региональной экономике. Показан организационно-экономический механизм развития государственно-частного партнерства в региональной экономике. К его основным элементам отнесены: обоснование условий использования финансовых ресурсов на инфраструктурный проект ГЧП; создание организационных основ реализации модели ГЧП; реализация совокупности управленческих функций (планирование, организация, мотивация и контроль) в условиях всего инвестиционного цикла; достижение целеполагания и обеспечение эффективности от инфраструктурного проекта ГЧП при взаимодействии государства и бизнеса.

Обосновано, что процесс реализации государственно-частного партнерства включает в себя элементы институционального обеспечения данной системы: нормативно-правовое обеспечение института ГЧП; формирование системы государственного регулирования отношений в сфере государственно-частного партнерства; формирование организационно-экономического механизма управления развитием государственно-частного партнерства в региональной экономике. Выявлено, что институциональный регулирующий механизм в региональной экономике предполагает создание регулятивных основ функционирования системы взаимодействия органов государственной власти и бизнес-структур, формирование открытой конкурентной среды государственно-частного партнерства, выявление степени открытости и прозрачности системы отношений государственно-частного партнерства.

Показано, что использование механизма государственно-частного партнерства позволит обеспечить необходимые темпы роста в региональной экономике. Реализация инфраструктурных проектов является одной из форм избежания «институциональных ловушек» в условиях возникновения кризисных ситуаций в последние годы.

В статье сделан вывод о том, что необходимым условием эффективной реализации регионального проекта ГЧП является поиск необходимых финансовых ресурсов и способов их наиболее эффективного использования в целях социально-экономического развития региона.

Ключевые слова: региональная экономика, предпринимательство, государственно-частное партнерство, концессия, институциональное обеспечение, управление, инфраструктурные проекты.

© Коречков Ю. В., 2020

Y. V. Korechkov

Entrepreneurial activity in the regional economy: based on public-private partnership

The article examines the theoretical aspects of the development of entrepreneurial activity based on public-private partnership (PPP) in the regional economy. The organizational and economic mechanism of public-private partnership development in the regional economy is shown. Its main elements include: justification of the conditions for using financial resources for a PPP infrastructure project; creation of organizational bases for implementing the public-private partnership model; implementation of a set of management functions (planning, organization, motivation and control) in the conditions of the entire investment cycle; achieving goal setting and ensuring the effectiveness of the PPP infrastructure project in the interaction of the state and business.

It is proved that the process of implementing public-private partnership includes elements of institutional support for this system: regulatory support for the PPP Institute; formation of a system of state regulation of relations in the field of public-private partnership; formation of an organizational and economic mechanism for managing the development of public-private partnership in the regional economy. It is revealed that the institutional regulatory framework in the regional economy involves the creation of a regulatory framework for the functioning of the system of interaction of public authorities and business structures, forming an open competitive environment for public-private partnership, identification of the openness and transparency of the system of relations of public-private partnerships.

It is shown that the use of the public-private partnership mechanism will ensure the necessary growth rates in the regional economy. Implementation of infrastructure projects is one of the forms of avoiding “institutional traps” in the context of crisis situations in recent years.

It is concluded that a necessary condition for the effective implementation of a regional public-private partnership PPP project is to find the necessary financial resources and ways to use them most effectively for the socio-economic development of the region.

Key words: regional economy, entrepreneurship, public-private partnership, concession, institutional support, management, infrastructure projects.

Введение

Развитие региональной экономики предполагает использование многих форм предпринимательской деятельности. К одной из таких форм относится объединение государственных и частных финансовых ресурсов в государственно-частном партнерстве [Арсенова, 2014; Баринов, 2010]. При этом создается орга-

низационно-экономический механизм развития государственно-частного партнерства в региональной экономике. Основными элементами такого механизма являются:

- обоснование условий использования финансовых ресурсов на инфраструктурный проект ГЧП;
- создание организационных основ реализации модели государственно-частного партнерства;

– реализация совокупности управленческих функций (планирование, организация, мотивация и контроль) в условиях всего инвестиционного цикла;

– достижение целеполагания и обеспечение эффективности от инфраструктурного проекта ГЧП при взаимодействии государства и бизнеса.

Достижение эффекта от реализации инфраструктурных проектов должно быть обеспечено при прохождении всех этапов жизненного цикла: комплексный анализ, проектирование, непосредственное осуществление, сопровождение и завершение [Белокрылова, 2006; Дерябина, 2008]. Создание эффективного организационно-экономического механизма управления развитием государственно-частного партнерства в региональной экономике преследует в качестве конечной цели реализацию социально-экономической политики в целях обеспечения экономического роста, создания новых рабочих мест и повышения качества жизни населения [Бондаренко, 2008]. Данный механизм способствует усилению конкурентоспособности за счет повышения эффективности функционирования объектов инфраструктуры на основе достижения синергетического эффекта.

По мнению И. Ю. Мерзлова, сложность и уникальность организационно-экономического механизма управления развитием ГЧП заключается в появлении разных уровней управления [Мерзлов, 2013]. При этом объединение усилий власти и представителя частного бизнеса в целях реализации конкретного проек-

та ГЧП (в подавляющем большинстве случаев организуется SPV (компания специального назначения, или «проектная компания»)), с одной стороны, является объектом управления для институтов ГЧП. Эти институты выполняют, в первую очередь, функцию стратегического управления ГЧП во всех инфраструктурных отраслях во взаимосвязи с утвержденной стратегией социально-экономического развития, включая выбор приоритетов развития, разработку конкурсной документации, проведение конкурсов и т. д. С другой стороны, такое объединение само выступает в качестве субъекта управления, реализуя при этом функции тактического и оперативного управления конкретным региональным проектом ГЧП [Булатов, 2004].

Формирование управленческой команды в структуре исполнительной власти региона позволяет повысить качество и уровень проработанности механизма государственно-частного партнерства (методологические, правовые, организационные аспекты). В этом случае проект ГЧП становится элементом системы реализации социально-экономической стратегии в регионе.

1. Институциональное обеспечение государственно-частного партнерства в региональной экономике

Процесс реализации государственно-частного партнерства включает в себя элементы *институционального обеспечения* данной системы:

– нормативно-правовое обеспечение института ГЧП, формирование норм и правил организации взаимоотношений органов государственной власти в регионе и частных компаний;

– формирование системы государственного регулирования отношений в сфере ГЧП;

– создание институтов рынка для реализации отношений в сфере ГЧП;

– формирование организационно-экономического механизма управления развитием государственно-частного партнерства в региональной экономике;

– привлечение информационных данных рейтинговых и оценочных агентств, использующих международные стандарты качества ИСО серии 9 000, 14 000 и отчетности, для осуществления оценки партнеров.

Организационно-экономический механизм управления развитием государственно-частного партнерства в региональной экономике включает следующие этапы:

I. Формирование заказа органом исполнительной власти региона.

II. Осуществление прединвестиционных исследований.

III. Техничко-экономическое обоснование инвестиций.

IV. Оценка финансово-экономической эффективности.

V. Поиск и привлечение потенциальных партнеров для реализации региональных инвестиционных проектов.

VI. Проведение конкурсных процедур.

VII. Реализация инвестиционного проекта ГЧП (строительство и

эксплуатация объекта инфраструктуры).

VIII. Завершение срока действия соглашения о государственно-частном партнерстве.

Институциональный регулирующий механизм в региональной экономике предполагает:

– создание регулятивных основ функционирования системы взаимодействия органов государственной власти и бизнес-структур;

– формирование открытой конкурентной среды государственно-частного партнерства;

– выявление степени открытости и прозрачности системы отношений государственно-частного партнерства;

– создание базы контрактных отношений на базе стратегии TQM.

Реализация государственно-частного партнерства предполагает использование специфических организационно-управленческих моделей. На их выбор влияет множество разнообразных факторов внешней и внутренней среды [Белицкая, 2009; Ершов, 2003].

Институциональное обеспечение государственно-частного партнерства предполагает две основные модели взаимодействия государства и бизнеса:

– плюралистическую (свободную);

– корпоративистскую (неокорпоративизм).

Эти модели различаются между собой по степени воздействия на реализацию инфраструктурных

проектов. Например, по мнению Е. С. Чаркиной, механизм концессионных соглашений позволяет государству сохранить за собой собственность на объект и эффективный контроль за его эксплуатацией при значительных объемах и доле частных инвестиций, обеспечивая в то же время и активное участие бизнес-структур в качестве партнеров, соинвесторов крупных проектов по строительству автомобильных и железнодорожных магистралей, портов, аэропортов, энергетических и коммунальных систем [Чаркина, 2015].

В условиях плюралистической модели возникают произвольные взаимоотношения бизнеса с государством, которое выступает в роли арбитра в системе хозяйственных отношений. Отсутствие вертикальных регулирующих связей компенсируется системой конкурентных отношений между бизнес-структурами, что напоминает совокупность стохастических экономических отношений, в которых результат зависит от распределения вероятностей, то есть от победы в контрактной системе при выделении бюджетных средств на инфраструктурные проекты [Коречков, 2017; Игнатюк, 2009]. Данная модель характеризуется отсутствием четкой иерархической системы во взаимоотношении крупных и малых предприятий с государством.

Корпоративистская модель взаимодействия органов государственной власти и бизнеса основана на

функционировании небольшого количества экономических структур, имеющих преобладающее право при формулировке своих бизнес-интересов [Инвестиционное обеспечение ... , 2019]. Структура такой модели является иерархически организованной. В большинстве случаев органы государственной власти стимулируют формирование объединенных бизнес-структур для реализации важных в социальном отношении проектов. Основу данной модели составляют контрактные отношения как важный элемент институционализма. Партнерство осуществляется между бизнес-сообществом в лице конкретных корпоративных организаций и публичной властью [Кабашкин, 2008]. В этой модели государство занимается регулированием взаимоотношений с субъектами экономической деятельности, контролем за четким соблюдением установленных действий и правил. В современном неоинституционализме также используется понятие «неокопоративизм» для обозначения модели возможного взаимодействия государства и бизнеса.

В связи с постоянным развитием механизма государственно-частного партнерства можно выделить модель *BOLB (Buy, Own, Lease, Back)*. При данной форме ГЧП частный партнер строит, например, автобусный парк, затем производит продажу объекта органам государственного управления при условии обратного получения в аренду. В результате происхо-

дит окупаемость затрат частного партнера путем выплат, получаемых от государства в рамках срока действия контракта или за счет непосредственного оказания услуг населению [Габдуллина, 2012].

Право выбора модели государственно-частного партнерства остается за органами государственного управления, которые учитывают следующие основные параметры:

- социально-экономическая обусловленность инфраструктурного проекта ГЧП;

- функциональные обязанности, которые государство готово передать на реализацию частному партнеру в рамках инфраструктурного проекта (передача функций по проектированию, строительству, управлению, эксплуатации и др.);

- условия реализации проекта;

- организация контроля в ходе реализации проекта за качеством и своевременностью выполнения работ;

- распределение рисков между государственным и частным сектором;

- способы покрытия затрат бизнес-партнеров по ГЧП.

Выбор модели государственно-частного партнерства зависит от характеристики проекта и цели органов государственной власти и даже при наличии полной информации принятие решения представляет собой сложный процесс.

Следует отметить, что государственно-частное партнерство подразумевает под собой набор моде-

лей построения отношений между государственным и частным партнером с целью совместной реализации проектов по созданию конкретной инфраструктуры [Казанцев, 2013; Катасонов, 2005].

2. Реализация государственно-частного партнерства в региональной экономике

Использование механизма государственно-частного партнерства позволит обеспечить необходимые темпы роста в региональной экономике. Реализация инфраструктурных проектов является одной из форм избежания «институциональных ловушек» в условиях возникновения кризисных ситуаций в последние годы.

В соответствии с законодательством Ярославской области государственно-частное партнерство Ярославской области – это взаимовыгодное сотрудничество государственного и частного партнеров по проектированию, созданию, реконструкции и (или) эксплуатации объектов общественной инфраструктуры и предоставлению услуг с их использованием в рамках соглашения о государственно-частном партнерстве по реализации комплексного инвестиционного проекта развития и освоения территорий. В регионе ведется реестр проектов государственно-частного партнерства Ярославской области (в ред. распоряжений Губернатора области от 22.10.2012 № 562-р, от

07.03.2013 № 119-р, от 03.07.2014 № 303-р, от 07.07.2014 № 311-р).

Например, в 2014 г. начал реализовываться межмуниципальный проект в сфере водоснабжения и водоотведения Ярославской области. Данный проект относится к отрасли жилищно-коммунального хозяйства. Цель проекта – обеспечение населения Ярославской области питьевой водой, соответствующей установленным санитарно-гигиеническим требованиям, в количестве, достаточном для удовлетворения жизненных потребностей, а также снижение загрязнения природных водных объектов. Инвестиционная емкость – всего 7,43 млрд руб. в том числе: по объектам водоснабжения – 2 млрд руб., по объектам водоотведения – 5,43 млрд руб. (внебюджетные источники).

Определены задачи проекта в сфере водоснабжения (осуществление строительства, реконструкции, повышение технического уровня и надежности функционирования централизованных систем водоснабжения с применением прогрессивных технологий и оборудования, обеспечивающих подготовку воды, соответствующей установленным требованиям; снижение непроизводительных потерь воды при ее транспортировке и использовании) и в сфере водоотведения (осуществление строительства, реконструкции систем и сооружений по сбору, очистке и отведению сточных вод с применением прогрессивных методов, технологий, материалов и оборудования, обеспечивающих качество сточных вод, соот-

ветствующее установленным требованиям, при сбросе их в водные объекты; сокращение сбросов загрязняющих веществ в водные объекты).

В последние годы широко обсуждалась возможность развития агломераций. В частности, был разработан комплексный инвестиционный проект развития Ярославской агломерации на условиях государственно-частного партнерства, охватывавший следующие муниципальные образования Ярославской области: (городской округ город Рыбинск, городской округ город Ярославль, городское поселение Гаврилов-Ям, городское поселение Ростов, городское поселение Тутаев, Гаврилов-Ямский, Ростовский, Рыбинский, Тутаевский, Ярославский муниципальные районы). Инвестиционная емкость данного комплексного инвестиционного проекта – 300 млрд рублей. Проект предполагает создание единого экономического пространства и социальной среды для реализации планов опережающего развития Ярославской области. В связи с исторически сложившейся монопрофильностью ряда городов Ярославской области предусматривается объединение территорий муниципальных образований области не только в пространственном смысле, но и в части развития производственных, культурных, рекреационных связей. Реализация комплексного инвестиционного проекта включает в себя подпроекты: создание системы скоростного общественного транспорта; создание

системы индустриальных парков; реконструкция и строительство международного (межрегионального) аэропорта «Туношна»; строительство делового центра «Ярославль-Сити»; строительство третьего моста через р. Волгу; строительство и реконструкция дорожной и коммунальной инфраструктуры, обеспечивающей опережающее развитие региона.

Еще одним проектом государственно-частного партнерства в Ярославской области является строительство и эксплуатация общеобразовательной школы с дошкольными группами в селе Вошажниково Борисоглебского района Ярославской области. Проектом предусматривается строительство, оснащение оборудованием и эксплуатация общеобразовательной школы на 200 мест с дошкольными группами на 45 мест, содержащей актовый и спортивный залы, столовую, спортивную площадку, библиотеку, современную инженерную инфраструктуру и отдельный вход для дошкольных групп.

Для реализации инфраструктурных проектов государственно-частного партнерства в Ярославской области создан «Центр компетенций государственно-частного партнерства» (решение Координационного совета по ГЧП 25.12.2018 г.). Создан перечень объектов, в отношении которых планируется заключение концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнерстве от имени Ярославской области [Государственно-частное парт-

нерство ..., 2020]. Одним из таких проектов является создание промышленного парка «Гаврилов-Ям», общая площадь производственных корпусов в котором составит 15 593,74 кв. м. Планируемый срок действия соглашения 20 лет, предварительная стоимость строительства/реконструкции объекта – 300 млн рублей.

Деятельность региональных органов в сфере государственно-частного партнерства позволяет принять решение о привлечении финансовых ресурсов в региональный проект ГЧП, которое должно включать в себя два элемента:

- определение источников финансирования;
- выбор конкретных инструментов привлечения финансовых ресурсов.

Во многом успешность реализации регионального проекта государственно-частного партнерства определяется возможностями контрагента органов государственной власти в регионе (бизнес-партнеров) использовать финансовые ресурсы с учетом специфики доступных механизмов их привлечения и соответствующего построения денежных потоков в рамках проекта [Коречков, 2016; Обеспечение экономического ..., 2019].

Заключение

Необходимым условием эффективной реализации регионального проекта государственно-частного партнерства является поиск необходимых финансовых ресурсов и

способов их наиболее эффективно использования в целях социально-экономического развития региона. Необходимость привлечения специальных финансовых ресурсов и выбора наиболее эффективных инструментов для реализации проекта обусловлены особенностями региона, где планируется реализовывать проект государственно-частного партнерства (например,

климат, наличие или отсутствие местных субподрядчиков и т. д.). Следует определять взаимозависимости между эффективностью реализации ГЧП и ростом конкурентоспособности экономики, что представляет собой особую задачу, позволяющую обосновать целесообразность применения государственно-частного партнерства.

Библиографический список

1. Арсенова Е. В. Перспективы внедрения механизма ГЧП в Российской Федерации / Е. В. Арсенова, А. И. Дунаева, Н. О. Удачин // Экономика и управление: проблемы, решения. 2014. № 9. С. 3–7.
2. Баринов А. Э. Об эффективности принимаемых на государственном уровне мер по внедрению новых финансовых технологий в систему экономического развития Российской Федерации / А. Э. Баринов, М. Ю. Мостов // Финансы и кредит. 2010. №8 (392). С. 44–56.
3. Белицкая А. В. Правовые формы государственно-частного партнерства в России и зарубежных странах // Предпринимательское право. 2009. № 2. С. 31–37.
4. Белокрылова О. С. Взаимодействие бизнеса и власти в процессе формирования стратегии экономического развития регионов // Проблемы формирования государственных политик в России. Москва : Научный эксперт, 2006. 326 с.
5. Бондаренко Е. Ю. Оптимизация рисков частно-государственного партнерства с участием международных финансовых институтов // Экономические науки. 2008, №5. С. 15–24.
6. Булатов А. Россия в мировом инвестиционном процессе // Вопросы экономики. 2004. №1. С. 76–84.
7. Габдуллина Э. И. Оценка эффективности проектов ГЧП как механизма взаимодействия власти и бизнеса в регионе // Современные проблемы науки и образования : электронный научный журнал. 2012. № 2. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/102-5928>. (Дата обращения: 20.09.2020).
8. Государственно-частное партнерство и концессионные соглашения // Инвестиционный портал Ярославской области. Режим доступа: https://www.invest76.com/partnership/partnership_p_3/. (Дата обращения: 11.10.2020).
9. Дерябина М. А. Государственно-частное партнерство: теория и практика // Вопросы экономики. 2008. №8. С. 61–77.
10. Ершов М. О финансовых механизмах экономического роста // Вопросы экономики. 2003. №12. С. 23–31.
11. Игнатюк Н. А. Государственно-частное партнерство в Российской Федерации. Москва : Инфра-М, 2009. С. 12–24.

12. Инвестиционное обеспечение инновационной предпринимательской деятельности в Ярославской области / Ю. В. Коречков, Л. А. Леженина, М. В. Овчинникова // Финансовая экономика. 2019. № 6. С. 561–564.
13. Кабашкин В. А. Развитие государственно-частного партнерства в регионах Российской Федерации / В. А. Кабашкин, А. А. Левченко, В. А. Сидоров. Белгород : ПОЛИТЕРРА, 2008. С. 20–35.
14. Казанцев С. В. Сбудется ли прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года? // Вестник Института экономики РАН. 2013. №6. С. 7–22.
15. Катасонов В. Ю. Инвестиционный потенциал экономики: механизмы формирования и использования. Москва : Анкил, 2005. 128 с.
16. Коречков Ю. В. Зарубежный опыт государственно-частного партнерства / Ю. В. Коречков, Д. А. Уторов // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона. Сборник материалов международной научно-практической конференции Академии МУБиНТ. Ярославль : МУБиНТ, 2017. С. 110–113.
17. Коречков Ю. В. Современная финансовая система и финансовая политика. Ярославль : МУБиНТ, 2016. 116 с.
18. Мерзлов И. Ю. Основы государственно-частного партнерства: монография. Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 195 с.
19. Обеспечение экономического роста на основе инновационных методов управления (на примере государственно-частного партнерства) / Ю. В. Коречков, М. В. Овчинникова, Д. А. Уторов // Финансовая экономика. 2019. № 6. С. 351–355.
20. Чаркина Е. С. К вопросу об опережающем социально-экономическом развитии отдельных территорий регионов России // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 105–111.

Bibliograficheskij spisok

1. Arsenova E. V. Perspektivy vnedrenija mehanizma GChP v Rossijskoj Federacii / E. V. Arsenova, A. I. Dunaeva, N. O. Udachin // Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija. 2014. № 9. S. 3–7.
2. Barinov A. Je. Ob jeffektivnosti prinimaemyh na gosudarstvennom urovne mer po vnedreniju novyh finansovyh tehnologij v sistemu jekonomicheskogo raz-vitija Rossijskoj Federacii / A. Je. Barinov, M. Ju. Mostov // Finansy i kredit. 2010. №8 (392). S. 44–56.
3. Belickaja A. V. Pravovye formy gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii i zarubezhnyh stranah // Predprinimatel'skoe pravo. 2009. № 2. S. 31–37.
4. Belokrylova O. S. Vzaimodejstvie biznesa i vlasti v processe formirovanija strategii jekonomicheskogo razvitija regionov // Problemy formirovanija gosudarstvennyh politik v Rossii. Moskva : Nauchnyj jekspert, 2006. 326 s.
5. Bondarenko E. Ju. Optimizacija riskov chastno-gosudarstvennogo partnjor-stva s uchastiem mezhdunarodnyh finansovyh institutov // Jekonomicheskie nauki. 2008. №5. S. 15–24.
6. Bulatov A. Rossija v mirovom investicionnom processe // Voprosy jekonomiki. 2004. №1. S. 76–84.
7. Gabdullina Je. I. Ocenka jeffektivnosti proektov GChP kak mehanizma vzaimodejstvija vlasti i biznesa v regione // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija :

jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2012. № 2. Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/102-5928>. (Data obrashhenija: 20.09.2020).

8. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo i koncessionnye soglashenija // Investicionnyj portal Jaroslavskoj oblasti. Rezhim dostupa: https://www.invest76.com/partnership/partnership_p_3/. (Data obrashhenija: 11.10.2020).

9. Derjabina M. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teorija i praktika // Voprosy jekonomiki. 2008. №8. S. 61–77.

10. Ershov M. O finansovyh mehanizmah jekonomicheskogo rosta // Voprosy jekonomiki. 2003. №12. S. 23–31.

11. Ignatjuk N. A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossijskoj Federacii. Moskva : Infra-M, 2009. S. 12–24.

12. Investicionnoe obespechenie innovacionnoj predprinimatel'skoj dejatel'nosti v Jaroslavskoj oblasti / Ju. V. Korechkov, L. A. Lezhenina, M. V. Ovchinnikova // Finansovaja jekonomika. 2019. № 6. S. 561–564.

13. Kabashkin V. A. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v regionah Rossijskoj Federacii / V. A. Kabashkin, A. A. Levchenko, V. A. Sidorov. Belgorod : POLITERRA, 2008. S. 20–35.

14. Kazancev S. V. Sbudetsja li prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda? // Vestnik Instituta jekonomiki RAN. 2013. №6. S. 7–22.

15. Katasonov V. Ju. Investicionnyj potencial jekonomiki: mehanizmy formirovanija i ispol'zovanija. Moskva : Ankil, 2005. 128 s.

16. Korechkov Ju. V. Zarubezhnyj opyt gosudarstvenno-chastnogo partnjorstva / Ju. V. Korechkov, D. A. Utorov // Intellektual'nyj potencial obrazovatel'noj organizacii i social'no-jekonomicheskoe razvitie regiona. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Akademii MUBiNT. Jaroslavl' : MUBiNT, 2017. S. 110-113.

17. Korechkov Ju. V. Sovremennaja finansovaja sistema i finansovaja politika. Jaroslavl' : MUBiNT, 2016. 116 s.

18. Merzlov I. Ju. Osnovy gosudarstvenno-chastnogo partnjorstva : monografija. Perm' : Permskij gos. nac. issled. un-t, 2013. 195 s.

19. Obespechenie jekonomicheskogo rosta na osnove innovacionnyh metodov upravlenija (na primere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva) / Ju. V. Korechkov, M. V. Ovchinnikova, D. A. Utorov // Finansovaja jekonomika. 2019. № 6. S. 351-355.

20. Charkina E. S. K voprosu ob operezhajushhem social'no-jekonomicheskom razvitii otдел'nyh territorij regionov Rossii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2015. № 9 (81). S. 105-111.

Н. С. Россиина

УДК 332.1

<https://orcid.org/0000-0002-5657-9942>

Производные финансовые инструменты, их риски и возможность использования в региональной экономике

Для цитирования: Россиина Н. С. Производные финансовые инструменты, их риски и возможность использования в региональной экономике // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 106-120. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-106-120

Рынок производных финансовых инструментов как рынок контрактов на конкретный базисный актив (товар, валюту, процентную ставку, задолженность по кредиту и др.) является сферой пристального интереса исследователей, что свидетельствует не только о его эксклюзивной роли среди других секторов финансового рынка, но и о значительном объеме рисков, требующих тщательного анализа и оценки.

Презентационные характеристики производных финансовых инструментов, безусловно ориентированные на предоставление целесообразной информации предполагаемым бенефициарам, на всех этапах и появления, и существования деривативов, акцентировали внимание на возможности преодоления рисков инвестиционных вложений. Однако отсутствовала конкретизация субъектов, принимающих на себя последствия неблагоприятных убыточных ситуаций по результатам проведенных операций на рынке производных финансовых инструментов. Обзорный анализ показывает, что реальные убытки несут или представители реального сектора экономики, или хеджеры, или недостаточно успешные участники профессиональной деятельности сферы операций с производными финансовыми инструментами.

Перед исследователями сферы организации операций с производными финансовыми инструментами стоят задачи уточнения и обоснования существенных характеристик, роли, функций рынка производных финансовых инструментов как на макро-экономическом уровне, так и на уровне региональной экономики; исследования логики, законов и закономерностей присутствия рынка производных финансовых инструментов в системе финансовых отношений как страны в целом, так и ее регионов; обоснование необходимости выявления критериев оценки воздействия рынка производных финансовых инструментов на устойчивость экономической системы Российской Федерации и регионов страны; нормативно-законодательного регулирования и управления рисками на всех уровнях.

Ключевые слова: риск, финансовый инструмент, производный финансовый инструмент, субъекты хеджирования, региональная экономика, реальный актив, дериватив.

N. S. Rossiina

Derivative financial instruments, their risks and the possibility of using them in the regional economy

The market of derivative financial instruments as a market for contracts for a specific underlying asset (commodity, currency, interest rate, loan debt, etc.) is an area of close interest of researchers, which indicates not only its exclusive role among other sectors of the financial market, but also a significant amount of risks that require careful analysis and evaluation.

Presentation characteristics of derivative financial instruments, clearly focused on providing appropriate information to prospective beneficiaries at all stages of both the appearance and existence of derivatives, focused on the possibility of overcoming the risks of investment investments. However, there was no specification of entities that take on the consequences of unfavorable loss-making situations based on the results of operations on the derivatives market. The review analysis shows that real losses are incurred either by representatives of the real sector of the economy, or by hedgers, or by insufficiently successful participants in professional activities in the field of operations with derivative financial instruments.

The researchers of the sphere of operations with derivative financial instruments, the tasks of clarification and justification of the essential characteristics, role, functions of derivatives market as at the macro economic level and at the level of the regional economy; the study of logic, laws and patterns of the presence of the derivatives market in the financial relations system of the country as a whole and its regions; justification of the need to identify criteria for assessing the impact of the derivatives market on the stability of the economic system of the Russian Federation and the country's regions; regulatory and legislative regulation and risk management at all levels.

Key words: risk, financial instrument, derivative financial instrument, hedging entities, regional economy, real asset, derivative.

Введение

Исследователи и практики организации деятельности на финансовых рынках разных стран мира уделяют значительное внимание производным финансовым инструментам, их роли, значению, проблемам законодательно-нормативного регулирования на всех уровнях.

Рынок контрактов на базисные активы играет эксклюзивную роль среди других секторов финансового рынка, поэтому исследование суще-

ствующей практики, в контексте тщательного анализа и оценки целесообразности подобных вложений, необходимо рассматривать как приоритетную задачу как на уровне экономической системы всей Российской Федерации, так и на уровне субъектов региональной экономики.

Целью настоящей статьи является уточнение сущностных характеристик производных финансовых инструментов на общегосударственном и региональном уровнях с

решением задач выявления элементов возможности организации операций с деривативами.

Аксиоматичная успешность деятельности в подобном режиме предопределила возможность использования общенаучных методов исследования (наблюдение, анализ целевой информации, системное обобщение исследуемых данных).

1. Сущностные характеристики дефиниций предметного поля «производные финансовые инструменты»

Производные финансовые инструменты как орудие, возникшее из стремления субъектов узкоспециализированной финансовой деятельности к снижению индивидуальных проблем неопределенности и повышению эффективности указанной сферы за счет делегирования рисков, их диверсификации и погашения убытков за счет определенной части их держателей, являются предметом критики на протяжении практически всего времени их существования.

Уоррен Баффет, назвавший деривативы «бомбой замедленного действия» и «оружием массового уничтожения» держателей финансовых инструментов, определил, что, они, как финансовые продукты представляют опасность для всей финансовой системы. Отметим, что в контексте характеристики и самих финансовых инструментов, и их производных, акцент всегда делается на процессуальные возможности

преодоления рисков для определенных бенефициаров. Автор приведенной выше цитаты имел в виду лиц, сформировавших все свое состояние в этой высокорискованной сфере финансовых отношений несколько десятилетий назад [Баффет].

Появление деривативов и их диверсификационное внедрение в сферу финансовых операций привело к изменению организации процессов хеджирования, конвергенции характеристики элементов понятийного аппарата.

Динамичные изменения, появление новых аспектов характеристики в силу постоянно проявляющихся обстоятельств, обосновывающих реальные референции и колляции, привели к видимо мотивированному обоснованию ориентации на необходимость появления периодических уточнений сущностных характеристик сложившихся определений, что по сути является основой динамизации рисков.

Одной из подобных категорий является, например, дефиниция «финансовый инструмент», определение смыслового содержания которого в настоящее время может основываться как на исторических аспектах введения его в обиход, так и на основании реалий эмпирики, проявления результатов внедрения и ввода в систему экономических взаимоотношений новых ориентиров.

Используемая в отечественной монографической литературе до 1991 года достаточно контурно, эта

экономическая категория, позже неоднократно вариативно конкретизировалась в нормативной и оценочной практике. В Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (с изменениями) она соотносилось с тремя основными вариантами характеристики: (1) денежные средства (средства в кассе и на расчетном счете, валюта); (2) кредитные инструменты (облигации, кредиты, депозиты); (3) способы участия в уставном капитале (акции и паи) [О рынке ... , 2020].

В настоящее время чаще всего встречается теоретическое определение финансового инструмента как «двухстороннего договора, в ходе которого одно предприятие получает финансовый актив, а другое предприятие – финансовое обязательство или долевой финансовый инструмент» [Макшанова, 2014, с. 214-216]. Это определение основывается на документах, сформулированных в

законодательно-нормативных документах Российской Федерации в интерпретации МСФО [Международный стандарт ...].

В соответствии с этим в России в настоящее время финансовые инструменты определяются понятийно (как и в других странах) как средство разновариантных вложений, приобретения и распределения капитала (фондовая ценность); как платежное средство; как средство кредита (или в общем виде – финансовые активы и финансовые обязательства).

Исследование сущностной характеристики этой категории на уровне статусного представления о ней исследователей, отраженной в специальной литературе, позволяет выявить безусловную неоднозначность ее восприятия членами экспертного экономического сообщества и практическое отсутствие ориентиров, при ее характеристике на встроенные риски (см. табл. 1).

Таблица 1.

Характеристика сущностного аспекта характеристики понятия «Финансовый инструмент»

Сущностная характеристика, основные акценты характеристики	Источник характеристики	Характеристика риска	
		Индивидуальные	Общественные
Финансовым инструментом называют объект торгов на биржевом или внебиржевом рынке	Финансовый словарь https://go.mail.ru/search?q=%&fm=1&rf=0001	Поскольку финансовый инструмент является объектом торгов на рынке, риски связаны с реализацией индивидуальных про-	В указанных определениях отсутствуют элементы, указывающие на риски социального характера. Вместе с тем, появление

Сущностная характеристика, основные акценты характеристики	Источник характеристики	Характеристика риска	
		Индивидуальные	Общественные
		блем у сторон, вступающих в торг	«будто-денег», являющихся предметом торгов, присутствующих в балансах лиц, занимающихся производительной деятельностью, «инженерно» организуемых в соответствии с не контролируемой практикой эмиссии – является базой для возникновения системных проблем экономического характера
Финансовый инструмент – любой контракт, результатом которого является появление определенной статьи в активах одной стороны контракта и статьи в пассивах другой стороны контракта	Финансовый словарь терминов https://gufo.me/dict/financial_terms	Ориентация на факт появления конкретной записи в активах позволяет охарактеризовать риски в контексте неадекватности оценки актива. Факт появления записи в пассивах позволяет определить возможность риска как появления определенных обязательств	
Финансовый инструмент – «квазиденьги», финансовый документ, продажа или передача которого обеспечивает получение денежных средств	Словарь финансовых терминов и экономических понятий http://www.fingramota.org/servisy/slovar Юридический словарь https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/15294	Термин ориентирует внимание на некую условность понятия, соотносящуюся для держателя с личным доверием к эмитенту, обеспечивающую «будто»-деньги, и, в соответствии с юридическим звучанием, соотносящийся с понятиями «мнимый», «ненастоящий», «почти»	

По мере видоизменения рынков капитала, привнесения в практику новых видов финансовых активов, обязательств и операций с ними (форвардные контракты, фьючерсы, опционы, свопы и др.) терминология все более трансформировалась, сущностная характеристика корректировалась. В частности, появилось понимание необходимости разграничения собственно «финансовых инструментов» от тех предметов, которыми манипулируют, или которые лежат в основе того или иного инструмента, то есть от финансовых активов и обязательств.

По своей экономической сущности актив – это любая ценность, которая может стать предметом продажи (как материальные, так и нематериальные). Материальными являются активы с определенными физическими свойствами (здание, земля, оборудование и т. д.). Нематериальные активы представляют собой право требования на что-либо, например, будущие выгоды. Финансовые активы, являясь нематериальными, ориентируются на выгоду, сформулированную как право требования на денежные средства в будущем. Организация, взявшая на себя обязательства по выплате денежных средств в обозначенном в документе будущем (эмитент финансового инструмента), перед их покупателем (владельцем финансового инструмента – инвестором) оперирует так называемыми «квзиденьгами» [Макшанова, 2014; Федосеев]. В их перечень включают не только первичные финансовые

документы, которые достаточно полно описаны в специальной литературе, но и производные.

К производным в современной интерпретации относятся финансовые инструменты, предусматривающие возможность покупки/продажи *права* на приобретение/поставку базисного актива или получение/выплату дохода, связанного с изменением определенных характеристик этого актива. В отличие от первичного финансового инструмента дериватив (производный финансовый инструмент) не подразумевает безусловности предопределенной операции непосредственно с базисным активом – эта операция лишь возможна, причем, она будет иметь место только при стечении конкретных, охарактеризованных заранее обстоятельств. С помощью деривативов продаются не собственно активы, а права на операции с ними или получение соответствующего дохода при определенных условиях. Предметом купли-продажи при заключении сделки производного финансового инструмента является неопределенный параметр (ценовой, процентный, иногда прецедентный и т. п.) [Афанасьев].

Производный финансовый инструмент имеет два сущностных признака. Первым признаком, его характеризующим является то, что в его основе лишь по умолчанию предполагается наличие некоего базисного актива – товаров, акций, облигаций, вексе-

лей, валюты, *фондовых индексов* и др. Во-вторых, его цена *соотносится* с ценой базисного актива. Поскольку базисный актив – это некоторый рыночный товар (иногда виртуальный) или даже качествен-

ная или количественная характеристика рынка, цена производного финансового инструмента постоянно варьируется и видоизменяется (см. табл. 2) [Лобанова, 2018; Маршалл].

Таблица 2.

Характеристика сущностного аспекта характеристики понятия «Производный финансовый инструмент»

Сущностная характеристика, основные акценты характеристики	Источник характеристики	Характеристика риска	
		Индивидуальные	Общественные
Контракты, по которым одна из сторон принимает на себя обязательство, а другая – получает право выполнить определенные действия в отношении базового актива (в качестве которого выступает какой-либо первичный финансовый инструмент)	Финансовый словарь https://www.finam.ru/dictionary/wordf00196/?page=8	Проблемы соотносятся с опосредованной вариативной возможностью отсутствия информации о рисках, связанных с базовым активом. Риск для бенефициара – двухслойный. Привносятся дополнительные проблемы в уже высокорискованную зону вложений в контексте появления перечня вариативно неопределенных элементов	В указанном определении отсутствуют элементы, указывающие на риски подобного рода. Однако, в целом общественные риски возрастают динамично в связи с отсутствием адекватности в наличии реальных активов и имеющих их «суррогатных представителей»
Категория, стоимость которого является производной от стоимости и характеристик другой ценной бумаги (базового актива). Стоимость дериватива изменяется вслед за изменением процентной ставки, цены товара или ценной бумаги,	Финансовый словарь терминов https://gufo.me/dict/financial_terms		

Сущностная характеристика, основные акценты характеристики	Источник характеристики	Характеристика риска	
		Индивидуальные	Общественные
обменного курса, индекса цен или ставок			
Дериватив – ценная бумага, выпущенная на уже функционирующие финансовые активы, это – «бумага на бумагу». Отсюда дериватив – финансовый инструмент, цены и условия которого базируются на соответствующих параметрах другого финансового инструмента, который будет являться базовым	Словарь финансовых терминов и экономических понятий http://www.fingramota.org/servisy/slovar ; https://ecanet.ru/word		

Все финансовые инструменты, в соотнесении с предметными активами, более рискованны в силу некоей дистанцированности от реалий и определенной условности содержательного характера.

Производные финансовые инструменты обладают этими качествами в большей степени и поэтому процесс инвестиционных вложений заинтересованными лицами должен сопровождаться исследованием практики спекулятивных операций с подобными инструментами, их логики – для хотя бы абрис-

ной оценки уровня рискованности вложений.

Спекулятивная ориентация участников операций с финансовыми инструментами, особенно с деривативами, предопределяет то, что эти инструменты выступают в роли самостоятельных элементов рыночных отношений, то есть служат объектами купли-продажи.

Любой дериватив всегда несет в себе совокупность потенциальных спекулятивных возможностей, предопределяющих его привлекательность с позиции возможных авантюрных умыслов. Справедли-

ности ради следует отметить, что риски являются частью любого вида деятельности и даже в рамках обычного предпринимательства практически не существует «безрисковых» операций.

Однако организация вложений заведомо спекулятивного характера, сориентированная на проблемы «пирамидного характера» предполагает существенное повышение рисков, которые нивелируется в сознании устраивающей инвестора вероятностью получения сверхдоходности в условиях неопределенности.

Мотивы принятия этой неопределенности можно разделить на две группы [Афанасьев; Баффет]:

1) не получая никакого вознаграждения за принятие неопределенности, контрагент рассчитывает, что неопределенность разрешится в выгодную для него сторону, например, если куплен форвард, он ожидает повышения цены базового актива, а если продан – понижения.

2) получая определенное вознаграждение за принятие неопределенности, контрагент рассчитывает, что это вознаграждение, за вычетом возможных убытков от неблагоприятного разрешения, обеспечит ему определенную норму прибыли.

Источники существования рынков производных финансовых инструментов становятся более прозрачными при характеристике практики передачи риска в условиях трех возможных вариантов его функционирования:

1) в первом варианте потери спекулянтов превышают доходы, однако рынок существует за счет притока новых членов, заменяющих выбывших по причине невыгодности операций, то есть существование рынка (удачливых профессиональных участников) оплачивают неудачливые профессиональные участники. По мнению Ч. Харди, существование срочного рынка может быть модульно организовано [Лобанова, 2018]. Рынок в данном режиме способен существовать полностью в отрыве от реального сектора экономики, то есть может быть реализован и при отсутствии хеджеров, и схематически может быть обозначен как спекулянт – спекулянт.

2) во втором варианте деятельность спекулянтов носит скорее прибыльный характер, то есть неопределенность разрешается в выгодную для спекулянта сторону, или вознаграждение за принятие неопределенности в целом по сумме операций превышает потери от неблагоприятного разрешения неопределенности. Отсюда вытекает, что существование рынка производных финансовых инструментов и спекулянтов как класса оплачивают хеджеры, или реальный сектор экономики [Баффет, 2018]. Такой точки зрения придерживались Дж. М. Кейнс и Дж. Хикс. Рынок, работающий в данном режиме, напоминает рынки страховых и банковских услуг.

При принятии данного режима, который можно схематически обозначить как «хеджер – спекулянт», так как в этом случае необходимы оба этих класса участников рынка, рынок ПФИ представляется результатом усложнения финансовых рынков.

3) в третьем режиме покупателями неопределенного фактора являются хеджеры с интересами, противоположными интересам его продавцов – также хеджеров. В данном случае имеет место устранение воздействия неопределенного фактора на обоих контрагентов, причем как положительного, так и отрицательного. В этом режиме рынок с его законами фактически вытесняется из пространства между контрагентами. Такое взаимодействие объединяет их в единую технологическую цепочку, а сотрудничество становится похоже на работу цехов в пределах одного предприятия [Афанасьев; Горбунова, 2017; Маршалл].

Для коммерческих банков, например, реализованные риски (в зависимости от размера) в ряде случаев, означают изменение их собственного статусного положения и утрату доверенных им ресурсов, аккумулированных в рамках привлечения или заимствования. Их деятельность соотносится с первыми двумя вариантами организации делегирования рисков, а освоенное место в охарактеризованной схеме достаточно вариативно. Традиционным примером подобного рода

является периодически повторяющаяся кризисная ситуация в банковской сфере, берущая начало в 2007-2008-м гг., обусловившая системные проблемы мировой экономики, не преодоленные, по мнению экспертов, и до сих пор [Афанасьев].

В связи с этим значимыми для исследования проблемами являются: риски динамизации рынка производных финансовых инструментов; критерии и характеристики его роста; оценочные показатели кризисных тенденций и явлений в экономике, системе социально-экономических отношений; обоснование необходимости присутствия в системе финансовых отношений встроеной совокупности элементов хеджирования и пр.

2. Проблемное поле теоретических и практических исследований сферы использования и организации производных финансовых инструментов на уровне экономики России и региональной экономики

Анализ показывает, что внимание исследователей сосредоточено на внутренних проблемах данного рынка, на технологических особенностях операций на нем, и не затрагивает проблемы его воздействия на экономику в целом [Афанасьев; 2012; Лобанова, 2018; Международный стандарт ...] и на региональную экономику, в частности.

Важными вопросами, требующими многоаспектного исследова-

ния рынка производных финансовых инструментов и его элементов, принципов организации, форм и методов контроля, надзора, регулирования являются:

– обоснование сущностных характеристик, обеспечивающих исследование роли и функций рынка производных финансовых инструментов в мировой экономике, экономике России, экономике регионов страны;

– уточнение логики, законов и закономерностей включения рынка производных финансовых инструментов в систему финансовых отношений в России, ее регионов;

– выявление критериев оценки воздействия рынка производных финансовых инструментов на устойчивость экономики страны, ее регионов;

– определение показателей, обеспечивающих практику анализа и оценки влияния рынка производных финансовых инструментов на риски российской экономики, региональной экономики;

– возможности оценки нормативно-законодательного регулирования на основе конкретизации логики наличия указанных инструментов в условиях неопределенности экономической ситуации и роста рисков внешнего, внутреннего характера;

– характеристика системы управления рисками использования производных финансовых инструментов в стратегической перспек-

тиве и тактическом варианте ее организации.

Некоторые авторы-исследователи практики организации региональной экономики традиционно определяют производные финансовые инструменты как средство страхования и возможности привлечения дополнительных ресурсов [Отчет ...; Федосеев].

Вместе с тем, существует и иная точка зрения, обосновывающая безусловность связи функционирования данного вида рынка в нашей стране и наличия некоторой неустойчивости в развитии и экономики в целом и региональной экономики. Указывается, что, «увеличение объемов торговли производственными финансовыми инструментами влечет за собой тенденцию ускорения развития фиктивного капитала по сравнению с реальным. Новые методы в оценке справедливой рыночной стоимости ценных бумаг искусственно завышают стоимость финансовых инструментов, что также ведет к росту виртуального капитала. Регулирование срочных рынков отличается сильным либерализмом, что может привести к деиндустриализации экономики страны» [Баффет; Горбунова, 2017, с. 65-68].

На уровне государственного регулирования инструментами финансового рынка в настоящее время достаточно однозначно определена нецелесообразность их использования, сопряженная с обоснованием высоких рисков и неопределенности.

«На местные и региональные органы власти в стране распространяются ограничения по уровню долга и новым заимствованиям, а также лимиты по годовым процентным расходам. Российским субнациональным образованиям запрещено использовать деривативы. Ограничения по внешнему долгу являются очень жесткими, и на практике российские регионы не привлекают зарубежных заимствований» [Макшанова, 2014; Мелентьев, 2014].

Практика использования различных производных инструментов на региональном уровне в ряде стран мира, по мнению некоторых авторов, является основой для дальнейших изысканий [Баффет; 2017; Иванова-Паленова, 2012; Макшано-

ва, 2014; Мелентьев, 2014]. Вместе с тем, представляется, что на этапе санкционного воздействия на РФ, сложностей преодоления кризисных явлений в экономике позиция федерального управления достаточно мотивирована.

Заключение

Обоснование логики процесса формирования рынка производных финансовых инструментов, действенной практики контроля, надзора и регулирования в национальном и региональном масштабе позволит вплотную подойти к проблеме формирования системы контроля, надзора, оценки рисков использования производных финансовых инструментов на общегосударственном, региональном уровнях.

Библиографический список

1. Афанасьев А. А. Коммерческие банки на рынке производных финансовых инструментов: методология, риски, регулирование. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001838032>. (Дата обращения: 19.10.2020).
2. Баффет Шредер Элис Уоррен. Лучший инвестор мира. Режим доступа: <https://fxtrend.info/kniga-uorren-baffet-luchshij-investor-mira-elis-shreder.html>. (Дата обращения: 09.10.2020).
3. Горбунова О. А. Основные тенденции развития международного и российского рынков деривативов // Инновации в науке. 2017. № 4. С. 65–68.
4. Иванова-Паленова Е. В. Деривативы как инструменты торгового-стратегического менеджмента // NovaInfo.ru. 2012. № 8-1. С. 136–138
5. Лобанова М. А. Российский рынок деривативов: особенности развития и проблемы интеграции в мировую финансовую систему // Иннов: электронный научный журнал. 2018. №6 (39). С. 55–62.
6. Макшанова А. В. Производные финансовые инструменты: понятие, виды и основные стратегии использования // Молодой ученый. 2014. №11. С. 214-216.
7. Маршалл Дж. Ф. Финансовая инженерия / Дж. Ф. Маршалл, В. К. Бансал. Режим доступа: <http://blackhole.beeline.ru/?url=bookre.org%2Freader%3Ffile%3D651550>. (Дата обращения: 20.11.2019).

8. Мелентьев Б. В. Региональная экономическая политика (курс лекций) / под ред. В. Ю. Малова, Б. В. Мелентьев. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2014. 348 с.

9. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS). «Финансовые инструменты». Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117330-mezhdunarodnyi_standart_finansovoi_otchetnosti_ifrs_9_finansovye_instrumenty. (Дата обращения: 09.10.2020).

10. Отчет Fitch Ratings-Москва от 14 февраля 2020 г (Yaroslavl Region – Rating Action Report). Режим доступа: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/343685/>. (Дата обращения: 09.10.2020).

11. Система Госфинансы – справочная система для учреждений госсектора. Режим доступа: <http://www.financedone.ru/sools-457-1.html>. (Дата обращения: 09.10.2020).

12. О рынке ценных бумаг (с изменениями на 31 июля 2020 года). Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117330-mezhdunarodnyi_standart_finansovoi_otchetnosti_ifrs_9_finansovye_instrumenty. (Дата обращения: 09.10.2020).

13. Федосеев Д. А. Влияние рынка производных финансовых инструментов на риски российской экономики. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-rynka-proizvodnykh-finansovykh-instrumentov-na-riski-rossiiskoi-ekonomiki>. (Дата обращения: 09.10.2020).

14. Хохоева З. В. Фиктивный капитал российской экономики: концепция и механизм генерации. Режим доступа: <http://www.dslib.net/econom-teoria/fiktivnyj-kapital-rossijskoj-jekonomiki-koncepcija-i-mehanizm-generacii.html>. (Дата обращения: 09.10.2020).

15. ЦБ запаздывает с введением рекомендаций по деривативам. Режим доступа: <https://www.google.com/search?ei=eDmDX4GiDe2GrwS49ZPwDw&q>. (Дата обращения: 09.10.2020).

16. Шелег Е. М. Кредитные деривативы как инструмент управления кредитным риском банка / Е. М. Шелег, А. В. Старовоитов // Проблемы социально-экономического развития России на современном этапе. 2016. Режим доступа: <https://www.innov.ru/science/economy/rossiyskiy-rynok-derivativov-osoben/>. (Дата обращения: 19.10.2020).

17. Южакова О. А. Место кредитных нот в системе финансовых инструментов рынка ценных бумаг и особенности регулирования операций с нотами // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2017. № 2. С. 74–80.

18. Дж. Хикс/ Hicks J. Mr. Keynes and the Classics: A Suggested Reinterpretation // *Econometrica*, 1937. URL: [Aprilhttps://novainfo.ru/author/39](https://novainfo.ru/author/39). (Дата обращения: 09.10.2020).

Bibliograficheskij spisok

1. Afanas'ev A. A. Kommercheskie banki na rynke proizvodnyh finansovyh instrumentov: metodologija, riski, regulirovanie. Rezhim dostupa: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001838032>. (Data obrashhenija: 19.10.2020).
2. Baffet Shreder Jelis Uorren. Luchshij investor mira. Rezhim dostupa: <https://fxtrend.info/kniga-uorren-baffet-luchshij-investor-mira-elis-shreder.html>. (Data obrashhenija: 09.10.2020).
3. Gorbunova O. A. Osnovnye tendencii razvitija mezhdunarodnogo i rossijskogo rynkov derivativov // Innovacii v nauke. 2017. № 4. S. 65–68.
4. Ivanova-Palnova E. V. Derivativy kak instrumenty torgovogo-strategicheskogo menedzhmenta // NovaInfo.ru. 2012. № 8-1. S. 136–138
5. Lobanova M. A. Rossijskij rynek derivativov: osobennosti razvitija i problemy integracii v mirovuju finansovuju sistemu // Innov: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2018. №6 (39). S. 55-62.
6. Makshanova A. V. Proizvodnye finansovyje instrumenty: ponjatie, vidy i osnovnye strategii ispol'zovanija // Molodoj uchenyj. 2014. №11. S. 214–216.
7. Marshall Dzh. F. Finansovaja inzhenerija / Dzh. F. Marshall, V. K. Bansal. Rezhim dostupa: <http://blackhole.beeline.ru/?url=bookre.org%2Freader%3Ffile%3D651550>. (Data obrashhenija: 20.11.2019).
8. Melent'ev B. V. Regional'naja jekonomicheskaja politika (kurs lekcij) / pod red. V. Ju. Malova, B. V. Melent'ev. Novosibirsk : Izd-vo IJeOPP SO RAN, 2014. 348 s.
9. Mezhdunarodnyj standart finansovoj otchetnosti (IFRS). «Finansovyje instrumenty». Rezhim dostupa: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117330-mezhdunarodnyi_standart_finansovoi_otchetnosti_ifrs_9_finansovyje_instrumenty. (Data obrashhenija: 09.10.2020).
10. Otchet Fitch Ratings-Moskva ot 14 fevralja 2020 g (Yaroslavl Region – Rating Action Report). Rezhim dostupa: <https://www.tinkoff.ru/invest/news/343685/>. (Data obrashhenija: 09.10.2020).
11. Sistema Gosfinansy – spravocchnaja sistema dlja uchrezhdenij gossektora. Rezhim dostupa: <http://www.financedone.ru/sools-457-1.html>. (Data obrashhenija: 09.10.2020).
12. O rynke cennyh bumag (s izmenenijami na 31 ijulja 2020 goda). Rezhim dostupa: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117330-mezhdunarodnyi_standart_finansovoi_otchetnosti_ifrs_9_finansovyje_instrumenty. (Data obrashhenija: 09.10.2020).
13. Fedoseev D. A. Vlijanie rynka proizvodnyh finansovyh instrumentov na riski rossijskoj jekonomiki Rezhim dostupa: <http://www.dissercat.com/content/vliyanie-rynka-proizvodnykh-finansovykh-instrumentov-na-riski-rossiiskoi-ekonomiki>. (Data obrashhenija: 09.10.2020).
14. Hohoeva Z. V. Fiktivnyj kapital rossijskoj jekonomiki: koncepcija i mehanizm generacii. Rezhim dostupa: <http://www.dslib.net/econom-teoria/fiktivnyj-kapital-rossijskoj-jekonomiki-koncepcija-i-mehanizm-generacii.html>. (Data obrashhenija: 09.10.2020).

15. CB zapazdyvaet s vvedeniem rekomendacij po derivativam. Rezhim dostupa: <https://www.google.com/search?ei=eDmDX4GiDe2GrwS49ZPwDw&q>. (Data obrashhenija: 09.10.2020).

16. Sheleg E. M. Kreditnye derivativy kak instrument upravlenija kreditnym riskom banka / E. M. Sheleg, A. V. Starovoitov // Problemy social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii na sovremennom jetape. 2016. Rezhim dostupa: <https://www.innov.ru/science/economy/rossiyskiy-rynok-derivativov-osoben/>. (Data obrashhenija: 19.10.2020).

17. Juzhakova O. A. Mesto kreditnyh not v sisteme finansovyh instrumentov rynka cennyh bumag i osobennosti regulirovanija operacij s notami // Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plehanova. 2017. № 2. S. 74–80.

18. Dzh. Hiks/ Hicks J. Mr. Keynes and the Classics: A Suggested Reinterpretation // *Econometrica*, 1937. URL: [Aprilhttps://novainfo.ru/author/39](https://novainfo.ru/author/39). (Data obrashhenija: 09.10.2020).

**ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

П. А. Немков

УДК 37.035
<https://orcid.org/0000-0003-3066-8792>

**Формирование гражданской идентичности учащихся
в рамках российского движения школьников**

Для цитирования: Немков П. А. Формирование гражданской идентичности учащихся в рамках российского движения школьников // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 121-134. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-121-134

В статье рассматривается важнейшая проблема формирования гражданской идентичности учащихся в рамках детских общественных движений, в особенности Российского движения школьников. В теоретической части статьи в результате анализа ряда работ зарубежных и отечественных исследователей выводится определение понятия гражданской идентичности, в том числе как части социальной идентичности человека; рассматриваются его значимые отличия от этнической и национальной идентичности, связь с понятием гражданственности, а также структурные компоненты понятия «гражданская идентичность». Приводится описание методологии исследования, посвященного изучению степени сформированности компонентов гражданской идентичности у учащихся 7–9-х классов общеобразовательных организаций г. Москвы (в зависимости от их принадлежности к Российскому движению школьников, какой-либо другой детской общественной организации или отсутствию таковой принадлежности). Также выдвигается гипотеза о значимой роли в формировании гражданской идентичности обучающихся самой возможности их участия в проектной деятельности. По результатам исследования делается вывод о том, что принадлежность к любой детской общественной организации положительно влияет на понимание учащимися своих гражданских прав, свобод и обязанностей, на разделение существующих в государстве ценностей, а также на уровень ответственности за свой нравственный выбор и уровень толерантности в отношении нравственного выбора другого человека. Делается предположение о том, что деятельностный компонент гражданской идентичности у учащихся, являющихся членами Российского движения школьников, развит лучше всего благодаря использованию организацией проектной деятельности как основного способа содействию передачи обучающимся ценностей, необходимых для становления гражданской идентичности личности.

© Немков П. А., 2020

Ключевые слова: гражданская идентичность, социальная идентичность, национальная идентичность, идентичность личности, гражданственность, ценности, Российское движение школьников, проектная деятельность.

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

P. A. Nemkov

The formation of students' civil identity as part of russian student movement's activity

The article examines the most important problem of the formation of civic identity of students within the framework of children's social movements, especially the Russian movement of schoolchildren. In the theoretical part of the article, as a result of the analysis of a number of works of foreign and domestic researchers, the definition of the concept of civic identity is derived, including as part of a person's social identity; its significant differences from ethnic and national identity, its connection with the concept of citizenship, as well as the structural components of the concept of "civil identity" are considered. The article provides a description of the research methodology devoted to the study of the degree of formation of the components of civic identity among students of the 7th-9th grades of general educational organizations in Moscow (depending on their affiliation with the Russian movement of schoolchildren, any other children's social organization or lack of such affiliation). A hypothesis is also put forward about the significant role in the formation of the civic identity of students of the very possibility of their participation in project activities. According to the results of the study, it is concluded that belonging to any children's social organization has a positive effect on students' understanding of their civil rights, freedoms and responsibilities, on the separation of values existing in the state, as well as on the level of responsibility for their moral choice and the level of tolerance in relation to moral choosing another person. It is suggested that the activity component of civic identity among students who are members of the Russian schoolchildren movement is best developed due to the organization's use of project activities as the main way to facilitate the transfer of values to students, necessary for the formation of civic identity.

Key words: civil identity, social identity, national identity, personal identity, civics, values, Russian student movement, project activity.

Введение

В современном мире повсеместно признано стремление детей к самореализации, партнерству со взрослыми и участию в преобразовании окружающей действительности.

Содействие содержательному и качественному участию молодых людей в гражданской деятельности имеет исключительное значение для обеспечения их всестороннего развития. Ребенок, которому с детства прививают активный интерес к

происходящему в мире, в обществе, будет обладать потенциалом к развитию, приобретет такие качества как уверенность в себе, целеустремленность и способность вносить вклад в общественный диалог и практику социальных отношений в детской среде, обществе и стране. Иными словами, он приобретет гражданскую идентичность, необходимую для интеграции, единства и целостности личности в роли гражданина российского государства.

К понятию гражданской идентичности традиционно обращаются социологи, однако, мы считаем, что его следует рассматривать также и в области психологии и педагогики, так как именно в сфере образования и воспитания можно достичь максимальной эффективности использования различных видов деятельности для формирования представлений индивида о себе как о гражданине государства, на территории и в обществе, которого он проживает. Кроме того, образовательное пространство способствует развитию социальной мотивации к активному участию в гражданской деятельности, предоставляя детям спектр возможностей для совместного самовыражения в позиции деятеля, преобразователя, открывателя, охранителя, творца и созидателя.

В последнее время актуальность проблемы формирования гражданской идентичности обусловлена не только и не столько необходимостью укрепления гражданского об-

щества, сколько особенностями сложившейся социально-педагогической ситуации, характеризующейся значительным расширением культурного состава учащихся общеобразовательных организаций. Активная ассимиляция детей с различной национальной и этнической принадлежностью требует от них развитых коммуникативных навыков и толерантности к свободе выбора и способам самутверждения окружающих, а также ответственности за выбираемые общественно-приемлемые способы обустройства жизни в коллективе.

В России формирование гражданской идентичности закреплено в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года в качестве одной из целей, необходимой для формирования гармоничной личности в условиях деятельности любой образовательной организации. Разделяя данную позицию, Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников» (далее – Российское движение школьников) претендует стать важной площадкой гражданской социализации подрастающего поколения и предлагает использовать для содействия становлению гражданской идентичности своих подопечных проектную деятельность, которая является одним из наиболее эффективных средств, способствующих становлению человека как личности через его вовлечение в

творческую коммуникацию с другими участниками соответствующей социальной группы.

Таким образом, *цель нашей работы* – изучить особенности формирования гражданской идентичности молодых людей в рамках детских общественных движений.

Для достижения цели нами были поставлены следующие задачи: дать определение понятию «гражданская идентичность» как части идентичности личности; провести опрос среди ряда участников Российского движения школьников с целью выявления их понимания сущности гражданской идентичности и определения уровня ее сформированности, а также оценить эффективность проектной деятельности в процессе формирования гражданской идентичности с точки зрения учащихся; проанализировать ответы респондентов разных возрастных групп; предложить способы формирования и укрепления гражданской идентичности учащихся средних и старших классов на примере Российского движения школьников, в том числе в рамках проектной деятельности.

Объект исследования – участники Российского движения школьников из числа учащихся седьмых – девярых классов общеобразовательных организаций г. Москвы.

Предмет исследования – влияние участия обучающихся в деятельности детских общественных движений (таких как Российское движение школьников) на форми-

рование гражданской идентичности молодых людей.

Обзор литературы

Понятие идентичности прочно вошло в науку в начале XX в. благодаря работам выдающегося американского психолога и психоаналитика Э. Эриксона, который предложил считать идентичность многоуровневым внутриличностным образованием, имеющим сложное социально-культурное основание. Э. Эриксон рассматривает идентичность на трех уровнях человеческой природы – индивидуальном, личностном и социальном. По мнению Э. Эриксона, на индивидуальном уровне идентичность формируется как результат осознания человеком себя в качестве объекта с неизменными характеристиками: такими, как темперамент, физический облик и собственное прошлое. На втором, личностном уровне, идентичность приравнивается к переживанию собственной неповторимости, а также неповторимости своего жизненного опыта. Наконец, на третьем уровне формируется социальная идентичность человека, которую можно определить как внутреннюю солидарность с существенными для какой-либо социальной группы идеалами.

Здесь также следует отметить, что Эриксон относил процесс формирования идентичности человека на всех трех уровнях к возрастному периоду 12–18 лет, то есть возрасту современного учащегося 6–11 клас-

са. Именно в это время человек соединяет все, что он знает о себе в качестве исполнителя тех или иных социальных ролей, в единое целое, тем самым формируя у себя внутреннюю устойчивость, развивая лидерские качества и проектируя собственное будущее. Немаловажную роль в данном процессе, по мнению Э. Эриксона, играет наличие у человека в этот период ролевых моделей, доступных для общения и получения поддержки [Эриксон, 1996]. Данную точку зрения из отечественных исследователей поддерживает, в частности, Л. М. Дробижева, которая говорит о формировании идентичности в двух плоскостях коммуникации – горизонтальной, что применительно к учащимся будет означать общение с другими детьми в своем классе и за его пределами, и вертикальной, то есть в межличностных отношениях с вышестоящими в социальной иерархии взрослыми [Дробижева, 2017].

Теорию социальной идентичности как части идентичности личности продолжил разрабатывать английский психолог А. Тэшфел. Он понимал социальную идентичность как осознание индивидом своей принадлежности к определенной социальной группе (одной или нескольким) в сочетании с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым факту этой принадлежности. При этом процесс формирования социальной идентичности по А. Тэшфелу было бы пра-

вильнее назвать усвоением или присвоением индивидом норм, ценностей и правил, основополагающих для участников выбранной им социальной группы. Его последователь Дж. Тёрнер, напротив, считает поведение участников социальной группы не причиной, а результатом восприятия индивидами себя как членов данной группы и объясняет их стремление к формированию своей социальной идентичности потребностью в социальной ориентации и принадлежности к какой-либо общности [Сушков, 1993].

Понятие гражданской идентичности, в отличие от идентичности социальной, появилось в современной педагогической науке куда позже и до сих пор не получило единого устоявшегося определения, в особенности у отечественных исследователей. Так, Г. Б. Мазилова приравнивает гражданскую идентичность к этнической, а Д. В. Григорьев, И. Ю. Киселев и А. Г. Смирнова – к национальной [Григорьев, 2016; Смирнова, 2002; Мазилова, 2010].

Несмотря на то, что все перечисленные виды идентичности способствуют реализации базовой потребности личности в принадлежности к группе, мы не согласны с тем, что гражданскую идентичность можно считать равной этнической или национальной, поскольку гражданская идентичность, в отличие от двух других видов идентичности, неразрывно связана с по-

нятием гражданственности как социально значимых нравственно-ценностных ориентиров, формирующих чувство причастности к своему государству и определяющих установку на активное участие в решении общественных проблем [Волошин, 2011]. В то же время национальная идентичность представляет собой скорее социальный конструкт, который складывается из общности целей и ценностей граждан различного этнического происхождения, объединенных территориально установленным государственным порядком [Николаева, 2011].

Гражданскую идентичность как часть социальной рассматривает Р. Ю. Шикова. Она в некотором роде продолжает традицию Дж. Тёрнера и считает «формирование гражданской идентичности результатом процесса самоотождествления индивида с конкретными социальными группами на когнитивном и эмоциональном уровнях личности» [Шикова, 2009, с. 48]. Похожей точки зрения придерживается Г. М. Андреева, понимая под гражданской идентичностью «осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан конкретного государства, имеющее для индивида особый смысл» [Андреева, 2000, с. 24]. Наконец, «формирование гражданской идентичности можно считать частью процесса социального развития личности, который подразумевает усвоение ею совокупности норм, ценностей и соци-

ально-психологических механизмов, обеспечивающих успешную деятельность человека в обществе» [Гущина, 2019, с. 9].

Через призму деятельности гражданскую идентичность видит Т. В. Водолажская. По ее мнению, «гражданская идентичность определяется не только личной оценкой индивидом своего гражданского статуса, но и его способностью и готовностью выполнять связанные с наличием гражданства обязанности, пользоваться соответствующими правами, а также принимать активное участие в жизни государства» [Водолажская, 2010, с. 141].

Что же касается функций гражданской идентичности, то наиболее важными из них являются самореализация, самовыражение и отождествление себя с референтной социальной группой [Кравченко, 2012].

Исходя из анализа перечисленных терминов, мы предлагаем рассматривать гражданскую идентичность как часть социальной идентичности индивида, которая связана с восприятием социально-политических, экономических и культурных сторон жизни страны, а также выражается в готовности разделить ответственность, требования, нормы и ценности своего государства [Иванова, 2007].

Таким образом, гражданскую идентичность следует рассматривать как сложный социально-нравственный феномен, который И. С. Ерёмина раскладывает на не-

сколько уровней: уровень развития политической сознательности и культуры; уровень усвоения правовых знаний и обязанностей; уровень личностного присвоения гражданских ценностей; уровень включения личности в систему ответственной зависимости и нравственного выбора в условиях общественной практики и общественных отношений [Ерёмина, 2012].

Аналогичную классификацию предлагает А. Г. Асмолов, который выделяет в структуре личности следующие компоненты: эмоционально-оценочный (наличие мнения о текущих общественно-политических событиях); когнитивный, или познавательный (наличие знания о правовых основах организации общества); ценностно-ориентировочный, или аксиологический (уважение прав других людей на свободный и ответственный выбор своей позиции по отношению к социально-политическим явлениям современности); поведенческий (участие в общественной жизни и способность противостоять противоправным поступкам и действиям) [Асмолов, 2011].

Данное разделение показалось нам достаточно удобным и подходящим для структуризации исследования в том числе, потому что, изучая гражданскую идентичность на разных уровнях, мы имеем возможность определить, может ли степень сформированности компонентов отличаться у одного и того

же респондента. Кроме того, указанная классификация позволила нам уделить особое внимание последнему, деятельностному компоненту, который видится нам наиболее значимым в структуре гражданской идентичности личности, так как неразрывно связан с миссией Российского движения школьников в области гражданской идентичности – расширением конструктивного участия молодых людей в принятии решений, затрагивающих их права и интересы в различных формах общественных отношений, самоорганизации, самоуправления и общественно-значимой деятельности. Однако при разработке анкеты мы также уделили особое внимание вопросу гражданского самосознания учащихся, которое, по данным отечественных исследователей, недостаточно интенсивно выражено и зачастую носит формальный характер, причем ситуация по мере взросления детей и их перехода в категорию «молодежи», к сожалению, не меняется [Бугайчук, 2018].

Методология исследования

В ходе решения поставленных задач и проверки гипотезы нами были использованы теоретические методы исследования: анализ, сравнение, обобщение и синтез; эмпирический метод исследования: анкетирование.

Следует отметить, что из всех существующих методов социологических исследований мы выбрали

анкетирование, поскольку данный инструмент обладает высокой оперативностью получения информации и позволяет добиться отсутствия влияния интервьюера на ответы и поведение респондента, что критично в случае работы с подростками. Кроме того, исследование было проведено дистанционно – не только из-за сложившейся эпидемиологической ситуации в Москве, но и с целью максимального снижения влияния на ответы учащихся взрослых (педагогов, родителей), присутствующих во время проведения анкетирования.

Анкета была собрана с помощью сервиса Google Forms и не позволяла отвечать одному респонденту более одного раза, что также способствовало повышению достоверности ответов.

Генеральная совокупность исследования включала в себя всех учащихся 7-9 классов общеобразовательных организаций г. Москвы, в том числе принадлежащих к Российскому движению школьников.

Социально-демографический блок анкеты предназначался для классификации ответов респондентов в соответствии со следующими критериями: проживание в г. Москве, посещение общеобразовательной организации, обучение в 7-9 классах и принадлежность к детско-юношеской общественной организации.

Всего на вопросы анкеты ответило 815 учащихся, отвечавших критериям проживания в Москве и

обучения в 7-9 классах общеобразовательной организации. Из них 214 респондентов состояли в рядах Российского движения школьников, 128 принадлежали к какому-либо другому детскому общественному движению (например, Юнармии), а 473 не являлись участниками ни одной детской общественной организации. Методом простой случайной выборки мы отобрали 300 анкет – по 100 для каждой из трех указанных категорий, – которые и были проанализированы.

Гипотеза нашего исследования заключалась в следующем: у учащихся московских общеобразовательных организаций, принимающих активное участие в деятельности какой-либо детско-юношеской общественной организации, гражданская идентичность сформирована лучше, чем у их ровесников, не принадлежащих ни к одному из подобных движений. Также мы сделали предположение о том, что на формирование гражданской идентичности участников Российского движения школьников положительно влияет проектная деятельность, в которую они вовлечены.

Для проверки гипотезы респондентам было предложено заполнить основную часть анкеты, состоящую из 20 утверждений, каждое из которых было связано с эмоциональным, познавательным, ценностным или деятельностным компонентом гражданской идентичности. Отвечаящим предлагалось оценить соответствие каждого утверждения

своему переживанию гражданской идентичности по шкале от 1 до 5, где «1» означала минимальное соответствие указанному утверждению, «3» – среднее, а «5» – максимальное.

Результаты исследования

Поскольку социально-демографическая часть анкеты нам необходима исключительно для фильтрации респондентов и классификации их ответов, мы сразу

переходим непосредственно к содержательной части.

Итак, после обработки 300 заполненных анкет мы получили следующую картину уровня сформированности гражданской идентичности учащихся 7-9 классов общеобразовательных организаций г. Москвы (см. табл. 1).

Таблица 1.

Уровень сформированности гражданской идентичности учащихся 7-9 классов общеобразовательных организаций г. Москвы

Уровень развития составляющих гражданской идентичности (в %)	Участники Российского движения школьников			Участники других детских общественных движений			Не принадлежат ни к одному общественному движению		
	Класс								
	7	8	9	7	8	9	7	8	9
Эмоционально-оценочная составляющая	78	85	80	79	87	90	65	72	75
Когнитивная составляющая	68	72	82	71	75	82	52	65	68
Аксиологическая составляющая	79	80	85	75	82	80	73	77	78
Поведенческая составляющая	95	92	90	82	85	87	55	61	58

Анализируя полученные результаты, можно смело говорить о том, что детские общественные движения, такие как Российское движение школьников, Юнармия и другие, хорошо справляются с задачей формирования гражданской идентичности молодых людей в целом – уровень сформированности ее компонентов у их участников на 10-15% выше, чем у учащихся, не

принадлежащих ни к одной аналогичной организации, причем данный результат не зависит от возраста детей, что может говорить об эффективности коммуникативной стратегии организации и важности принадлежности к ней в глазах самого молодого человека. Особенно заметна эта разница при анализе когнитивной составляющей, что свидетельствует о необходимости

повсеместного повышения осведомленности учащихся об их гражданских правах и обязанностях, а также об устройстве государства.

Особенно хочется отметить тот факт, что участие в деятельности общественной организации крайне положительно влияет на поведенческую составляющую гражданской идентичности: у участников Российского движения школьников ее сформированность варьируется от 90 до 95 %, а у членов других общественных организаций – от 82 до 87 %, в то время как показатели учащихся, не задействованных в деятельности ни одного движения, едва достигают 60 %. Небольшое снижение данного показателя от 7 к 9 классу, очевидно, объясняется постепенным увеличением загруженности детей и сокращением времени на внешкольную деятельность.

Тем не менее, следует отметить небольшую разницу в уровне сформированности отдельных компонентов между участниками Российского движения школьников и членами других общественных движений. Так, когнитивная составляющая гражданской идентичности у респондентов из обеих категорий развита примерно в равной степени, аксиологическая чуть лучше сформирована у участников Российского движения школьников, а вот эмоционально-оценочная – у молодых людей из других общественных организаций. Это говорит о том, что Российское движение школьников хорошо справляется с задачей донесе-

ния и развития нравственных и ценностных ориентиров, формирующих чувство причастности к своему государству и определяющих установку на активное участие в решении общественных проблем. В то же время, организации, вероятно, следует обратить внимание на то, насколько ее участники способны сформировать, сформулировать и донести свое мнение по поводу происходящих в стране и мире политических событий, а также аргументировать свою оценку.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного нами исследования говорят о том, что участие молодых людей в деятельности детских общественных движений (таких, как Российское движение школьников и других), безусловно, положительно влияет на формирование гражданской идентичности детей, что подтверждает основную часть нашей гипотезы. К сожалению, говорить о положительном влиянии конкретно проектной деятельности на формирование гражданской идентичности членов общественного движения пока невозможно. Тем не менее, именно деятельностный компонент у учащихся, являющихся членами Российского движения школьников, развит сильнее всего.

Российское движение школьников планирует и дальше развиваться в данном направлении, в том числе через проектную деятельность. Среди действующих проек-

тов, направленных на создание условий для развития и поддержки опыта гражданской деятельности учащихся, ключевым является «РДШ – Территория самоуправления», который, в свою очередь, является частью глобальной платформы для реализации кадровых, социальных и образовательных инициатив «Россия – страна возможностей». За создание эффективной системы развития добровольчества в общеобразовательных организациях отвечает конкурс школьных добровольческих отрядов «Добро не уходит на каникулы»: в 2020 году в нем приняли участие 982 школьных волонтерских отряда из 85 регионов России. Он входит в направление «Гражданская активность» Российского движения школьников вместе с экологическим проектом «Эко-тренд», который включает в себя как командное соревнование экологических отрядов, так и индивидуальный конкурс для участников, не имеющих возможности вступить в такие отряды. Кроме того, участники движения ежегодно проявляют себя в конкурсе «Лучшая команда РДШ», рассказывая о своих социально-значимых инициативах.

В 2020 году в направлении «Гражданская активность» было открыто поднаправление «Гражданская идентичность», реализацией деятельности которого будет заниматься отдел реализации проектов и программ в сфере гражданской идентичности. В соответствии

с разработанной Концепцией его развития, в Российском движении школьников планируются к запуску такие проекты как «Академия Гражданина», «Дискуссионный клуб РДШ», «Командная лаборатория “КоЛаб”» и «Твой выбор».

«Академия Гражданина» ставит своей целью усвоение системы гражданских знаний и норм, позволяющих учащемуся осуществлять целенаправленную гражданскую деятельность и функционировать в качестве полноправного члена общества. Проект реализуется на платформе «Корпоративный университет Российского движения школьников» и включает в себя обучающий курс с практическими заданиями и проводимую дважды в год олимпиаду. Проект «Дискуссионный клуб» нацелен на помощь в формировании гражданской позиции учащихся на происходящие вокруг события, на ценности и воззрения путем их обсуждения в группе вместе с педагогом. Проект «Командная лаборатория “КоЛаб”» подразумевает работу команд минимум из трех человек, состоящих из представителей одной социальной группы, над кейсами семейного, школьного или районного масштаба. Наконец, «Твой выбор» – это серия занятий для учащихся начальных классов, которая знакомит их с тем, как устроена процедура организации и проведения голосования в нашей стране.

Все перечисленные проекты из поднаправления «Гражданская

идентичность» объединены целью создания в ценностно-воспитательном пространстве Российского движения школьников системы практик гражданского становления обучающихся, обеспечивающей усвоение норм социальной солидарности и приобретение опыта гражданской деятельности и бу-

дут запущены в 2021 году. Мы планируем оценить результат их влияния на формирование гражданской идентичности их участников аналогичным образом и только тогда сделать окончательный вывод об эффективности проектной деятельности в рассматриваемом нами процессе.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. Москва : Аспект Пресс, 2000. 375 с.
2. Асмолов А. Г. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии: монографии в 2 ч. / А. Г. Асмолов, О. А. Карабанова, Т. Д. Марциновская. Москва : Федеральный ин-т развития образования, 2011. Ч. 2. 339 с.
3. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности / Т. В. Бугайчук, Коряковцева О. А. // Социально-политические исследования. 2019. №1. С. 5–15.
4. Водолажская Т. В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6. С. 140–142.
5. Волошин П. Н. Внеклассная деятельность как средство воспитания гражданственности младших школьников // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. №3. С. 74–77.
6. Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». 2016. Режим доступа: <http://proektpatriot2/jimdo.com> /гражданская-идентичность. (Дата обращения: 30.08.2020).
7. Гущина Т. Н. Результаты опытно-экспериментальной работы по социальному развитию детей в дополнительном образовании // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 3. С. 8–15.
8. Дробижева Л. М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7–22.
9. Ерёмкина И. С. Сущность проявления феномена гражданственности в структуре личности // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 9. С. 15–35.
10. Кравченко Н. Ю. Методологические аспекты исследования гражданской идентичности // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. № 4. С. 3–7.
11. Мазилова Г. Б. Гражданская идентичность и формирование гражданственности // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2010. № 4. С. 11–15.

12. Иванова Н. Л. Гражданская идентичность как социальный капитал // Модернизация экономики и общественное развитие: сборник материалов VIII Международной научной конференции. 3–5 апреля 2007 г. Москва : НИУ ВШЭ, 2007. 600 с.

13. Николаева А. А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности // Вестник практической психологии образования. Москва: изд-во Московского государственного психолого-педагогического университета. 2011. № 4. С. 67–70.

14. Смирнова А. Г. Идентичность в меняющемся мире : учеб. пособие / А. Г. Смирнова, И. Ю. Киселев ; науч. ред. проф. В. Е. Семёнов. Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2002. 300 с.

15. Сушков И. Р. Социально-психологическая теория Дж. Тернера // Психологический журнал. 1993. № 3. С. 117–121.

16. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 46–49.

17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых ; пер. с англ. Москва : Прогресс, 1996. 340 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Andreeva G. M. Psihologija social'nogo poznanija. Moskva : Aspekt Press, 2000. 375 s.

2. Asmolv A. G. Kak rozhdaetsja grazhdanskaja identichnost' v mire obrazovaniya: ot fenomenologii k tehnologii: monografii v 2 ch. / A. G. Asmolv, O. A. Karabanova, T. D. Marcinovskaja. Moskva : Federal'nyj in-t razvitija obrazovaniya, 2011. Ch. 2. 339 s.

3. Bugajchuk T. V. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v uslovijah social'no-politicheskoj real'nosti / T. V. Bugajchuk, Korjakovceva O. A. // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. №1. S. 5–15.

4. Vodolazhskaja T. V. Identichnost' grazhdanskaja // Obrazovatel'naja politika. 2010. № 5–6. S. 140–142.

5. Voloshin P. N. Vneklassnaja dejatel'nost' kak sredstvo vospitaniya grazhdanstvennosti mladshih shkol'nikov // Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika, psihologija. 2011. №3. S. 74–77.

6. Grigor'ev D. V. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti sovremennogo shkol'nika // Internet-konferencija «Perspektiva grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya v sisteme obrazovaniya». 2016. Rezhim dostupa: [http://proektpatriot2/jimdo.com /grazhdanskaja-identichnost'](http://proektpatriot2/jimdo.com/grazhdanskaja-identichnost/). (Data obrashhenija: 30.08.2020).

7. Gushhina T. N. Rezul'taty opytно-jeksperimental'noj raboty po social'nomu razvitiju detej v dopolnitel'nom obrazovanii // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2019. № 3. S. 8–15.

8. Drobizheva L. M. Dinamika grazhdanskoj identichnosti i ee resurs v pozitivnyh integracionnyh processah rossijskogo obshhestva // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2017. № 4. S. 7–22.

9. Erjomina I. S. Sushhnost' projavlenija fenomena grazhdanstvennosti v strukture lichnosti // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 9. S. 15–35.
10. Kravchenko N. Ju. Metodologicheskie aspekty issledovanija grazhdanskoj identichnosti // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Sociologija. Politologija. 2012. № 4. S. 3–7.
11. Mazilova G. B. Grazhdanskaja identichnost' i formirovanie grazhdanstvennosti // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija, 2010. № 4. S. 11–15.
12. Ivanova N. L. Grazhdanskaja identichnost' kak social'nyj kapital // Modernizacija jekonomiki i obshhestvennoe razvitie: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 3–5 aprelja 2007 g. Moskva : NIU VShJe, 2007. 600 s.
13. Nikolaeva A. A. Grazhdanskaja identichnost' v strukture social'nyh identichnostej lichnosti // Vestnik prakticheskoj psihologii obrazovanija. Moskva : izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo psihologo-pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 4. S. 67–70.
14. Smirnova A. G., Kiselev I. Ju. Identichnost' v menjajushhemsja mire : ucheb. posobie / A. G. Smirnova, I. Ju. Kiselev ; nauch. red. prof. V. E. Semjonov. Jaroslavl' : Izd-vo JarGU, 2002. 300 s.
15. Sushkov I. R. Social'no-psihologicheskaja teorija Dzh. Ternera // Psihologicheskij zhurnal. 1993. № 3. S. 117–121.
16. Shikova R. Ju. Grazhdanskaja obshherossijskaja identichnost' (sociologicheskij aspekt) // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1: Regionovedenie: filosofija, istorija, sociologija, jurisprudencija, politologija, kul'turologija. 2009. № 1. S. 46–49.
17. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis / obshh. red. i predisl. A. V. Tolstyh ; per. s angl. Moskva : Progress, 1996. 340 s.

З. И. Лаврентьева

УДК 37.0+37.018.11

<https://orcid.org/0000-0001-9428-497X>

Методология исследования приемной семьи как педагогического феномена

Для цитирования: Лаврентьева З. И. Методология исследования приемной семьи как педагогического феномена // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 135-146. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-135-146

Целью данной статьи является определение дополнительных знаний о приемной семье посредством использования феноменологического методологического подхода. Принципы феноменологии позволяют обратиться к чувственным восприятиям того или иного исследуемого объекта. Основная задача феноменологического подхода в изучении приемной семьи заключается в том, чтобы выявить, как современниками осознается сама сущность новой формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения, какие переживания она вызывает у детей и родителей, как данное осознание отражается на процессах организации жизнедеятельности приемной семьи.

Автор приходит к выводу, что в настоящее время происходит активное становление научного понятия приемной семьи, и в этом процессе ведущее значение отводится педагогическим исследованиям. В полном объеме раскрыта педагогическая сущность приемной семьи, широко представлены педагогические функции приемной семьи, выявлены особенности содержания воспитания в приемных семьях, определена степень взаимодополнения семейного и коррекционного воспитания, дифференцированы профессиональная и родительская позиции в процессе воспитания ребенка в приемной семье. Вместе с тем, недостаточно изучены проблемы взаимоотношений между приемными и кровными детьми, слабо представлена отцовская позиция, мало исследований о приемных семьях с детьми с ограниченными возможностями здоровья, не изучено отношение детей к приемной семье по сравнению с другими формами семейного устройства сирот.

Феноменологический подход, выявляя внутреннее состояние жизнедеятельности приемной семьи, открывает новые грани исследования, позволяющие более точно определять ресурсы и риски воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: методология исследования, феноменология, педагогические феномены, педагогический процесс, жизнедеятельность, воспитание, приемная семья, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, приемные родители.

Z. I. Lavrentyeva

Methodology for studying the foster family as a pedagogical phenomenon

The purpose of this article is to determine additional knowledge about the foster family with a phenomenological methodological approach. The principles of phenomenology allow us to refer to the sensory perceptions of a particular object under study. The main task of the phenomenological approach to the study of the foster family is to reveal how contemporaries understand the very essence of the new form of family arrangement of orphans and children left without care, what experiences it causes in children and parents, how this awareness is reflected in the processes of organization life of the foster family.

The author concludes that at present, there is an active formation of the scientific concept of a foster family, and in this process, the leading importance is giving to pedagogical research. The pedagogical essence of the foster family is fully disclosed, the pedagogical functions of the foster family are widely presented, the features of the content of upbringing in foster families are revealed, the degree of complementarity of family and correctional upbringing is determined, the professional and parental positions in the process of raising a child in a foster family are differentiated. At the same time, the problems of relationships between adoptive and natural children have not been sufficiently studied, the paternal position is poorly represented, there is little research on foster families with children with disabilities, the attitude of children to foster families has not been studied in comparison with other forms of family placement of orphans.

The phenomenological approach, revealing the internal state of life of the foster family, opens up new facets of research, which allows determining the resources and risks of raising orphans and children left without parental care.

Key words: research methodology, phenomenology, pedagogical phenomena, pedagogical process, vital activity, education; foster family, orphans and children left without parental care, adoptive parents.

Введение

В жизнь всего человечества и отдельных людей в последнее время постоянно и настойчиво врываются все новые и новые феномены. Чаще всего они представляют какое-то редкое, необычное, исключительное явление, воспринимающееся чувственным опытом. Постепенно вновь рождающиеся феномены привлекают внимание все большего количества людей и требуют договоренности в их понима-

нии, наиболее полного и максимально достоверного раскрытия его смысла, первоначально затемненного разноречивыми мнениями, словами и оценками. Возникает объективная потребность осознания феномена, вскрытия его сущности, связей с другими явлениями окружающей действительности.

Приемная семья, несомненно, относится к данным феноменам современного общества. Это объясняется тем обстоятельством, что от

времени введения самого термина «приемная семья» в Семейном кодексе Российской Федерации в 1996 году не прошло и 25 лет. Как вновь возникший и не устоявшийся феномен приемная семья нуждается в научном объяснении и может быть выделена из многообразия других сходных явлений в самостоятельный научный объект исследования. *Целью данной статьи* является феноменологический анализ приемной семьи.

Методология исследования

Научные исследования того или иного феномена играют ключевую роль в его познании. Научные объяснения феноменов строятся на открытии нового знания, на выявлении законов и закономерностей существования явлений и процессов действительности, на вскрытии механизмов, по которым они возникают, функционируют и развиваются. Целью научного познания феномена выступает сбор, накопление, классификация, анализ, обобщение, передача и использование достоверных сведений, построение теорий и выявление способов внедрения их в практику. Научный подход к познанию феномена позволяет искусственно выделить его из ряда других явлений и процессов, отбросить все, что не связано с данным феноменом существенно, представить его объектом исследования. Именно такие научные действия позволяют выявить в феномене совокупность устойчивых признаков, дать ему

определение с точки зрения принадлежности к какой-либо категории действительности, выделить критерии и принципы, присущие данному феномену. Научное целенаправленное знание отражает практику. Оно системно организовано и имеет свой строгий язык, недопускающий смешение понятий. Научные сведения о феноменах включают в себя максимально возможное (оптимальное) число значимых параметров, которые многократно повторяются, перепроверяются с точки зрения различных теорий. Наука стремится проникнуть в сущность происходящего с феноменом, определить перспективы и отыскать пути решения практических задач, связанных с изучаемыми процессами.

Как феномен, в который вовлечено огромное количество людей, приемная семья наполняется множеством смыслов, обрастает эмоциональными оценками, индивидуальными суждениями и домыслами.

Несомненно, ведущую роль в понимании приемной семьи как социально-педагогического феномена может сыграть феноменологический *подход* [Гуссерль, 2001]. Его следует отнести к методологическим подходам понимающего характера. Феноменологическая установка нацелена не на восприятие известных и выявление еще не известных свойств, функций предмета, а на сам процесс его восприятия. Целью феноменологического исследования, по мнению его основоположника Э. Гуссерля, является

раскрытие структуры того или иного переживания и смысла, который имеет для человека определенный предмет, ситуация, событие или какой-то аспект собственной жизнедеятельности.

Основная цель феноменологического подхода в изучении приемной семьи заключается в том, чтобы выявить, как шаг за шагом осознается сама идея принятия ребенка в семью, как данное осознание отражается на реальности семьи. По сути, феноменологический подход служит поиску «неопровержимых данных», «стабильных очевидностей», заложенных в сознании участников педагогической реальности приемной семьи. С позиций феноменологического подхода приемная семья выступает как объективный социальный феномен, истинную сущность которого можно установить с помощью отказа от поверхностных суждений и определения объективных теоретико-методологических оснований, лежащих в основе осознанного знания о процессах и явлениях, происходящих в приемной семье.

Объектом исследования в ракурсе феноменологии, с одной стороны, становится единство опыта и его понимания. Так как опыт приемных семей очень по-разному понимается обществом, сопровождающими специалистами, родителями и самим приемным ребенком, необходимо учитывать эти субъективные миры, чтобы более тонко

управлять педагогическими процессами.

С другой стороны, феноменологический подход признает отказ от навязываемых схем, догм, шаблонных ходов мышления. Он максимально допускает творчество в осознании содержания, форм и методов организации отношений и деятельностей в приемной семье. Соединение этих двух направлений лежит в области педагогической рефлексии.

Понимание сущности и закономерностей развития приемной семьи может быть основано на анализе «произнесенных» всеми участниками собственных смыслов о ней. Текст, говорение, как утверждает С. А. Расчетина, «освобождает от существующих стереотипов мнений, восстанавливает позитивное отношение к себе, отмежевание от неуспешности на основе включения в социализирующие виды деятельности и отношений» [Расчетина, 2014, с. 81]. Следовательно, речи, высказывания приемных родителей и приемных детей могут быть предметом исследования, раскрывающим латентные возможности приемной семьи.

Выполненная на основе феноменологического подхода работа Т. Е. Котовой убедительно доказывает, что «авторская позиция в совершении значимых жизненных событий, опыт кризисных переживаний, реализация значимых жизненных смыслов и ценностей в сфере родительства в большей сте-

пени влияют на процесс принятия решения быть замещающим родителем, чем социально-психологические факторы (особенности культуры, система социальной поддержки, общественные установки)» [Котова, 2011, с. 5].

Феноменологический подход предоставляет возможность прийти к пониманию внутреннего мира приемного ребенка и приемного родителя, соприкоснувшись с его опытом, доверяя его самостоятельным выводам и объяснениям, разворачивая глубинные смыслы и ценности выборов.

Результаты исследования

Феноменологический подход дает основание рассматривать приемную семью, прежде всего, как социальный феномен. В обыденном сознании семья как «приемная» связывается с этимологическим смыслом русского слова «принимать», то есть брать к себе, вмещать в себя, давать приют. Тогда приемной семьей можно назвать и семью опекунскую, и семью патронатную, и семью усыновителей, берущих к себе на воспитание детей-сирот или детей, оставшихся без попечения родителей. Как показывают социологические исследования, именно в таком, самом общем смысле, современным гражданским сообществом понимается феномен приемной семьи. Так, в исследовании Е. С. Коровиной, которое она провела в Ярославской области, было выявлено, что большинство ре-

спондентов не владеют информацией о формах устройства детей, не знают о перспективах приемной семьи. При этом, знания по вопросам организации семьи с усыновленным ребенком существенно выше, чем знания об организации приемной семьи. Большинство из отвечавших согласилось с правильными утверждениями об усыновлении ребенка, а в вопросе, где нужно было выбрать утверждения, относящиеся к особенностям приемной семьи, правильные ответы на большинство вопросов выбрало менее четверти всех опрашиваемых. Это показывает, что о консервативной форме устройства детей-сирот, которая существует много столетий, общество знает, а о приемной семье, как инновационной форме со своими специфическими особенностями, жители города Ярославля имеют недостаточное представление [Коровина, 2020].

Кстати, сами приемные родители, которые хорошо знакомы с нормативно-правовыми особенностями открытия и существования приемной семьи как специфической, особой, инновационной формы опеки, тоже склонны свою приемную семью воспринимать как более широкий социальный феномен. Приемные родители выражают по отношению к большинству принятых детей подлинно родительские чувства «радости материнства», «счастья, что ты нужен», «возможность отдать любовь», «ощущение полноценности семьи», что вполне

справедливо дает основание исследователям квалифицировать приемную семью как «фактическое открытое усыновление» [Гурко, 2009, с. 136]. М. В. Антокольская даже заявляет, что «приемная семья является гибридной формой, содержащей в себе некоторые черты опеки, детского учреждения и усыновления» [Антокольская, 1999, с. 311].

Следовательно, внешняя, юридическая оболочка приемной семьи не совпадает с внутренним ощущением и самопониманием эмоционально-нравственного восприятия сути самого феномена приемной семьи. Приемная семья одновременно как бы выделяется в особый вид семьи для ребенка-сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей, и обладает всеми признаками любой другой принимающей семьи.

Более того, в публицистической и научно-популярной литературе постоянно предлагают сопряженные термины для обозначения самого феномена новой для ребенка семьи – принимающая, замещающая, некровная, что еще четче подчеркивает его традиционно национальный смысл – наставническую ответственность за принятие чужого ребенка в своей семье. Близкие по звучанию и смыслу слова «приемная», «принимающая», «замещающая», «семья с приемными детьми», «замещающая семейная забота» приводят к деформации

суть и неоднозначности трактовки феномена приемной семьи.

Таким образом, в настоящее время приемная семья в общественном сознании, публицистической, а иногда и в научной литературе не выделяется в отдельный, специфический тип семьи для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Она воспринимается в широком смысле слова – как семья, принимающая под свою опеку некровного ребенка.

Феноменом продолжает оставаться приемная семья и с *правовой* точки зрения. По Закону Российской Федерации «Об опеке и попечительстве» особенностью приемной семьи выступает то обстоятельство, что родители (родитель) получают за свой труд заработную плату. По меткому выражению кандидата юридических наук О. В. Фетисовой, приемную семью можно определить, как «платное семейное воспитание» [Фетисова, 2005, с. 133]. Однако яблоком юридического раздора остается отраслевая принадлежность договора о передаче ребенка в приемную семью. И. В. Дрожжина отмечает, что в современной юридической литературе сложилось пять основных позиций по определению отраслевой принадлежности договора о передаче ребенка в приемную семью. Этот договор можно рассматривать как трудовые; семейно-правовые; гражданско-правовые; административные и смешанные отношения [Дрожжина, 2011]. Для раскрытия

феномена приемной семьи центральное место занимают три первые позиции.

В условиях признания приоритета трудового характера договора в центр внимания ставится задание, которое выдается приемной семье от имени органов опеки и попечительства. Приемная семья в данном случае приобретает такой образ, который складывается у конкретного представителя органов опеки и попечительства. Этот образ строго охраняется и контролируется. Следовательно, создается впечатление, что самостоятельность приемной семьи в воспитании детей определенным образом ограничивается, и, напротив, углубляются процессы надзора над семьей. Особенно ярко данное противоречие проявляется при включении в процесс надзора общественного контроля. Как свидетельствуют многочисленные общественные дебаты по поводу конфликтов между приемными родителями и органами опеки и попечительства, критерии оценки и в отношении заданий органов опеки, и в отношении качества приемной семьи весьма размыты. Такое положение дел явно не ведет к улучшению понимания сущности приемной семьи.

Несколько меняет ситуацию гражданско-правовой статус договора о передаче ребенка в приемную семью. Этот вид правовых отношений предполагает перечень услуг, предоставляемых приемной семьей ребенку. Набор услуг стро-

го прописывается в договоре. Они и служат основанием оценки приемной семьи со стороны государственных и общественных институтов. Образ приемной семьи начинает вырисовываться более рельефно: она отвечает за соблюдение прав ребенка, за его здоровье, получение образования, подготовку ребенка к самостоятельной жизни. За такой подход к пониманию приемной семьи ратуют очень многие юристы и управленцы. Правда, в перечень услуг невозможно внести любовь в ребенку или построение доверительных отношений. Кроме того, услуги в современном понимании этого слова означают правоту клиента перед обслуживающим учреждением. Снимается образ приемной семьи как ресурса развития ребенка и насаждается образ «лучшего» по сравнению с детским домом «места» пребывания ребенка.

Н. Ф. Звенигородская, однозначно занимающая позицию семейно-правовых отношений договора, отмечает, что его преимуществом выступают «условия для содержания, воспитания и образования детей» [Звенигородская, 2020]. Под условиями подразумевается, прежде всего, воспитательный потенциал семьи и сила семейных отношений. В центр образа приемной семьи становятся возможности семьи для развития ребенка и отношения, складывающиеся внутри семьи, отношения между родителями и детьми, между семьей и обществом. Критерием объективно ста-

новится успешность ребенка, оказавшегося в благоприятных условиях. Казалось бы, это и есть искомая для всех (ребенка, принимающей семьи, общества) сущность приемной семьи. Вместе с тем, при таком характере договора теряется личностная и социальная ответственность ребенка за состояние своего развития. Это, к сожалению, приводит к тому, что приемные семьи (впрочем, как и родные) даже при благоприятных условиях выпускают в жизнь не совсем успешных и даже социально неопределившихся воспитанников. Суть приемной семьи опять куда-то ускользает.

Итак, правовые дискуссии свидетельствуют о том, что институт приемной семьи в настоящее время не является устоявшимся, а в саму сущность приемной семьи и ее образ юридической наукой и практикой постоянно вносятся изменения и дополнения. Для живого и развивающегося социально-правового феномена это вполне объективная научная закономерность.

В качестве феномена приемная семья воспринимается и в современной *психолого-педагогической науке*. Не утихают споры о педагогической сущности самого термина «приемная семья», о педагогических функциях приемной семьи, о степени взаимовлияния семейного и коррекционного воспитания [Курбацкий, 2002, с. 39; Иванова, 2007; Пяткина, 2010]. В центре обсуждения – соотношение профессиональной и родительской пози-

ции в процессе воспитания ребенка в приемной семье [Зуева, 2018]. По мнению В. Н. Ослон, приемные семьи «по своему формальному статусу занимают маргинальное положение: являются формой, промежуточной между усыновлением, то есть юридическим принятием ребенка в семью, и общественным воспитанием» [Ослон, 2006, с. 54]. Получается, что это и не семья в ее традиционном смысле слова, а социальный институт воспитания. Следовательно, родители выполняют воспитательную функцию, работая, как бы выразились юристы, на дому. Вероника Несоновна так и называет этот вид семьи – профессиональная замещающая. Главным отличительным признаком приемной семьи (а также патронатной семьи и семейной воспитательной группы) от всех других форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выступает профессионализм. С одной стороны – это сигнал к восприятию приемной семьи как семьи умеющей, способной, компетентной. Следовательно, приемная семья должна обладать неким набором особых способов воспитания особого ребенка, а родители могут даже иметь специальное педагогическое, психологическое или медицинское профессиональное образование. Как показывает анализ источников, все больше ученых-педагогов и педагогов-практиков склоняются к данному пониманию сущности приемной

семьи. Самих же приемных родителей в таком случае называют «родитель-воспитатель» или «социальный родитель». С другой стороны – это удар по образу тех позитивных приемных семей, которые справляются со своей традиционной (в том числе и юридически закреплённой) функцией семейного воспитания ребенка. Они тогда какая приемная семья – непрофессиональная? Тогда, как ее отличить от опеки, которую пока никто еще не называет профессиональной, даже если ребенка воспитывают некровные родственники?

Убеждают в том, что приемная семья остается психолого-педагогическим феноменом и те обстоятельства, что данное понятие не внесено как устоявшееся в педагогические и психологические словари; что пока весьма однородна тематика психолого-педагогических проблем исследования (мотивация создания приемной семьи, коррекция деприваций, адаптация ребенка в приемной семье); нет комплексных исследований; не хватает исследований, доказывающих преимущества приемной семьи перед институциональными формами воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Все это позволяет нам рассматривать приемную семью на современном этапе ее развития с феноменологической точки зрения, то есть как явление становящееся, но сущностно своеобразное, обладающее внутренним единством и

связью с другими объектами действительности.

Следующим, очень важным моментом феноменологического анализа выступает *социально-педагогический* аспект приемной семьи. Причем ведущим словом в сочетании «социально-педагогическое» будет выступать «педагогическое». В концентрированном виде приоритет педагогического зафиксирован и в юридических нормах. Семейный кодекс гласит, что приемная семья образуется на основании договора о передачи ребенка (детей) на *воспитание* в семью. Термин «воспитание» и в Семейном кодексе, и в Положении Правительства о приемной семье является ключевым. Государство и общество создают приемную семью, прежде всего, для воспитания ребенка, то есть для целенаправленной деятельности по развитию и формированию личности. Это, в свою очередь, дает возможность в центр внимания поставить педагогические процессы, разворачивающиеся в приемной семье; позволяет увидеть механизмы педагогического взаимодействия, определить наиболее адекватные методы воспитания и развития ребенка в приемной семье.

Социальная составляющая исследования должна выявить особенности педагогических процессов в специфической социальной среде – приемной семье. Знания о приемной семье как особой социальной среде педагогической деятельности могут дать основания

для понимания того, как педагогические процессы преломляются в данном особом социальном пространстве, на чем они фокусируются, как интерпретируются, каким социальным опытом обогащаются. Данная тенденция нашла свое отражение в научных исследованиях Е. В. Герасимовой, Ж. А. Захаровой, О. К. Миневич, О. Г. Япаровой [Япарова, 2009; Герасимова, 2009; Захарова, 2009; Миневич, 2008] и других педагогических работах.

Заключение

Приемная семья как становящийся и развивающийся социально-

педагогический феномен все более привлекает внимание ученых. Исследования приемной семьи все чаще осуществляются в рамках постнеклассической методологии, заостряя идею неповторимости, уникальности самого феномена. Это, в свою очередь, позволяет глубже понять педагогические процессы, происходящие в новой для нашей страны форме семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Библиографический список

1. Антокольская М. В. Семейное право. Москва : Юристъ, 1999. 336 с.
2. Герасимова Е. В. Социально-психологические аспекты формирования гуманных взаимоотношений в приемной семье // Социальная политика и социология. 2009. № 5. С.132–139.
3. Гурко Т. А. Становление института приемной семьи в регионах / Т. А. Гурко, О. А. Белобородова // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 136–132.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Санкт-Петербург : Наука, 2001. 315 с.
5. Дрожжина И. В. Договор о приемной семье: понятие и особенности заключения // Юридическая наука. 2011. № 2. С. 30–34.
6. Захарова Ж. А. Социально-педагогическое сопровождение процесса воспитания приемного ребенка в замещающей семье. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. 427 с.
7. Звенигородская Н. Ф. Правовая природа договора о приемной семье и приглашения приемной семьи о создании фермерского хозяйства. Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_6015.html. (Дата обращения: 10. 10. 2020).
8. Зуева Н. Л. Оптимизация процесса семейного устройства воспитанников организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Инновационные проекты и программы в образовании. 2018. № 5 (59). С. 18–22.
9. Иванова М. В. Отношения ребенка с приемной матерью на этапе вхождения в приемную семью как психолого-педагогическая проблема // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: Аспирантские тетради: Научный журнал. 2007. № 9(29). С. 148–154.

10. Коровина Е. С. Приемная семья как инновационный институт современного российского общества. Режим доступа: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/1919/1/Коровина.doc>. (Дата обращения: 10. 10. 2020).
11. Котова Т. Е. Изучение идентификационных основ готовности к замещающему родительству // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2011. №1 (11). С. 47–52.
12. Курбацкий И. Н. Педагогическое и правовое толкование понятия «приемная семья» // Педагогика. 2002. № 5. С. 39–42.
13. Миневич О. К. Психологические особенности развития отношений в приемной семье // Вестник Тамбовского университета. 2008. Выпуск 8. С.126–128.
14. Ослон В. Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. Москва : Генезис, 2006. 368 с.
15. Пяткина Г. Н. Педагогическая модель социализации детей-сирот в приемной семье // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 6 (25) ч. 2. С. 220–222.
16. Расчетина С. А. Ситуация риска: теоретическое осмысление и практическое преобразование // Педагогика. 2014. № 5. С. 81
17. Фетисова О. В. Правовой статус приемных родителей // Право и политика. 2005. № 3. С. 133-136.
18. Япарова О. Г. Ценностные ориентации приемных родителей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 98. С. 325-328.

Bibliograficheskij spisok

1. Antokol'skaja M. V. Semejnoe pravo. Moskva : Jurist#, 1999. 336 s.
2. Gerasimova E. V. Social'no-psihologicheskie aspekty formirovaniya gu-mannyh vzaimootnoshenij v priemnoj sem'e // Social'naja politika i sociolo-gija. 2009. № 5. S.132–139.
3. Gurko T. A. Stanovlenie instituta priemnoj sem'i v regionah / T. A. Gurko, O. A. Beloborodova // Sociologicheskie issledovaniya. 2009. № 2. S. 136–132.
4. Gusserl' Je. Kartezijskie razmyshleniya. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. 315 s.
5. Drozhzhina I. V. Dogovor o priemnoj sem'e: ponjatie i osobennosti zaključenja // Juridicheskaja nauka. 2011. № 2. S. 30–34.
6. Zaharova Zh. A. Social'no-pedagogicheskoe soprovozhdenie processa vospitaniya priemnogo rebenka v zameshhajushhej sem'e. Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2009. 427 s.
7. Zvenigorodskaja N. F. Pravovaja priroda dogovora o priemnoj sem'e i soglasheniya priemnoj sem'i o sozdanií fermerskogo hozjajstva. Rezhim dostupa: http://www.juristlib.ru/book_6015.html. (Data obrashheniya: 10. 10. 2020).
8. Zueva N. L. Optimizacija processa semejnogo ustrojstva vospitannikov organizacii dlja detej-sirot i detej, ostavshih'sja bez popechenija roditelej // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2018. № 5 (59). S. 18–22.
9. Ivanova M. V. Otnosheniya rebenka s priemnoj mater'ju na jetape vhozhdeniya v priemnuju sem'ju kak psihologo- pedagogicheskaja problema // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena: Aspirantskie tetradi: Nauchnyj zhurnal. 2007. № 9(29). S. 148–154.

10. Korovina E. S. Priemnaja sem'ja kak innovacionnyj institut sovremennogo rossijskogo obshhestva. Rezhim dostupa: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/bitstream/123456789/1919/1/Korovina.doc>. (Data obrashhenija: 10. 10. 2020).
11. Kotova T. E. Izuchenie identifikacionnyh osnov gotovnosti k zameshaju-shhemu roditel'stvu // Vestnik Jaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. 2011. №1 (11). S. 47–52.
12. Kurbackij I. N. Pedagogicheskoe i pravovoe tolkovanie ponjatija «priemnaja sem'ja» // Pedagogika. 2002. № 5. S. 39–42.
13. Minevich O. K. Psihologicheskie osobennosti razvitija otnoshenij v priemnoj sem'e // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2008. Vypusk 8. S.126–128.
14. Oslon V. N. Zhizneustrojstvo detejsirot: professional'naja zameshajushhaja sem'ja. Moskva : Genezis, 2006. 368 s.
15. Pjatkina G. N. Pedagogicheskaja model' socializacii detejsirot v priemnoj sem'e // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2010. № 6 (25) ch. 2. S. 220-222.
16. Raschetina S. A. Situacija riska: teoreticheskoe osmyslenie i prakticheskoe preobrazovanie // Pedagogika. 2014. № 5. S. 81
17. Fetisova O. V. Pravovoj status priemnyh roditel'ej // Pravo i politika. 2005. № 3. S. 133-136.
18. Japarova O. G. Cennostnye orientacii priemnyh roditel'ej // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 98. S. 325-328.

В. А. Ясвин

УДК 371.2

<https://orcid.org/0000-0002-4740-4235>

**Экологическая политика в сфере формирования культуры:
цели и результаты**

Для цитирования: Ясвин В. А. Экологическая политика в сфере формирования культуры: цели и результаты // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 147-156. DOI 10.20323/2658-428X-2020-4-9-147-156

В представленной статье актуализируется проблема эффективной организации деятельности по формированию экологической культуры населения. Подчеркнуто, что в современных социально-экономических условиях остаются актуальными приоритеты национальной экологической политики, сформулированные на рубеже XX-XXI веков экспертами Центра экологической политики России под руководством академика А. В. Яблокова. В статье представлен анализ основных ресурсов (инструментов и институтов) для создания системы эффективного целенаправленного формирования экологической культуры различных категорий населения. Подчеркнуто, что для реализации данного приоритета национальной экологической политики необходимо обеспечить решение ключевых задач: формирование у населения системы представлений о ценности природных ресурсов, об основных положениях стратегии устойчивого развития, о проблемах поддержания здоровья среды и т. д.; формирование гуманного отношения к природе, обеспечивающего психологическое включение животных и растений в сферу действия этических норм; освоение населением экологически безопасных способов природопользования; обучение людей осознанному использованию уникального потенциала, который заключен в духовном общении с миром природы, для собственного личностного развития; формирование у людей потребности в активной личной поддержке идей устойчивого развития и поддержания здоровья среды. Автор аргументирует необходимость проведения анализа организационного и интеллектуального потенциала всех соответствующих региональных институтов (образовательных организаций, государственных природных заповедников и национальных парков, зоопарков, ботанических садов, музеев, экологических клубов, соответствующих общественных организаций, научных учреждений и т. д.), а также выделения приоритетных направлений деятельности для каждого из них в целях эффективного целенаправленного формирования экологической культуры различных категорий населения страны.

Ключевые слова: экологическая политика, формирование культуры, экологическая культура населения, стратегия устойчивого развития, экологическое образование.

© Ясвин В. А., 2020

W. A. Yasvin

Formation of ecological culture of the population: goals and results

In this article, the problem of effective organization of activities for the formation of environmental culture of the population is updated. It is emphasized that in modern socio-economic conditions, the priorities of the national environmental policy formulated at the turn of the XX–XXI centuries by experts of the center for environmental policy of Russia remain relevant. The contribution of experts of this Center under the leadership of academician A. V. Yablokov is noted. The article presents an attempt to systematically analyze the main resources (tools and institutions) for creating a system of effective targeted formation of environmental culture of various categories of residents. It is emphasized that in order to implement this priority of the national environmental policy, it is necessary to create a system of effective targeted formation of the environmental culture of various categories of residents and ensure the solution of key tasks. The author refers to the data of the problem and reveals them through description of the main activities and results in the formation of a system of ideas about the value of natural resources, the main provisions of the strategy of sustainable development, the problems of maintaining the health of the environment and so on; on the formation of humane attitude to nature, providing psychological inclusion of animals and plants within the scope of ethics; the development of a population environmentally safe methods of land use; to teach people to consciously use the unique potential that lies in spiritual communication with the natural world for their own personal development; to form people's need for active personal support for the ideas of sustainable development and maintaining the health of the environment. The author argues for the need to analyze the organizational and intellectual potential of all relevant regional institutions (educational organizations, state nature reserves and national parks, zoos, botanical gardens, museums, environmental clubs, relevant public organizations, scientific institutions, and so on), as well as identify priority areas of activity for each of them in order to effectively target the formation of environmental culture of various categories of the country's population.

Key words: environmental policy, sphere of culture formation, environmental culture of the population, sustainable development strategy, environmental education.

Задачи в сфере формирования экологической культуры

В современных социально-экономических условиях остаются полностью актуальными приоритеты национальной экологической политики, сформулированные на рубеже XX–XXI вв. экспертами Центра экологической политики России под руководством академика А. В. Яблокова [Приоритеты ...,

2009]. Одним из приоритетов национальной экологической политики является создание системы эффективного целенаправленного формирования экологической культуры различных категорий населения с использованием для этого всех возможных инструментов и институтов.

Для реализации данного приоритета необходимо обеспечить решение следующих задач:

1. формирование у населения системы представлений о ценности природных ресурсов, об основных положениях стратегии устойчивого развития, о проблемах поддержания здоровья среды и так далее;

2. формирование гуманного отношения к природе, обеспечивающего психологическое включение животных и растений в сферу действия этических норм;

3. освоение населением экологически безопасных способов природопользования;

4. обучение людей осознанному использованию уникального потенциала, который заключен в духовном общении с миром природы, для собственного личностного развития;

5. формирование у людей потребности в активной личной поддержке идей устойчивого развития и поддержания здоровья среды.

Формирование представлений об устойчивом развитии, поддержании здоровья среды и ценности ресурсов предусматривает формирование базовых знаний и понимания того, что и как происходит в природе и между человеком и природой, как следует поступать с точки зрения экологической целесообразности [Ясвин, 2019].

Наибольшее значение имеют представления:

– о единстве человека и природы на глобальном экосистемном уровне (энергетический обмен между биосферой и техносферой и т. п.);

– о единстве человека и природы на уровне социума (взаимосвязь природных условий и характера развития общества, вопросы экономики природопользования, экологическое право и тому подобное);

– о единстве человека и природы на уровне человека как биологического организма (взаимосвязь здоровья среды и здоровья человека и тому подобное);

– о единстве человека и природы на психологическом, личностном уровне (мир природы как духовная ценность, ценность «общения» с природой и тому подобное).

Формирование гуманного, партнерского отношения к природе предусматривает воздействие на эстетическую и нравственную сферы человека, пробуждение и укрепление в людях желания беречь природу; психологическое включение людьми своих взаимоотношений с животными и растениями в сферу действия этических норм. Природа рассматривается не столько как «окружающая среда», а в большей степени, как «мир природы», по отношению к которому люди могут проявлять свои чувства (жалость, сопереживание, сострадание и так далее). Именно, «мир природы», а не «окружающая среда» оказывается отражаемым в творчестве поэтов, писателей и художников, то есть «мир природы» выступает для человека как личностно значимая, а не только как объективная ценность. Исследования психологов показывают, что именно гуман-

ное, этическое отношение к природе (а вовсе не формальное знание экологических законов!) является основным регулятором экологического поведения людей, то есть их действий и поступков, связанных с природопользованием и охраной природы [Ясвин, 2000].

Таким образом, формирование гуманного отношения к природе, которому до настоящего времени уделялось гораздо меньше внимания, чем формированию научных экологических знаний, должно занять важнейшее место в содержании деятельности по формированию экологической культуры населения.

Освоение способов экологически приемлемого природопользования предусматривает формирование умения людей экологически грамотно осуществлять ту или иную деятельность, связанную с вторжением в природу [Кряж, 2012]:

– способы устойчивого природопользования (причем, не только и не столько в сфере общественного производства, но и, главным образом, в сфере индивидуального природопользования (сбор грибов и ягод, сенокошение, использование химикатов на огороде, утилизация бытового мусора и т. д.);

– способы научного изучения среды и ее здоровья;

– способы деятельности по поддержанию здоровья среды (технологические, биотехнические, экономические, правовые, органи-

зационные, образовательные, агитационные) и т. д.

Необходимо обучение людей *осознанно использовать уникальные личностно развивающие ценности, которые заключены в психологическом общении с миром природы.*

Высокий уровень экологической культуры населения предполагает возможность активного использования каждым человеком не только материальных, но и рекреационно-развивающих ценностей природы для своего личностного развития и самосовершенствования.

При этом реализуется ряд психологических функций общения с природой:

– эстетическая функция – возможность любоваться красотой форм, наслаждаться приятными запахами, мелодичными звуками и т. д.;

– познавательная функция – возможность наблюдать, узнавать новое и т. д.;

– функция реализации этических потребностей – возможность любить и заботиться о ком-то и т. д.;

– психотерапевтическая функция – снятие стрессовых состояний, снижение возбуждения и т. д.;

– психофизиологическая функция – снижение артериального давления, устранение бессонницы и т. д.;

– реабилитационная функция – повышенное стремление к контактам с природными объектами паци-

ентов психиатрических больниц, воспитанников колоний, детских домов;

– воспитывающая функция – формирование таких личностных качеств, как доброта, любознательность и т. д.

Если целенаправленная образовательная деятельность позволяет людям открыть для себя психологический потенциал общения с природой как особый природный ресурс, то это не только создает дополнительные возможности для их личностного развития, но и формирует убеждение в уникальной ценности мира природы, что само по себе является серьезным фактором, влияющим на развитие экологически безопасных технологий природопользования [Борейко, 1997].

Обеспечение *активного участия широких слоев населения в поддержке идей устойчивого развития и поддержания здоровья среды* – важнейший аспект деятельности по формированию экологической культуры [Баньковская, 1991].

Необходимо развитие представлений населения, во-первых, об основных идеях и преимуществах стратегии устойчивого развития и, во-вторых, о деятельности государственных и общественных структур, обеспечивающих возможности реализации данной стратегии (в частности, природоохранных организаций и учреждений):

– о целях их создания и функционирования;

– об их роли в сохранении природы региона, страны, планеты в целом;

– об их научном и практическом вкладе в решение экологических проблем;

– об их роли в гармоничном развитии детей и молодежи.

Важнейшую роль в вовлечении людей в активную природоохранную деятельность могут также играть их представления:

– об охраняемых животных, растениях, уникальных природных комплексах;

– об их культурной, эстетической, духовной и иной ценности;

– о людях, которые посвятили свою жизнь охране и изучению родной природы.

Позитивное отношение людей к природоохранным структурам является наиболее сильным стимулом активной общественной поддержки деятельности данных структур. Формирование положительного отношения людей к требованиям экологического законодательства, к деятельности природоохранных служб предполагает наиболее интенсивную и в то же время наиболее тонкую работу с населением [Ясвин, 1998].

Вовлечение людей в непосредственную практическую деятельность по поддержанию здоровья среды формирует у них чувство сопричастности: человеку свойственно беречь то, на что была направлена его созидательная ак-

тивность, во что был вложен его собственный труд.

Эффективное решение поставленных задач позволит, во-первых, сформировать у жителей страны стремление к рациональному и экологически безопасному использованию природных ресурсов и, во-вторых, обеспечить возможность грамотного природопользования.

Инструменты и институты формирования экологической культуры

Реализация национальной экологической политики в сфере формирования экологической культуры населения обеспечивается действием соответствующих организационных инструментов и институтов.

К основным *организационным инструментам* формирования экологической культуры населения могут быть отнесены: система непрерывного экологического образования, эколого-просветительская работа, экологическая пропаганда, эколого-художественная деятельность.

К основным *организационным институтам* формирования экологической культуры населения могут быть отнесены: дошкольные образовательные организации, общеобразовательные организации, образовательные организации высшего образования, организации дополнительного образования, а также дополнительного профессионального (постдипломного) образования, средства массовой информации,

национальные парки, заповедники, музеи, зоопарки, ботанические сады, дома природы, государственные природоохранные службы, общественные организации, творческие союзы (писателей, художников, фотографов, кинематографистов и т. п.) и т. д.

Экологическое образование осуществляется дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями, организации среднего профессионального образования, образовательными организациями высшего образования, организации дополнительного образования, а также дополнительного профессионального (постдипломного) образования и др. [Лучшие практики ... , 2018]. Под «образованием» понимается «целенаправленный процесс воспитания и обучения <...> сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов)» [Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»]. Используя термин «образование» в строгом значении этого слова, правомерно говорить о лицензированных формах воспитания и обучения, которые к тому же, как правило, предусматривают подтверждение результатов данной деятельности соответствующими документами (свидетельствами, дипломами).

Эколого-образовательная деятельность носит системный харак-

тер, предполагает формальную ответственность образовательной структуры за конечный результат образовательного процесса – уровень подготовленности своих выпускников.

Эколого-просветительская работа национальных парков, заповедников, музеев, зоопарков, ботанических садов, домов природы подразумевает, прежде всего, целенаправленное информирование населения в экологических вопросах, вовлечение широких слоев населения в активное участие в природоохранной деятельности. Эколого-просветительская деятельность может осуществляться как государственными, общественными, частными организациями (учреждениями), так и отдельными лицами. Экологическое просвещение не дублирует и не заменяет содержание, формы и методы общего и профессионального экологического образования. Просветительская деятельность, как правило, носит более массовый характер, но, при этом, не имеет непосредственной обратной связи (например, экзаменов), подтверждающей степень усвоения населением распространяемой информации. Эффективность эколого-просветительской деятельности может быть установлена косвенными путями: например, отмечаемым снижением уровня экологических правонарушений, результатами социологических опросов и др. [Концепция работы ... , 1998].

Экологическая пропаганда осуществляется государственными природоохранными службами, средствами массовой информации, общественными организациями и др. [Борейко, 1996]. Средства экологической пропаганды – плакаты, значки, марки, красочные конверты, наклейки и т. п., отражающие экологическую тематику, а также экологические лозунги, обращения, видеоклипы (так называемая, социальная реклама) и т. д. Экологическая пропаганда привлекает внимание людей к определенным экологическим проблемам, формирует их интерес к тем или иным экологическим проектам, природоохранным организациям и т. д.

Эколого-художественная деятельность творческих союзов и отдельных авторов (писателей, художников, фотографов, кинематографистов). Средства искусства, такие как фильмы, картины, литературные произведения, художественные фотографии и т. д., показывающие мир природы и взаимоотношения природы и человека, оказывают мощное влияние на эмоциональную сферу людей. Это важнейший фактор формирования гуманного отношения к природе, так как именно произведения искусства стимулируют проявление эстетических чувств, вызывают размышления людей о своем отношении к окружающей природе, заставляют переосмысливать жизненные ценности и т. д. [Печко, 1991].

Заключение

Для эффективного использования инструментов и институтов формирования экологической культуры необходимо выполнять следующие основные требования [Ясвин, 1999]:

1. *Широкая социальная направленность.* Работа по формированию экологической культуры ведется среди самых широких слоев населения (сельского и городского, детского и взрослого, бизнесменов и руководителей и т. д.). Приоритетной категорией являются обучающиеся (учащиеся, воспитанники, студенты). Формирование экологической культуры осуществляется на основе широкомасштабного сотрудничества различных государственных и общественных структур: образовательных организаций, национальных парков и заповедников, музеев, общественных организаций, органов самоуправления, средств массовой информации и т. д.;

2. *Профессиональное обеспечение.* Необходимо стремиться к тому, чтобы деятельность по формированию экологической культуры населения осуществлялась профессио-

нально подготовленными специалистами на базе соответствующего материально-методического обеспечения. Формирование экологической культуры осуществляется с учетом соответствующих социально-психологических закономерностей. К разработке социально-экологических проектов наряду с биологами, географами, педагогами и другими «традиционными» природоохранными специалистами следует привлекать социологов и психологов, а также журналистов, представителей других творческих профессий. Необходима концентрация ресурсов на образовательном сопровождении различных проектов, связанных с природопользованием. Эколого-образовательные методические разработки для усиления их эффективности целесообразно подвергать психологической экспертизе.

Широкий спектр инструментов и институтов формирования экологической культуры позволяет обеспечить комплексность эмоциональных и интеллектуальных средств воздействия на различные категории населения.

Библиографический список

1. Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига : Зинатне, 1991. 128,[2] с.
2. Борейко В. Е. Пути и методы природоохранной пропаганды. Киев : Киевский эколого-культурный центр, 1996. 207 с.
3. Борейко В. Е. Идеальные ценности дикой заповедной природы // Любовь к природе. Материалы международной школы-семинара «Трибуна-6». Киев, 1997. С. 46–50.

4. Концепция работы государственных природных заповедников и национальных парков Российской Федерации по экологическому просвещению населения / Н. Р. Данилина, В. Б. Степаницкий, В. А. Ясвин. Москва : Всемирный фонд дикой природы, Эколого-просветительский центр «Заповедники», 1998. 25 с.
5. Кряж И. В. Психология глобальных экологических изменений. Харьков : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2012. 512 с.
6. Лучшие практики экологического образования в интересах устойчивого развития: монография / под общей ред. С. В. Алексеева, А. Н. Захлебного. Санкт-Петербург : СПб АППО; Москва, 2018. 208 с.
7. Печко Л. П. Эстетическая культура и воспитание человека. Москва: ВНИЦТИКПР, 1991. 100, [1] с.
8. Приоритеты национальной экологической политики России / под ред. В. М. Захарова. Москва : Институт устойчивого развития ; Центр экологической политики России, 2009. 152 с.
9. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации».
10. Ясвин В. А. Отношение местного населения к заповедникам: социально-психологическое исследование // Бюллетень Центра экологической политики России «На пути к устойчивому развитию России». 1998. № 5 (9). С. 32–33.
11. Ясвин В. А. История и психология формирования экологической культуры: Удобно ли сидится на вершине пирамиды? Москва : Наука, 1999. 100 с.
12. Ясвин В. А. Психология отношения к природе. Москва : Смысл, 2000. 456 с.
13. Ясвин В. А. Направления подготовки учителей биологии к формированию экологической культуры школьников // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 130-летию со дня рождения А.С. Макаренко / под ред. Е. И. Артамоновой. Москва : Некоммерческое партнерство «Международная академия наук педагогического образования», 2019. С. 527–531.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ban'kovskaja S. P. Invajronmental'naja sociologija. Riga : Zinatne, 1991. 128,[2] s.
2. Borejko V. E. Puti i metody prirodoohrannoj propagandy. Kiev : Kievskij jekologo-kul'turnyj centr, 1996. 207 s.
3. Borejko V. E. Ideal'nye cennosti dikoj zapovednoj prirody // Ljubov' k prirode. Materialy mezhdunarodnoj shkoly-seminara «Tribuna-6». Kiev, 1997. S. 46–50.
4. Konceptcija raboty gosudarstvennyh prirodnyh zapovednikov i nacional'nyh parkov Rossijskoj Federacii po jekologicheskomu prosveshheniju naselenija / N. R. Danilina, V. B. Stepanickij, V. A. Jasvin. Moskva : Vsemirnyj fond dikoj prirody, Jekologo- prosvetitel'skij centr «Zapovedniki», 1998. 25 s.
5. Krjazh I. V. Psihologija global'nyh jekologicheskikh izmenenij. Har'kov : HNU im. V. N. Karazina, 2012. 512 s.
6. Luchshie praktiki jekologicheskogo obrazovanija v interesah ustojchivogo razvitija: monografija / pod obshhej red. S. V. Alekseeva, A. N. Zahlebnogo. Sankt-Peterburg : SPb APPO; Moskva, 2018. 208 s.

7. Pechko L. P. Jesteticheskaja kul'tura i vospitanie cheloveka. Moskva : VNMCNTIKPR, 1991. 100, [1] s.
8. Prioritety nacional'noj jekologicheskoi politiki Rossii / pod red. V. M. Zaharova. Moskva : Institut ustojchivogo razvitija ; Centr jekologicheskoi politiki Rossii, 2009. 152 s.
9. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 13.07.2015) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii».
10. Jasvin V. A. Otnoshenie mestnogo naselenija k zapovednikam: social'no-psihologicheskoe issledovanie // B'ulleten' Centra jekologicheskoi politiki Rossii «Na puti k ustojchivomu razvitiju Rossii». 1998. № 5 (9). S. 32–33.
11. Jasvin V. A. Istorija i psihologija formirovanija jekologicheskoi kul'tury: Udobno li siditsja na vershine piramidy? Moskva : Nauka, 1999. 100 s.
12. Jasvin V. A. Psihologija otnoshenija k prirode. Moskva : Smysl, 2000. 456 s.
13. Jasvin V. A. Napravlenija podgotovki uchitelej biologii k formirovaniju jekologicheskoi kul'tury shkol'nikov // Professionalizm pedagoga: sushhnost', sodержanie, perspektivy razvitija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvjashhennoj 130-letiju so dnja rozhdenija A. S. Makarenko / pod redakciej E. I. Artamonovoj. Moskva: Nekommercheskoe partnerstvo “Mezhdunarodnaja akademija nauk pedagogicheskogo obrazovanija”, 2019. S. 527–531.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батракова Людмила Георгиевна – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Жданов Андрей Игоревич – бакалавр политологии, студент магистерской программы «Прикладная политология» факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва.

E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Коречков Юрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва.

E-mail: koryv@mail.ru

Лаврентьева Зоя Ивановна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии института истории, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», г. Новосибирск.

E-mail: lzi54@mail.ru

Мухаев Рашид Тазитдинович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и социологии ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», г. Москва.

E-mail: muhaev_r@mail.ru

Немков Павел Андреевич – руководитель отдела реализации проектов и программ в сфере гражданской самоидентичности Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников», г. Москва.

E-mail: nemk-pavel2009@yandex.ru

Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор РАНХиГС, г. Москва.

E-mail: nikovsky@inbox.ru

Россиина Нина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

E-mail: rossiinanina@mail.ru

Таланов Сергей Львович – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН, г. Москва.

E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Якимец Владимир Николаевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации РАН, профессор РАНХиГС.

E-mail: iakimets@mail.ru

Ясвин Витольд Альбертович – доктор психологических наук, профессор департамента психологии института педагогики и психологии образования ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва.

E-mail: vitalber@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Batrakova Ludmila Georgievna – doctor of economical sciences, professor of department of economical theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

E-mail: batrakova_1@rambler.ru

Zhdanov Andrew Igorevich – bachelor of political science, student of the master's program in applied political science, faculty of social sciences, National research university «Higher school of economics», Moscow.

E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Korechkov Yury Viktorovich – doctor of economical sciences, professor of the department of economics and finance, Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: koryv@mail.ru

Lavrentyeva Zoya Ivanovna – doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of pedagogy and psychology of the Institute of history, Novosibirsk state pedagogical university, Novosibirsk.

E-mail: lzi54@mail.ru

Mukhaev Rashid Tazitdinovich – doctor of political sciences, professor of the department of political science and sociology of the Plekhanov Russian university of economics, Moscow.

E-mail: muhaev_r@mail.ru

Nemkov Pavel Andreevich – head of the department of implementation of projects and programs in the field of civil identity All-Russian public-state children's and youth organization “Russian movement of school children”, Moscow.

E-mail: nemk-pavel2009@yandex.ru

Nikovskaya Larisa Igorevna – doctor of sociological sciences, chief researcher, Institute of sociology of Russian academy of sciences, professor of the Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow. E-mail: nikovsky@inbox.ru

Rossina Nina Sergeevna – candidate of economical sciences, associate professor of the department of economics and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

E-mail: rossiinanina@mail.ru

Talanov Sergey Lvovich – candidate of sociological sciences, associate professor, senior researcher of the sector of sociology of deviant behavior, Federal research sociological center of the Russian academy of sciences, Moscow.

E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Yasvin Witold Albertovich – doctor of psychological sciences, professor of the department of psychology of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

E-mail: vitalber@yandex.ru

Yakimets Vladimir Nikolaevich – doctor of sociological sciences, chief researcher of the Institute of information transmission problems of the Russian academy of sciences, professor of the Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow.

E-mail: iakimets@mail.ru

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2020 – № 4 (9)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Объем 20 п. л., 8, 86 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 158. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 09.12.2020

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44